

Содержание

Верховин В.И.	3
Спасает ли западная система информсента от коррупции?	3
Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в эпоху глобализации	26
Малашенко М.В. Модернизации в России: ценностные основания и реальное воплощение	42
Невская Т.А. Имидж России как ресурс инновационной модернизации	56
Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация социальной идентичности и консолидации российского общества (1984-2009 гг.)	66
Арачки З., Евтович З. Информационные войны и психологическое влияние на массы	79
Владыкина И.К. Технологии психологической войны	90
Гужавина Т.А. Социальное доверие на региональном уровне	99
Каневский П.С. Профсоюзы и бизнес в системе представительства интересов современной России	107
Когай Е.А. Политическая культура и гражданская активность: региональный аспект	120
Федоркин Н.С. Гражданское общество в механизме социально- политической модернизации страны	127
Алексеева Е.Н., Блинова М.С. Социальная адаптации мигрантов в мегаполисе: методология и методика исследования	140
Масалков И.К. Групповая биографическая интервенции в форме семинаров	154
Морозова Т.И. Самоорганизация молодежи как социокультурная проблема	162
Сутужко В.В. Социальная норма и социальный статус как основания оценивания	171
Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи	179
Синельников А.Б. Семья и ценности личной свободы ¹	186

Верховин В.И.

Спасает ли западная система инфорсмента от коррупции?

Верховин Владимир Исаакович — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

В статье анализируется западная система инфорсмента и ее ограниченные возможности в предотвращении коррупции. Дается анализ и критика некоторых примеров апологетики западного рыночного общества, не способного минимизировать коррупцию на разных уровнях его организации. Приводятся необходимые статистические и фактические аргументы в пользу точки зрения автора.

Ключевые слова: коррупция, западная система инфорсмента, коррупционные скандалы, статистика коррупции в Западных странах.

Verhovin V.I. Does save the western system of informenta from the corruption?

In this article the western enforcement system and its limited opportunities in prevention of corruption is considered. Analysis and criticism of some apologetics examples of the western market society, not capable to minimize corruption at different levels of its organization is given. Necessary statistical and actual arguments in favor of the author's viewpoint are resulted.

Keywords: corruption, the western enforcement system, corruption scandals, statistics of corruption in the western countries.

Коррупция как негативный социально-экономический феномен является постоянным предметом внимания и реагирования, как государственных структур всех стран, так и международных, научных и общественных организаций. Этот тип преступлений относится к одному из самых латентных и трудно раскрываемых, поскольку существует и проявляется во многих облициях и на разных уровнях политической, корпоративной и сетевой организации любого общества. Кроме того, факты коррупции могут кодифицироваться по признакам других преступлений, например экономической преступности или мошенничества, а часто практически от них не отличаются.

Многогранность и многозначность коррупционных преступлений не позволяет их однозначно вводить в реестр официальной криминальной и судебной статистики. Одной из причин этого, по нашему мнению, является также нежелание официальных лиц, отвечающих за борьбу с коррупцией, раскрывать статистику коррупционных проявлений, как по политическим, так и по идеологическим мотивам. Особенно это касается фактов коррупции в высших эшелонах политической власти и бизнеса в развитых западных странах. По этим, а также чисто техническим причинам факты раскрываемых коррупционных преступлений распыляются в официальной криминальной и судебной статистике по всему реестру преступлений и не объединяются в одну стационарную группу, что позволяет их систематизировать и

на этой основе проводить дальнейшие объективные, в том числе, сравнительные исследования.

Большинство исследований коррупции, в том числе социологических, базируются не на криминальной и судебной статистике, а используют различного рода опросы. В результате этих опросов, как правило, выявляется такая сравнительная оценка масштабов коррупции, которая наиболее благоприятна для западных стран.

В этом смысле наибольшей популярностью в изучении и оценке коррупционных проявлений в разных странах пользуются исследования международной неправительственной организации «Транспаренси Интернешнл». Она на основе специальных опросов ежегодно публикует так называемый индекс восприятия коррупции (ИВК), который и используют множество исследователей, в том числе отечественных, для сравнительной оценки интенсивности коррупции в разных странах.

Не смотря на серьезную критику относительно корректности и объективности этого показателяⁱ, а также закрытость первичных данных и выборка исследований по разным странам, публикуемые ежегодно индексы ИВК являются своеобразным ориентиром оценки коррупции в разных странах и позволяют сравнивать ИВК этих стран относительно друг друга. Хотя непонятно, почему и на каком основании можно по сопоставлению величин такого субъективного показателя как ИВК оценивать объективные масштабы коррупции, например, в США (ИВК -7,5) и в таком небольшом государстве как Чад (ИВК - 1,7)ⁱⁱ. Очевидно, что масштабы коррупции в США несоизмеримо больше, чем в государстве Чад, а номенклатура коррупционных преступлений намного изощреннее и богаче. То же можно сказать при сравнении ИВК многих других стран.

Таблица 1

Индекс восприятия коррупции (ИВК) в развитых странах с разным типом социального государства по данным организации «Транспаренси Интернешнл» в 2009 г.ⁱⁱⁱ

Ранг	Страна / регион	ИВК 2009 Оценка	Число исследований	Доверительный интервал
1	Новая Зеландия	9,4	6	9,1 - 9,5
2	Дания	9,3	6	9,1 - 9,5
3	Сингапур	9,2	9	9,0 - 9,4
3	Швеция	9,2	6	9,0 - 9,3
5	Швейцария	9,0	6	8,9 - 9,1
6	Финляндия	8,9	6	8,4 - 9,4
6	Нидерланды	8,9	6	8,7 - 9,0
8	Австралия	8,7	8	8,3 - 9,0
8	Канада	8,7	6	8,5 - 9,0
8	Исландия	8,7	4	7,5 - 9,4
11	Норвегия	8,6	6	8,2 - 9,1
12	Гонконг	8,2	8	7,9 - 8,5
12	Люксембург	8,2	6	7,6 - 8,8
14	Германия	8,0	6	7,7 - 8,3
14	Ирландия	8,0	6	7,8 - 8,4
16	Австрия	7,9	6	7,4 - 8,3
17	Япония	7,7	8	7,4 - 8,0
17	Великобритания	7,7	6	7,3 - 8,2
19	Соединенные Штаты	7,5	8	6,9 - 8,0
20	Барбадос	7,4	4	6,6 - 8,2
21	Бельгия	7,1	6	6,9 - 7,3
24	Франция	6,9	6	6,5 - 7,3

25	Чили	6,7	7	6,5 - 6,9
30	ОАЕ	6,5	5	5,5 - 7,5
31	Сент-Винсент и Гренадины	6,4	3	4,9 - 7,5
32	Израиль	6,1	6	5,4 - 6,7
32	Испания	6,1	6	5,5 - 6,6
.....				
79	Китай	3,6	9	3,0 - 4,2
.....				
146	Россия	2,2	8	1,9 - 2,4
.....				
175	Чад	1,6	6	1,5 - 1,7

Примечание: Балл ИВК 2009 г. отражает восприятие коррупции предпринимателями и аналитиками и оценивает его в диапазоне от 10 (коррупция практически отсутствует) до 0 (очень высокий уровень коррупции)

Число исследований: отражает количество исследований, проведенных в данной стране по этой проблеме.

Доверительный интервал - значение демонстрирует наивысшую и самую низкую оценку, полученную по различными источниками.

Если исходить из данных, представленных в табл. 1, то можно констатировать следующее. Все развитые Западные страны, находятся в верхней части списка рейтинга восприятия коррупции и относятся к категории наиболее «благоприятных» по этому показателю. Из этого, как правило, делается следующий вывод. Наивысший балл ИВК характерен для государств, в которых, во-первых, самый высокий уровень жизни и ВВП на душу населения по отношению к странам остального мира. Во-вторых, - наиболее развиты демократические институты гражданского общества. В-третьих, - государства данных стран относятся к категории социально-ориентированных. То есть получается, что в этих странах имеет место самый высокий уровень правосознания граждан, обусловленный функционированием такой благоприятной институциональной, экономической, социальной и политической среды, которая препятствует массовому распространению коррупции. С этими выводами согласно большинство экспертов, как в нашей стране, так и за рубежом.

Приведем в этом контексте только два примера апологетики (Я. Корнаи, А. Олейник) современного западного рыночного общества, в рамках которого якобы активно функционируют институциональные барьеры, минимизирующие коррупционные и мошеннические проявления на разных уровнях его социальной организации. Авторы, сравнивая институциональную среду развитых рыночных и переходных (традиционных) обществ, убеждают нас в том, что в рамках последних доминируют, как правило, неформальные модели социального поведения, которые базируются на сетевых контекстах и функционируют по законам теневой экономики. Это и является причиной чрезвычайно больших масштабов коррупции и мошенничества в переходных экономиках, в разы превышающих аналогичные явления на западе.

Первый пример – концепция Я. Корнаи, в которой он обосновывает надежность и эффективность западной системы *инфорсмента*, обеспечивающей защиту экономики от оппортунистических действий агентов (представителей бизнеса или чиновничества), стремящихся максимизировать свою персональную выгоду в ущерб интересам партнеров, контрагентов, общества и государства^{iv}. Второй пример – концептуальная схема А. Олейника, которую он предлагает в своей работе «Издержки и перспективы реформ в России (институциональный подход)^v».

Рассмотрим аргументы Я. Корнаи. С его точки зрения, в условиях развитых рыночных экономик правовые нормы, регулирующие поведение и

взаимодействие экономических агентов, которые декларируются законодательно, обеспечиваются надежной системой *инфорсмент*^{vi}. Речь идет о развитой инфраструктуре рыночного обмена, в рамках которой *система принуждения* выполнения законов и обязательств со стороны экономических агентов базируется не на страхе наказания, а на осознании большинством агентов рынка того, что нечестное поведение обходится дорого, в то время как честное является инвестицией, приносящей доход^{vii}.

Западный инфорсмент, по мнению Я. Корнаи, как форма легитимного принуждения, обеспечивающая выполнение фундаментальных правил и норм поведения в процессе рыночного обмена, действует на «горизонтальном» и «вертикальном» уровнях^{viii}. В первом случае имеется в виду легитимный порядок сотрудничества (партнерства) частных экономических агентов. В рамках этого порядка минимизируются различные формы оппортунистического поведения, в том числе, отдельных индивидов или их организаций по отношению друг к другу. Во втором случае имеются в виду *симметричные институциональные отношения* между государством и экономическими агентами. Эти отношения блокируют или минимизируют оппортунизм чиновников и бюрократов, обеспечивая защиту частных легитимных интересов и прав граждан и их организаций.

Если рассматривать способ реализации различных норм и правил, которые регулируют поведение экономических агентов на «горизонтальном уровне»^{ix}, (например, прав собственности или контрактных отношений) то можно констатировать, что сфера их действия характеризуется наличием трех типов общественных механизмов^x:

- а) правовой судебно-бюрократический механизм, обеспечивающий выполнение частных контрактов мерами государственного принуждения;
- б) морально-ассоциативный механизм, опирающийся на честность и взаимное доверие сторон контрактных отношений;
- в) механизм агрессии, основанный на прямом насилии вне законодательного поля.

Между этими механизмами возникают два вида связей. Первый вид, характерен для развитых рыночных обществ и объединяет механизмы а) и б) в рамках *позитивного дополнительного соглашения*^{xi}, которое и обеспечивает взаимное усиление действия этих механизмов. Действие обоих механизмов а) и б) взаимно усиливается. Чем больше бизнес сможет доверять правовым методам обеспечения соблюдения частных контрактов, тем реже ему потребуется прибегать к юридическим процедурам. Чем больше взаимное доверие между деловыми партнерами, тем меньше судебных дел (то есть обращений экономических агентов к мерам государственного принуждения). Это ослабляет давление на судебную систему и ускоряет юридические процедуры, что еще сильнее укрепляет доверие к правовому судебно-бюрократическому механизму^{xii}.

Второй вид связей противопоставляет механизмы а) и б) механизму в), что наиболее типично для традиционных и переходных обществ. В данном случае возникает ситуация *разрушительного замещения*. Чем больше бизнес полагается на механизм в) и прибегает к незаконным мерам, тем ниже авторитет закона. Чем сильнее предприниматели боятся друг друга, тем меньше они друг другу доверяют. Получается замкнутый круг, в котором разрушительные процессы взаимно усиливаются^{xiii}. Из этого делается вывод о том, что институциональная среда в традиционных и переходных экономиках намного благоприятнее для мошенничества и коррупции, чем в развитых

странах. Как следствие этого масштабы мошеннических и коррупционных проявлений на западе должны быть гораздо меньше.

Более подробную аргументацию применяет А. Олейник, сравнивая идеальный кодекс рыночного поведения и нормативную модель современного рыночного общества с кодексом поведения в условиях российской действительности^{xiv}. Суть этого сравнения заключается в том, что так называемая идеальная модель рыночного поведения, в рамках которой обеспечивается высокий уровень социального доверия между экономическими агентами и минимизируются оппортунистические проявления, сопоставляется с практикой квазирыночного поведения в российской экономике. В результате этих сопоставлений делается вывод о том, что в российских условиях имеет место рассогласование формальных (предписанных законом) и неформальных (локальных) норм поведения. Это способствует, в конечном итоге, возникновению внутри переходного (в данном случае, российского общества) такой институциональной среды, которая базируется на частном, групповом, сетевом «нормотворчестве» экономических субъектов, реализующих свои частные задачи и интересы вне рамок, декларируемых законом легальных правил поведения.

Мы в целом согласны с этими утверждениями, тем более что феномен «деформализации» социально-экономических отношений признается закономерным этапом эволюции всех переходных обществ и является хрестоматийным положением теории трансформационного цикла. Очевидно, что для этого этапа характерен институциональный вакуум, в частности порождающий несоответствие формальных (предписанных) и неформальных (не писанных) норм поведения. Одной из причин этого является так называемая «рекомбинантная» форма собственности, в рамках которой возникает некий симбиоз формальных и неформальных институциональных структур, образующих очень запутанные и взаимно переплетающиеся отношения собственности, где трудно отделить долю частных лиц, участвующих фирм, государственных предприятий и собственно государства^{xv}.

В конечном счете, можно сказать, что созданные в результате либерализации институциональные условия являются своеобразной квазиформой, за которой скрываются реальные структуры, обслуживающие интересы многих экономических агентов, не легализирующих свой реальный экономический статус в силу неопределенности, повышенного риска и других причин^{xvi}. Это, в свою очередь, способствует возникновению и функционированию такой институциональной среды, которая не гарантирует устойчивость, выгодность и длительность сделок между экономическими агентами, а, наоборот, увеличивает их издержки, в том числе коррупционные.

Наше возражение А. Олейнику касается совершенно другого аспекта. А именно метода сравнения и сопоставления *идеальной модели* рыночного поведения с *реальной практикой* (моделью) квазирыночного поведения в российской экономике. Нам представляется, что данный подход анализа рыночной практики переходной экономики не совсем корректен. Нельзя сравнивать и сопоставлять идеальную модель одного общества с реальной моделью другого.

Первый аргумент в пользу нашего тезиса заключается в том, что идеальная модель рыночного общества, предложенная А. Олейником, весьма декларативна. Она естественно не содержит информации об аномалиях и дисфункциях, характерных для реальной западной рыночной экономики и общества, которое развивается на этой основе. В рамках этой модели просто постулируется положение о том, что в условиях цивилизованного рынка

между партнерами экономического обмена возникает устойчивая система социального доверия, которая обеспечивает равновесие и «гармонию» их экономических интересов. Вот как А. Олейник строит свои аргументы^{xvii}.

В условиях развитых рыночных экономик, имеющих длительную историю развития, действует определенный кодекс поведения, который предполагает соблюдение таких общепринятых норм, как нормы взаимного доверия, симпатии, эмпатии, утилитаризма и интерпретативной рациональности. Эти нормы являются следствием не только эволюции экономических институтов, в рамках которых реализуются цивилизованные модели рыночного поведения, но вне меньшей степени определяются общими правилами той социальной среды и экономической культуры, которая сформировалась внутри современного развитого рыночного общества^{xviii}.

Эти нормы развитой рыночной культуры А. Олейник интерпретирует следующим образом^{xix}.

Нормы социального доверия составляют основу экономических транзакций. Без них не может состояться даже простейшая сделка, не говоря уже о более сложных.

Нормы социальной эмпатии предполагают необходимость не только внешнего доверия между экономическими агентами, вступающими в сделку, но, прежде всего, наличие внутреннего согласия между ними. Речь идет о том, что в основе норм эмпатии лежит способность индивидов к межличностному сравнению полезностей, к сопоставлению своих собственных интересов с интересами окружающих.

Нормы утилитаризма включают в себя рациональное преследование конкретной выгоды, связанной с использованием определенных средств и методов достижения экономических целей.

Нормы интерпретативной рациональности синтезируют в себе требования рационального (максимизационного) поведения и взаимного доверия. Следование этим нормам позволяет предсказывать реакции других участников сделки, а также доводить до них свои собственные намерения, тем самым облегчая их предсказание партнерами.

Таким образом, утверждает А. Олейник, в рамках современного рыночного общества действует такой социальный механизм, который делает различные рыночные соглашения (контракты и интеракции) согласованными, внутренне устойчивыми и гарантированными на длительный срок. То есть в основу современных рыночных транзакций положен не только принцип максимизации выгоды. Он коррелируется феноменом эмпатии, то есть возможностью поставить себя на место своего партнера по сделке, и нормами взаимного доверия и интерпретативной рациональности, которые являются важным фактором устойчивых доверительных отношений между участниками сделок^{xx}. Короче говоря, в условиях цивилизованного рынка между партнерами экономического обмена возникает устойчивая система социального доверия, которая является основной функционирования таких экономических институтов, которые регулируют различные формы обмена и сдерживают максимизационный эгоизм одних экономических агентов по отношению к другим.

Далее, А. Олейник, развивая свои аргументы и опираясь на нормативную модель современного сложного общества Л. Болтански и Л. Тевено^{xxi}, формулирует следующие принципы экономического поведения. Каждая из указанных сфер на основе особых норм регулирует взаимоотношения между индивидами в различных ситуациях и при достижении ими различных целей. При этом важным условием дифференциации различных соглашений

является наличие гарантий того, что ни одно из соглашений не распространит свои собственные нормы на сферы действия других соглашений^{xxii}.

Это требование, в свою очередь, обеспечивается за счет действия таких механизмов координации, которые основаны на поиске компромисса между социальными субъектами, когда взаимодействие в «пограничных ситуациях» осуществляется на базе «синтетических норм», требования которых не противоречат принципам затрагиваемых соглашений. Именно поиск компромиссных норм является оптимальной стратегией с точки зрения обеспечения функционирования «сложного общества», включающего в себя разнородные нормативные элементы^{xxiii}. Поиск компромисса обеспечивается, во-первых, за счет наличия в социуме элементов медиационной культуры, которая позволяет решать противоречия через поиск середины, синтеза между противоположными требованиями и императивами поведения^{xxiv}. Во-вторых, за счет институтов гражданского общества, которые являются ограничителем экспансии любого другого соглашения и арбитром в поиске компромисса между соглашениями^{xxv}. И эта идеализированная картина западного общества и контрактных отношений внутри него противопоставляется *реальной практике* (модели) квазирыночного поведения в переходной (в данном случае российской экономике).

По мнению А. Олейника, внутри переходных экономик (в данном случае Российской) действует совершенно другой механизм социального взаимодействия с особыми *нормами «переходной культуры»*.

Нормы доверия субъектов экономических интеракций существуют, но их применение персонифицировано и локально. Речь идет о том, что они не распространяются на широкий круг экономических агентов, взаимодействующих во всей системе рыночных отношений. Нормы доверия в условиях переходных экономик преимущественно функционируют в рамках клановых, семейных и патерналистских систем и практически не действуют за их пределами. В этих ситуациях начинают доминировать лишь принципы максимизационного эгоизма, а рыночные трансакции могут быть лишь локальными по характеру и основанными на предварительном знакомстве контрагентов^{xxvi}.

Далее. В условиях переходных обществ, *нормы симпатии и эмпатии* существуют, но также в максимально персонифицированной и локализованной форме. Это приводит к дисфункциям в рамках безличных рыночных соглашений, поскольку существенно снижается ответственность и заинтересованность экономических агентов, связанных друг с другом только чисто экономическими интересами. Таким образом, рыночные сделки в переходных экономиках характеризуются доминированием персональных связей, которые решающим образом влияют на экономическую эффективность сделки (трансакции). В этой связи за пределами персонифицированных отношений феномен социального доверия к партнеру минимизируется до самых минимальных значений и может достичь уровня полного безразличия^{xxvii}.

Нормы утилитаризма и нормативного рационализма сделок в условиях переходной экономики также замещаются клановым эгоизмом участников трансакций. Они в большей степени ориентированы на реализацию своих частных и клановых интересов, чем на соблюдение условий контрактов с другими рыночными партнерами. То есть рыночные сделки в условиях переходного периода более устойчивы, когда они заключаются между представителями кланово-патерналистских, сетевых структур, и менее устойчивы между всеми прочими легитимными участниками обмена^{xxviii}.

С этими положениями опять же можно согласиться, но, не прибегая к тем методам сопоставления, которые использует А. Олейник. Западное общество не стерильно. Оно демонстрирует множество аномальных явлений наподобие различных экономических преступлений, мошенничеств и коррупции, которые реализуются в конфиденциальных, скрытых от общества и государства, сетевых контекстах, что можно подтвердить, изучая криминальную статистику таких развитых стран как США, Германия, Великобритания, Франция и т.п.^{xxix} И это не единичные явления, не «родимые пятна капитализма», а массовые факты оппортунистического поведения представителей бизнеса и чиновничества. Они проявляются на различных уровнях организации этих обществ и ежегодно приводят к многомиллиардным издержкам.

Отметим, что наличие этих социальных издержек современного рыночного общества не отрицает и Л. Тевено, нормативную модель современного общества которого для подтверждения своей аргументации использует А. Олейник. Как мы показали ранее, в интерпретации А. Олейника важным условием дифференциации различных соглашений (convention), входящих в нормативную модель современного общества Л. Болтански и Л. Тевено, является наличие гарантий того, что ни одно из соглашений не распространит свои собственные нормы на сферы действия других соглашений^{xxx}.

Но, это лишь нормативное требование функционирования современного сложного общества, которое, по мнению авторов теории конвенций (convention), не идеально. В его рамках сосуществуют и взаимодействуют социальные порядки, отличающиеся друг от друга по формам легитимности «порядков значимости» внутри них^{xxxi}. В свою очередь, эти «порядки значимого», соответствующие различным формам социальной координации, находятся в критическом отношении друг к другу, что способствует возникновению многочисленных противоречий, связанных с доминированием одного социального порядка по отношению к другому. Перенесение одного порядка в другой чревато несправедливостью. В частности, как несправедливые оцениваются случаи перенесения преимуществ, полученных в ходе одной процедуры проверки значимого, на другие процедуры, например^{xxxii}:

- получение должности исполнительного директора благодаря не компетентности, а связям;
- признание художника в связи не с его талантам, а с активной рекламной компанией в СМИ;
- выбор политика, обусловленный большими размерами его избирательного бюджета и т.п.

В итоге, считает Л. Тевено, мы получаем фундаментальную типологию разнообразных выражений несправедливости (коррупция, неадекватность, привилегии и т.д.), проистекающей из-за подмены одной аутентичной процедуры проверки другой. Угроза заключается в том, что в этом случае возникнет единственный и жесткий социальный порядок, в котором растворяются и теряют динамизм все остальные порядки, отсюда возникает систематическое накопление на одном полюсе преимуществ, а на другом – потеря^{xxxiii}. Поэтому ни один из порядков «значимого» не может быть единственным основанием координации, когда частная оценка приобретает универсальный характер. В свою очередь, стремление к компромиссу помогает преодолеть противоречия между несколькими порядками, что характерно, например, для организаций экономических (в них присутствуют как минимум рыночный и индустриальный порядки), так и политических^{xxxiv}.

Насколько мы поняли суть рассуждений Л. Тевено, речь в его статье идет не о том, что западное общество демонстрирует более высокий уровень координации различных социальных порядков, чем в переходных обществах, а о том, что используется новый подход в изучении и интерпретации современного общества, базирующийся на программе «экономики соглашений»^{xxxv}. В рамках такого подхода совсем не исключаются в западном обществе такие негативные явления как коррупция, неадекватность, привилегии и т.п.

Концепция «экономики соглашений», развиваемая Л. Тевено и его коллегами, демонстрируя новый подход в изучении современного общества и пытаясь объединить разные методы социальных наук за счет введения специального конвенционального аппарата, не может служить универсальным аналитическим, эмпирическим и оценочным средством интерпретации и объяснения топологии многомерных социальных порядков, интегрированных в западном обществе^{xxxvi}.

Тем более она не может служить критериальным основанием для сопоставления, сравнения и оценки различных социальных систем. Социология конвенций это только новый метод изучения социальной реальности, а не тексты права, внутри которого действует система общеобязательных норм, обеспечиваемых силой государства, регулирующего поведение людей и применяющего санкции (или осуждения), если эти нормы нарушаются.

Таким образом, на наш взгляд, система рассуждений А. Олейника носит излишне идеологический характер, в рамках которых априорно делается вывод, что западная экономика обладает более эффективным институциональным механизмом, обеспечивающим высокий уровень правосознания экономических агентов, действующих исключительно в рамках легальных правил поведения и высокого уровня доверия друг к другу. В то же время в переходных экономиках, в том числе российской, доминируют неформальные модели поведения, базирующиеся на так называемой инверсионной культуре. Для нее характерны постоянные попытки поставить на место Закона одну из локальных норм и построить тем самым «большое» общество на основе принципов одной из социальных групп и т.п.^{xxxvii}

Да, мы согласны, что в российском обществе, чрезвычайно велик уровень коррупции, мошеннических правонарушений, как среди чиновников, так и представителей бизнеса. Но как обстоит дело в развитых западных странах? Неужели западная система инфорсmenta полностью защищает общество и граждан развитых государств от противоправных действий, связанных с коррупционными и мошенническими действиями? Конечно это не так. Наоборот, массовые случаи мошенничества, общественной и корпоративной коррупции, экономических преступлений, которые были обнародованы в прессе и зафиксированы в официальной статистике Западных стран как минимум за последние пять-десять лет, не позволяют делать подобные оптимистические выводы. Эти факты оппортунистического поведения чиновничества и бизнеса в США и в других развитых странах не могут нас убедить в том, что западная система инфорсmenta обеспечивает высокий уровень правосознания всех субъектов рынка и способна свести к минимуму коррупционные и мошеннические проявления различного рода. Приведем лишь несколько примеров.

Первый пример^{xxxviii}. 30 июля 2002 г., президент США Джордж Буш подписал законопроект, который сам назвал "наиболее масштабным реформированием практики американского бизнеса со времен Франклина Делано Рузвельта". Закон был принят по "горячим следам" череды банкротств и

громких скандалов, связанных с искажением крупными корпорациями своих финансовых показателей. С принятием закона «Сарбейнса-Оксли», администрация республиканцев получила "зеленый свет" на реформирование засбоившей системы корпоративного управления в стране. Закон расширил объем раскрываемой корпорациями финансовой информации, ужесточил внешний контроль над качеством аудита, а также ответственность руководства не только американских, но и действующих на территории США иностранных компаний за финансовую отчетность. Значительно расширились полномочия государственных регулирующих органов, прежде всего Федеральной комиссии США по ценным бумагам и биржам (SEC)^{xxxix}.

Только в 2003 г. SEC инициировала более 2200 разбирательств, связанных с намеренным искажением корпорациями финансовой отчетности. Не без ее участия 126 менеджеров крупных компаний лишились своих постов в 2002 г., и уже 105 - в 2003 г. Государство и бизнес сошлись во мнении, что первостепенными политическими задачами являются восстановление доверия к фондовому рынку 88 млн. американцев - держателей акций и обеспечение защиты интересов крупных институциональных инвесторов путем ужесточения практики корпоративной отчетности. У всех на слуху громкие корпоративные скандалы, вызванные банкротством Enron, WorldCom, Global Crossing^{xl}.

Второй пример. Он касается массовых преступных действий, связанных с неуплатой налогов. Эти сообщения были обнародованы в течение нескольких последних лет. В них идет речь о деятельности группы богатейших людей Германии, США, Франции, скрывавших свои сбережения от налогов в банках Лихтенштейна и Швейцарии. Вот только некоторые из сообщений Deutsche Welle, число которых, при необходимости, можно многократно увеличить.

Коррупционные скандалы, связанные с неуплатой налогов представителями элиты США, Франции и ФРГ

DW | 31.08.2009^{xli}. По сообщению DW Швейцария опровергла сведения о предоставлении Франции банковских данных о ее гражданах, подозреваемых в неуплате налогов. Об этом в понедельник, 31 августа, официально заявили министерство юстиции и налоговое управление Швейцарии, отреагировав на высказывание французского министра бюджета, публичных счетов, государственной администрации и государственной реформы Эрика Вэрта, сообщившего, что он обладает информацией о 3000 французов, которые, возможно, скрывают от налогообложения средства в швейцарских банках. В интервью журналу Le Journal de Dimanche французский министр сообщил, что общая сумма этих средств составляет около трех миллиардов евро. Вэрт предложил правонарушителям прийти с повинной до 31 декабря 2009 г. и уплатить причитающиеся налоги. По истечении срока ультиматума, по словам Вэрта, соответствующие органы будут действовать по всей строгости закона. Швейцарская экономическая газета Agefi полагает, что французский министр блефует, используя проверенную временем стратегию американцев, также в свое время пригрозивших строгим разбирательством, чтобы спровоцировать волну явок с повинной. Напомним, что две недели назад США подписали с Швейцарией соглашение, после чего швейцарский банк UBS передал американским властям имена 4450 владельцев счетов, подозреваемых в уклонении от уплаты налогов.

DW | 06.05.2010^{xlii}. За последние месяцы более 18 тыс. жителей Германии

явились с повинной к властям и добровольно сознались в том, что они уклонялись от уплаты налогов, сообщает в четверг, 6 мая, газета Handelsblatt, ссылаясь на опрос, проведенный в земельных финансовых ведомствах. Только за последние две недели в неуплате налогов сознались около 2000 человек, чтобы тем самым избежать судебного преследования. Общая сумма задекларированных явившимися с повинной гражданами денежных средств, сокрытых от уплаты налогов, составляет около 3,7 млрд. евро, отмечает издание. В результате этого фискальные органы страны могут рассчитывать на то, что налоговые поступления увеличатся на 1,25 миллиарда евро, передает агентство dpa. Жители Германии стали приходить с повинной в налоговые органы в массовом порядке после того, как в начале февраля 2010 г. немецким властям было предложено купить базу данных о налоговых уклонистах, которые держат свои деньги на счетах в банках Швейцарии.

DW | 08.06.2010^{xliii}. По сообщению DW националисты и левые в нижней палате парламента Швейцарии (Национальном совете) во вторник, 8 июня, заблокировали договор с США о передаче данных на 4450 американских клиентов швейцарского банка UBS, подозреваемых в уклонении от уплаты налогов. Договор, с большим трудом согласованный Берном и Вашингтоном в августе прошлого года, был отвергнут 104 голосами против 76. Агентство AP отмечает, что провал голосования в нижней палате является поражением для правительства Швейцарии, которое с помощью этого договора надеялось избавить крупнейший в стране банк UBS от судебного преследования со стороны США. Верхняя палата парламента Швейцарии (Совет кантонов) на прошлой неделе одобрила это соглашение, однако поскольку депутаты нижней палаты теперь отвергли его, документ будет ей возвращен на новое рассмотрение. Голосование в парламенте стало необходимым после того, как швейцарский суд поставил под сомнение законность этого договора, поясняет агентство AFP.

Третий пример. Конкретные факты коррупционного поведения представителей высшего менеджмента США по данным Washington ProFile только по состоянию на 2002-2003г.г. Здесь речь идет о наиболее значимых и резонансных преступлениях, в которых непосредственно участвовали руководители и собственники американских корпораций^{xliv}.

Наиболее известные бизнес-скандалы в США, Washington ProFile по состоянию на 23.05.2002.

Налоговый скандал с Марком Рич\Marc Rich. В 1983 году бизнесмен Марк Рич\Marc Rich сбежал из США в Швейцарию, где, кстати, он и проживает до сих пор. Рич печально прославился по двум причинам: во-первых, он нарушил международное эмбарго, введенное против Ирана, и подпольно закупал иранскую нефть. Во-вторых, он, используя мошеннические схемы, попытался скрыть от налогообложения \$48 млн. - это было самое крупное мошенничество такого рода в истории США.

Чарльз Китинг\Charles H. Keating был известен как спонсор многих влиятельных политиков до сих пор не сходящих с американского политического небосклона. Чарли Китинг возглавлял финансовую компанию Lincoln Savings & Loan, которая выпустила ничем не обеспеченные ценные бумаги, собрала значительные средства и в 1989 г. объявила о своем банкротстве. В результате этого 23 тыс. пенсионеров потеряли свои сбережения, а неупла-

ченные налоги достигли \$3.4 млрд. Китинг провел в тюрьме пять лет. В результате череды судебных процессов (одним из его кредиторов была фирма Arthur Anderssen) он потерял свое имущество, но сумел возместить потери большинству потерпевших. В настоящий момент Китинг работает в финансовой компании, которая занимается оффшорами.

Альбер Дэнлеп\Albert J. Dunlap прославился в 1990-е годы, как эффективный менеджер, который умел выводить бедствующие компании из кризиса. Метод спасения всегда был один и тот же - он проводил массовые сокращения сотрудников. В конце 1990-х годов он стал главой вполне успешной компании Sunbeam, одного из старейших американских производителей бытовой техники в США. Дэнлеп провел свои любимые массовые сокращения и заключил ряд неоправданно рискованных и довольно странных сделок. В результате, в 2001 году Sunbeam объявила о банкротстве. Акционеры компании потеряли десятки миллионов долларов. Дэнлеп согласился выплатить пострадавшим от его управления \$15 млн. Остальные иски Дэнлеп погасить не в состоянии, потому что его \$125 млн. состояние находится в совместном владении его и его супруги. Конфискация имущества в этом случае невозможна, поскольку она может нанести ущерб невинному человеку (жене Дэнлепа).

Финансист Мартин Франкел\Martin Frankel в 1990-е годы управлял несколькими страховыми компаниями, из кассы которых он похитил около \$200 млн. Франкел ожидает американского суда в Гамбурге (Германия) - американская Фемида пока не в праве добиваться его выдачи (информация по состоянию на 2002 г.).

Берни Корнфелд\Bernie Cornfeld, основатель Investors Overseas Services. Легендарный строитель "финансовой пирамиды". Его компания базировалась в Швейцарии, а в США собирала средства для инвестирования в иностранные ценные бумаги. Корнфелд предлагал высокие проценты, и некоторое время компания исправно платила своим вкладчикам. В 1970 г. Корнфелд объявил о временном прекращении выплат дивидендов. Швейцарская полиция арестовала его, предъявив обвинение в мошенничестве - на суде выяснилось, что он присвоил \$2.5 млрд. В 1995 г. предтеча АО "MMM" скончался в тюрьме.

Уолтер Форбс\Walter A. Forbes возглавлял компанию Cendant (один из мировых лидеров в области недвижимости, отельного бизнеса, путешествий, финансовых услуг и т.д.). Cendant в 1997 г. начала проводить операцию поглощения компании CUC International. Форбс провел сделку таким образом, что ему досталось \$47.5 млн. Его выпустили из тюрьмы под залог в \$1 млн.

Фостер Винанс\R. Foster Winans - журналист, ставший виновником бизнес-скандала. Винанс вел постоянную колонку в ведущей деловой газете США The Wall Street Journal. Колонка была посвящена фондовому рынку. Винанс договорился с некоторыми брокерами и публиковал информацию, выгодную этим биржевым спекулянтам. Прибыль мошенников составила \$700 тыс. В 1988 г. журналист был осужден на 18 месяцев тюремного заключения.

Деяния американских корпоративных преступников или подозреваемых в корпоративных мошенничествах (Washington ProFil, по состоянию на 2003 г.)

Кен Лэй (Ken Lay), глава энергетического концерна **Enron**, привел свою компанию к банкротству. Следствие установило, что **Enron** использо-

вал жульнические финансовые схемы, чтобы избежать уплаты налогов. Сам Лэй в этой истории проявил себя не лучшим образом. Зная о тяжелом положении дел в компании, Лэй, тем не менее, рекомендовал своим подчиненным вкладывать деньги в акции **Enron**. Потери акционеров и сотрудников Enron оцениваются в миллиарды долларов. В то же время, менеджер сам себе платил космические зарплаты – лишь в 2001 г. он заработал 100 млн. долл. Несколько высших руководителей Enron ныне арестованы, Лэй находится под следствием.

Уильям Харрисон (William Harrison), бывший глава банка **JP Morgan Chase**. Управляемый Харрисоном банк активно участвовал в аферах Enron. Кроме того, эксперты банка рекомендовали своим клиентам вкладывать средства в акции ненадежных компаний, хотя информация о реальном положении дел в этих фирмах у банка была. Клиенты потеряли миллиарды долларов. Харрисон находится под следствием.

Джон Ригас (John Rigas), бывший глава телекоммуникационной компании **Adephia Communications**. Ригас, фактически, использовал компанию как «карманный» банк, из которого черпал средства на личные нужды. Кроме того, Ригас активно использовал жульнические схемы для ухода от налогов и передавал контролирующим финансовым органам недостоверную информацию о положении дел в компании. Ригас арестован и ожидает суда.

Ричард Браун (Richard Brown), бывший глава компьютерной компании **EDS**. Браун довел компанию до разорения. Работу потеряли более 5,6 тыс. сотрудников **EDS**. При этом Браун использовал мошеннические схемы для ухода от налогов, а будучи уволенным за развал работы, выплатил себе более 40 млн. долл. в качестве компенсации.

Стив Кэйс (Steve Case), бывший глава компании **AOL-Time Warner** (телекоммуникации, индустрия развлечений, шоу-бизнес и т.д.). Чтобы обеспечить рост курсов акций своей фирмы, Кэйс снабжал рынок и государственные органы недостоверной информацией о реальном положении дел, используя для этого мошеннические схемы работы. Акционеры AOL потеряли миллиарды долларов. Обманутые Кэйсом акционеры подали около 30 исков в суд с требованием привлечь его к ответственности. Судебные слушания должны начаться в 2004 г.

Джон Чемберс (John T. Chambers), бывший глава компании **Cisco Systems** (информационные технологии), на протяжении нескольких лет оперировал недостоверной статистикой для повышения биржевого курса акций компании. Акции Cisco входили в инвестиционный портфель большинства пенсионных фондов США, что негативно отразилось на пенсиях миллионов американцев. Когда методы работы Чемберса стали известны, за полгода акции Cisco потеряли 80% своей стоимости. Чемберс находится под следствием, некоторые из его коллег, уличенные в мошенничестве, арестованы.

Деннис Козловски (Dennis Kozlovski), бывший глава компании **Tyco** (действует в сфере электроники, информационных технологий, медицины и т.д.). Козловски и ряд других высших руководителей **Tyco** свободно использовали финансовые средства компании в своих личных интересах. В частности, на корпоративные деньги они покупали одежду, драгоценности, произведения искусства и выделяли сами себе огромные беспроцентные кредиты. Зная, что положение дел фирмы оставляет желать лучшего, они продали свои пакеты акций Tyco и лишь после этого оповестили о реальном положении дел акционеров и контролирующие органы. Козловски и его приближенные выудили из Tyco 600 млн. долл. Потери акционеров составили миллиарды долларов. Дело Козловски ныне рассматривается в суде. В качестве

вещественного доказательства вины Козловски, была предъявлена видеосъемка с частной вечеринки, стоимостью 2 млн. долл., которую Козловски оплатил за счет Тусо.

Стэн О'Нил (Stan O'Neal), бывший глава инвестиционной компании **Merrill Lynch**. Его подчиненные снабжали клиентов заведомо недостоверной информацией. Потери клиентов **Merrill Lynch** составили миллиарды долларов. Ряд пострадавших клиентов подали в суд на Нила. SEC обязала **Merrill Lynch** компенсировать убытки пострадавшим клиентам.

Чарльз Конавэй (Charles Conaway), бывший глава торговой компании **Kmart**. Конавэй был нанят владельцами Kmart, переживавшей не лучшие времена, в качестве кризис-менеджера. Конавэй преуспел в одном: он под благовидными предложениями получил 60 млн. долл. из бюджета **Kmart**, а фирма объявила о банкротстве. Несколько тысяч сотрудников компании потеряли работу, акционеры потеряли миллиарды долларов. Акционеры **Kmart** собираются преследовать Конавэя в судебном порядке.

Питер Долан (Peter Dolan), бывший глава фармацевтической компании **Bristol-Myers Squibb**. Под руководством Долана, акции компании потеряли половину стоимости. Долан причастен к совершению ряда странных сделок, благодаря которым **Bristol-Myers Squibb** потеряла миллиарды долларов. Ныне следствие устанавливает, были ли эти сделки результатом мошенничества или Долан допустил ошибку.

Берни Эбберс (Bernie Ebbers), бывший глава телекоммуникационной компании **WorldCom**. Банкротство WorldCom стало крупнейшим в истории США. Без работы остались 17 тыс. человек, ущерб оценивается в десятки миллиардов долларов. Эбберс, приведший компанию к краху, направил 400 млн. долл. из корпоративного бюджета на погашение своих личных долгов. Ныне компания носит имя MCI, она получила контракт на восстановление телефонной сети в Ираке.

Гэри Винник (Gary Winnick), основатель и бывший глава телекоммуникационной компании **Global Crossing**. Винник был обвинен в том, что использовал «двойную» бухгалтерию и приукрашивал действительное положение дел в своей фирме. За несколько лет Винник избавился от принадлежавшего ему пакета акций **Global Crossing** на общую сумму 700 млн. долл. В тоже время, сотрудники компании получали акции своей фирмы в качестве пенсионных отчислений. Винник находится под следствием.

Приведенные выше примеры отражают информацию прессы и сайтов организаций, акцентирующих свое внимание на различных фактах коррупции в развитых странах Запада. В дополнение к этому можно привести некоторые выдержки из криминальной и коррупционной статистики, которая публикуется на сайтах ряда официальных организаций некоторых стран, например США и Германии.

Вот как выглядит, согласно данным криминальной статистики США, динамика коррупционных обвинений на государственном уровне по всем категориям чиновников и лиц, причастным к коррупционным деликтам с 1970 по 2006 гг.^{xlv}

Таблица 2

Динамика всех коррупционных обвинений в США на федеральном, государственном и местном уровнях, с 1970 по 2006 гг.^{xlvi}

	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979
Всего обвиняемые	63	160	208	191	305	294	391	535	530	579
Осужденные	44	108	142	144	213	211	260	440	418	419

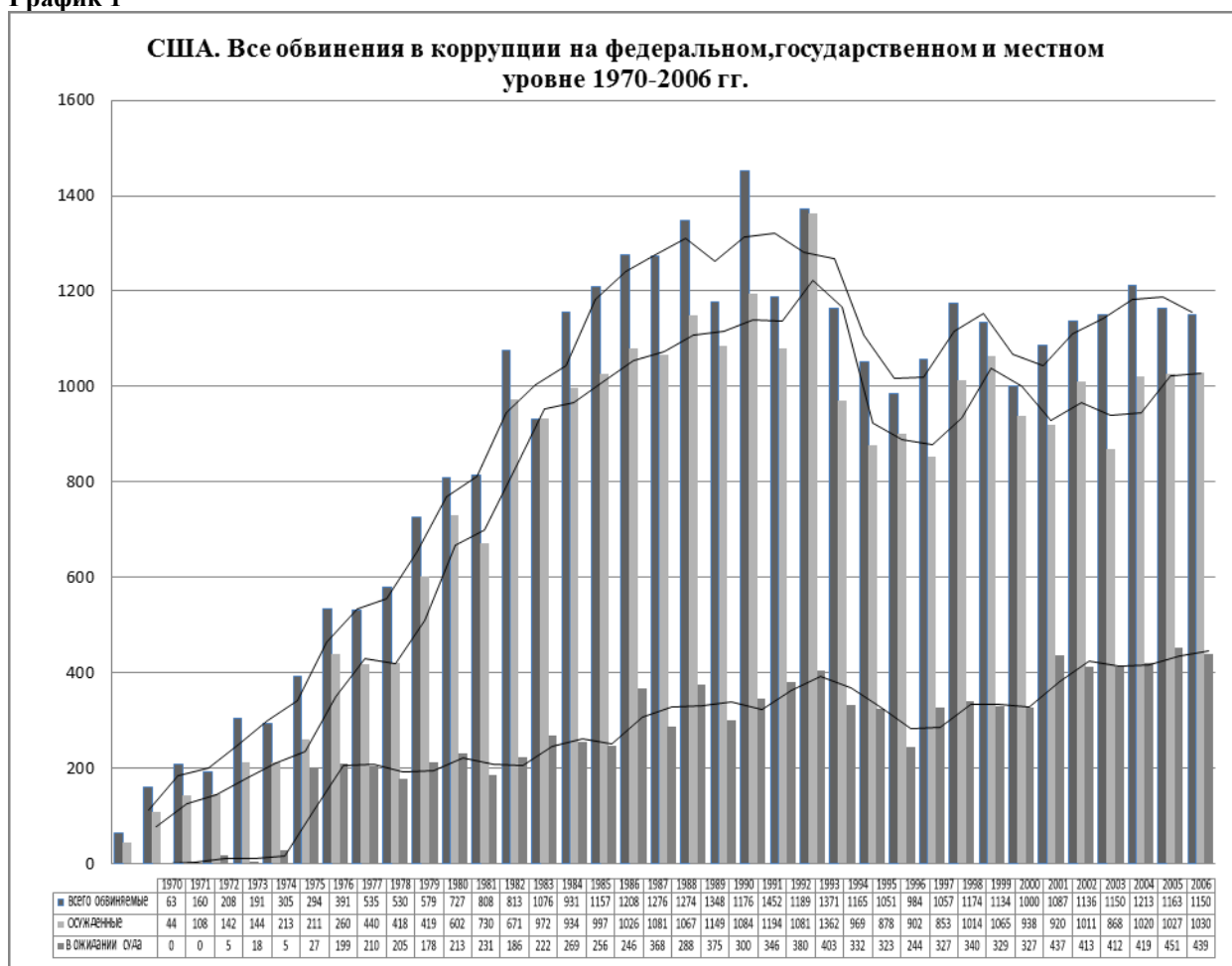
В ожидании суда	0	0	5	18	5	27	199	210	205	178
-----------------	---	---	---	----	---	----	-----	-----	-----	-----

	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Всего обвиняемые	727	808	813	1076	931	1157	1208	1276	1274	1348
Осужденные	602	730	671	972	934	997	1026	1081	1067	1149
В ожидании суда	213	231	186	222	269	256	249	368	288	375

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Всего обвиняемые	1176	1452	1189	1371	1165	1051	984	1057	1174	1134
Осужденные	1084	1194	1081	1362	969	878	902	853	1014	1065
В ожидании суда	300	346	380	403	332	323	244	327	340	329

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	
Всего обвиняемые	1000	1087	1136	1150	1213	1163	1150	
Осужденные	938	920	1011	868	1020	1027	1030	
В ожидании суда	327	437	413	412	419	451	439	

График 1^{xlvi}

Как видно из табл. 2 и графика 1 с 1970 по 2006 г. число обвинений в коррупции в США постоянно увеличивалось, достигая максимальной величины – с 63 в 1970 г. до 1452 в 1991 г. и несколько уменьшаясь к 2006 г. (1150). Тем не менее, за период более чем 30 лет число выявленных коррупционных преступлений в США среди чиновников различного ранга, а

также среди других участников коррупционных деликтов увеличилось в 18,2 раза. Аналогичная ситуация наблюдается при анализе статистики осужденных. Этот рост объясняется различными причинами, в том числе:

- объективным (экстенсивным) увеличением коррупционных проявлений, вызванных ростом за этот период населения США и американской экономики;
- неэффективностью американского инфорсmenta, который не может ограничить интенсивный рост коррупции в стране;
- улучшением работы правоохранительных и судебных органов, которые за период с 1970 по 1991 г. существенно повысили свою эффективность с точки зрения раскрываемости коррупционных преступлений. В этой связи сам факт увеличения зарегистрированных случаев коррупции в 23 раза с 1970 по 1991 г. можно объяснить существенным ростом уровня раскрываемости. В результате чего уменьшилось число латентных преступлений за счет лучшей работы правоохранительной системы США.
- функционированием системы американской криминальной статистики, которая в разные периоды времени по-разному отражает и фиксирует частоту коррупционных преступлений.
- идеологией государственных статистических служб, которые регистрируют не все факты коррупции или делают закрытой ту информацию, которая компрометирует американскую правоохранительную систему.

Следует отметить, что эти предположения носят гипотетический характер и, кроме того, некоторые из них противоречат друг другу, что требуют проведения серьезных научных исследований. Но в нашем случае речь идет совершенно о другом. Мы только приводим доказательства наличия коррупции в структуре государственной власти в США, что подтверждается официально, а не даем научную интерпретацию данных криминальной статистики. То есть нашей задачей является не изучение и объяснение факторов коррупции в США, не анализ ее динамики, масштабов и интенсивности и т.п., а просто констатация следующего факта. Американский инфорсмент не может минимизировать масштабы коррупции в структуре бизнеса и власти до безопасного уровня, что является глобальной проблемой для всего американского общества.

Рассмотрим теперь некоторые параметры коррупционной статистики в ФРГ, которая представлена в специальных публикациях, издающихся ежегодно и отражающих ситуацию с коррупционными проявлениями на территории Германии^{xlviii}. В этих публикациях коррупция определяется как злоупотребление служебным положением, политическим мандатом, с целью получения преимуществ для себя или третьих лиц, путем нанесения ущерба общественности (ее политической или служебной функции) или бизнесу (чиновниками, злоупотребляющими должностным положением).

Согласно определению авторов отчетов коррупция дифференцируется на два типа – *ситуативную* и *структурную*. В качестве *ситуативной коррупции* выступают акты коррупции, которые основаны на спонтанном решении и не были специально спланированы и подготовлены. С другой стороны *структурная коррупция* это случаи, которые в преддверии преступления были сознательно спланированы на основе долгосрочных коррупционных отношений. То есть они результат предварительной практической и психологической подготовки, которые исключают спонтанность и случайность действий^{xlix}.

Вот как выглядит квалификация основных коррупционных правонарушений, отраженная в следующих параграфах Уголовного Кодекса ФРГ¹:

Название статьи УК ФРГ ⁱⁱ

- § 108a Обман избирателей при осуществлении избирательного права
- § 108b. StGB (Wählerbestechung) Подкуп при осуществлении избирательного права
- § 108e. StGB (Abgeordnetenbestechung) Подкуп депутатов
- § 299. StGB (Bestechlichkeit und Bestechung im geschäftlichen Verkehr) Продажность (получение взятки) и подкуп в предпринимательской деятельности
- § 300. StGB (Besonders schwere Fälle der Bestechlichkeit und Bestechung im geschäftlichen Verkehr) Особо тяжкие случаи продажности и подкупа в деловом обороте
- § 331. § 331 StGB (Vorteilsannahme) Получение выгоды
- § 332. StGB (Bestechlichkeit) Продажность (Получение взятки)
- § 333. StGB (Vorteilsgewährung) Предоставление выгоды
- § 334. StGB (Bestechung) Подкуп (Дача взятки)
- § 335. StGB (Besonders schwere Fälle der Bestechlichkeit und Bestechung) Особо тяжкие случаи продажности и подкупа

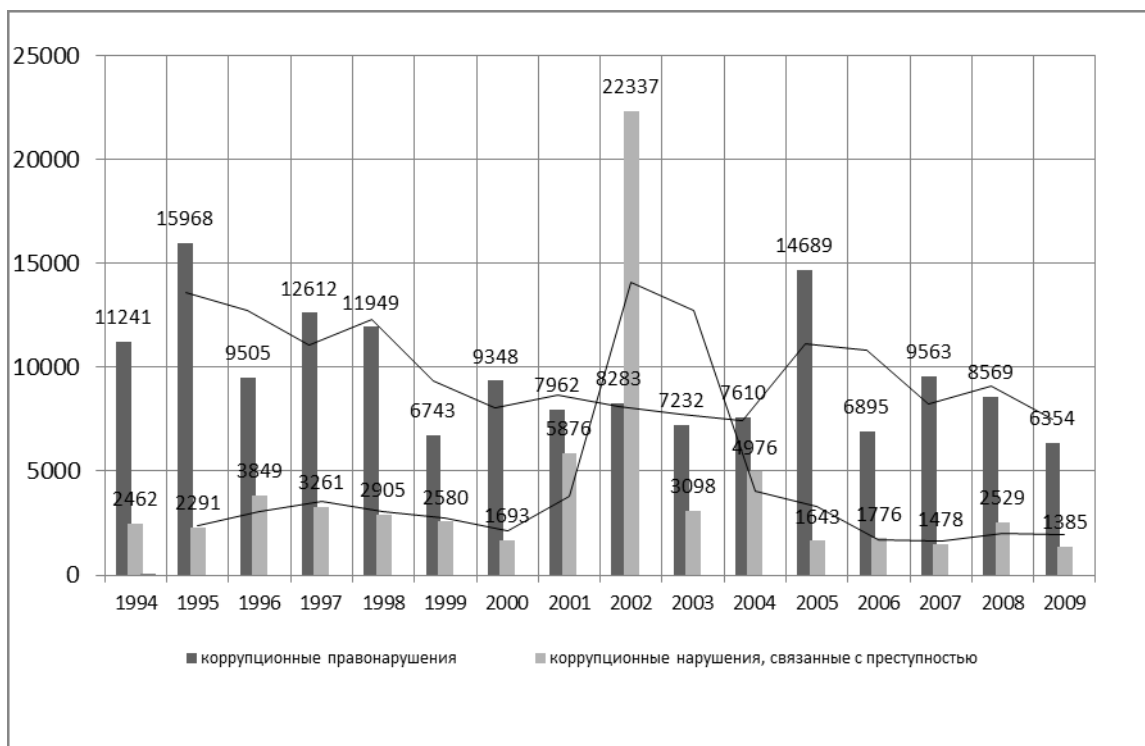
Следует отметить, что элементы коррупционных деяний могут также содержаться и в других статьях УК ФРГ, некоторые из которых мы приводим нижеⁱⁱⁱ. Это является доказательством того, что коррупционные деликты могут расплываться по многим статьям УК ФРГ, поскольку они пересекаются со многими «классическими» преступлениями. То есть факты коррупции могут квалифицироваться по признакам различных правонарушений, например, по признакам экономической преступности, мошенничества и других преступлений.

- § 336. Неисполнение служебного действия
- § 337. Вознаграждение третейского судьи
- § 338. Имущественный штраф и расширенная конфискация
- § 339. Вынесение неправосудного приговора или решения
- § 344. Преследование невинного
- § 348. Фальшивое официальное засвидетельствование
- § 352. Незаконное взимание сборов
- § 353. Незаконное взимание непредусмотренных сборов, уменьшение платежа
- § 353b. Нарушение служебной тайны и особой обязанности по сохранению тайны
- § 353d. Незаконное разглашение сведений о судебных разбирательствах
- § 355. Нарушение налоговой тайны
- § 356. Противоречащее делу одновременное обслуживание адвокатом спорящих сторон в одном и том же процессе
- § 357. Подстрекательство подчиненного по службе к совершению наказуемого деяния

Рассмотрим статистику коррупционных преступлений в ФРГ, зарегистрированных полицией за период с 1994 по 2009 г. (См. диаграмма 2).

Диаграмма 2

ФРГ. Число коррупционных правонарушений, зарегистрированных полицией, 1994-2009 гг.^{liii}

Комментируя данные, представленные в диаграмме №2, следует повторить, что чистые коррупционные преступления очень трудно квалифицировать и выделить в отдельный класс, так как они связаны множеством нитей с различными классическими преступлениями. Например, использование служебного статуса чиновника (служебная, государственная коррупция) или статуса менеджера (корпоративная коррупция) в собственных корыстных интересах нельзя реализовать, не нарушая целого ряда норм уголовного, административного или гражданского права. Таким образом, казалось бы весьма узкий спектр «чистых» коррупционных преступлений пересекается с нарушением множества норм, что усложняет квалификацию конкретных фактов коррупции и позволяет их относить к самым разнообразным правонарушениям, например к таким весьма распространенными как различного рода мошенничества.

Этот факт и отражен в официальной статистике, представленной в отчетах «**Korruption Bundeslagebild 2000-2009.Pressefreie Kurzfassung**»^{liv}. Авторы отчета выделяют два типа коррупционных деликтов: собственно коррупционные правонарушения и коррупционные нарушения, непосредственно связанные с преступностью (так называемые *сопровождающие* преступления). К последним они относят такие преступления как:

- мошенничества и хищения,
- подделка документов,
- сговор на торгах против конкуренции,
- воспрепятствование осуществлению правосудия,
- ложные сертификации в офисе,
- нарушение профессиональной тайны,
- уголовные нарушения подзаконных актов и т.п.

Можно заключить, что коррупционные правонарушения, динамика которых представлена в диаграмме 2, тесно связаны с различного рода преступлениями, которые относятся к категории «классических». В этой связи очень трудно провести размежевание коррупционных действий от «просто

уголовных», поскольку в чистом виде коррупционных нарушений не бывает. Каждое из них несет в себе признаки многих преступлений и в особой степени признаки таких массовых преступлений как мошенничество. Что касается информации, содержащейся в диаграмме 2, то можно гипотетически предположить следующее.

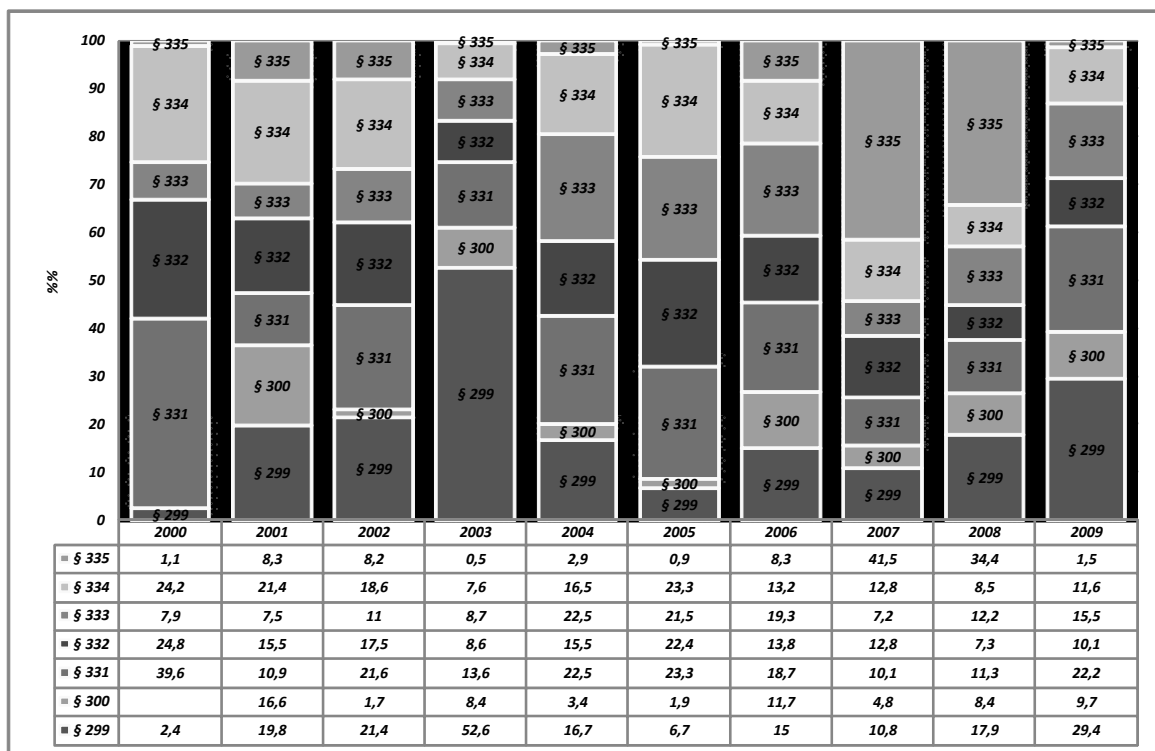
Первая группа преступлений зарегистрированных полицией (собственно коррупционные правонарушения) представляет собой случаи, которые квалифицировались по признаку следующих статей УК ФРГ: §108а; §108b; §108e; §299; §300; §331; §332; §333; §334; §335.

Вторая группа (коррупционные нарушения, связанные с преступностью) относится к коррупционным деликтам, которые были связаны тем или иным образом с так называемыми «классическими» преступлениями, поэтому их можно квалифицировать в широком диапазоне деяний уголовного плана. То есть в этом случае само коррупционное действие было совершено или повлекло за собой ряд уголовных преступлений, выходящих за пределы собственно коррупционной квалификации деятельности конкретного лица.

Что касается динамики числа коррупционных преступлений, зарегистрированных полицией ФРГ за период с 1994 по 2009 г., то можно сказать следующее. По данной статистике нельзя судить о факторах, влияющих на число и колебания данных правонарушений, и тем более, об объективной динамике коррупционных проявлений за этот период. Эта статистика лишь иллюстрирует *уровень работы* полиции по фиксации преступлений (до передачи этих дел в суд), что отражается в процессе их регистрации в соответствии с существующим порядком криминальной отчетности. Таким образом, данный статистический ряд отображает весьма сложный механизм фиксации коррупционных правонарушений органами правопорядка, а этот механизм, в свою очередь, отражает *объективную частоту обнаружений* реальных фактов коррупции со стороны следственного аппарата полиции. Это видно по частотам регистрации полицией разных правонарушений, которые несинхронно колеблются относительно друг друга в зависимости от оперативной обстановки, складывающейся каждый год в процессе борьбы с коррупцией (См. Диаграмму №3).

Диаграмма 3

ФРГ. Удельный вес коррупционных правонарушений, зарегистрированных полицией (в %) по статьям УК ФРГ за 2000-2009 гг. (рассчитано нами)

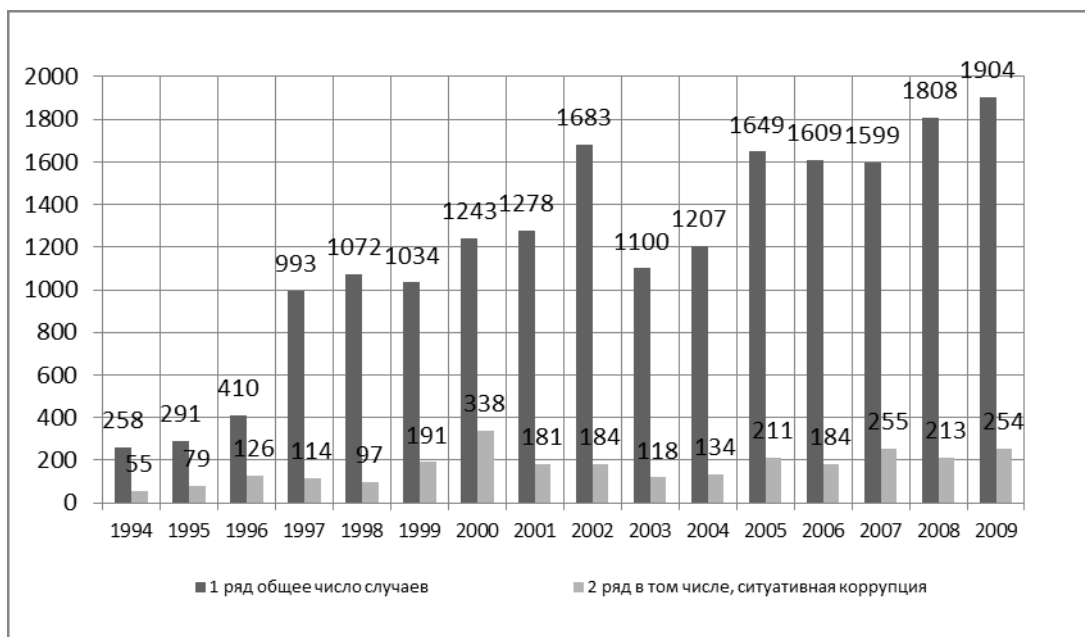

Иная ситуация складывается при рассмотрении статистики коррупционных дел, находящихся на предварительном судебном рассмотрении. Выявляются следующие особенности работы судебных органов в ФРГ за период с 1994 по 2009 г.

- Абсолютное число коррупционных правонарушений, находящихся на предварительном судебном рассмотрении за период с 1994 по 2009 г. выросло в 7,4 раза;
- Доминирующим видом среди всей массы коррупционных деликтов является **структурная коррупция** (См. также диаграмму 4). Из этого можно заключить, что данный вид коррупционных правонарушений является основной заботой правоохранительных органов, которые акцентируют свое внимание на особо резонансных преступлениях, наносящих наибольший экономический и социальный ущерб государству и обществу.

Диаграмма 4

ФРГ. Статистика коррупционных дел, находящихся на предварительном судебном рассмотрении в 1994-2009 гг. ^{iv}

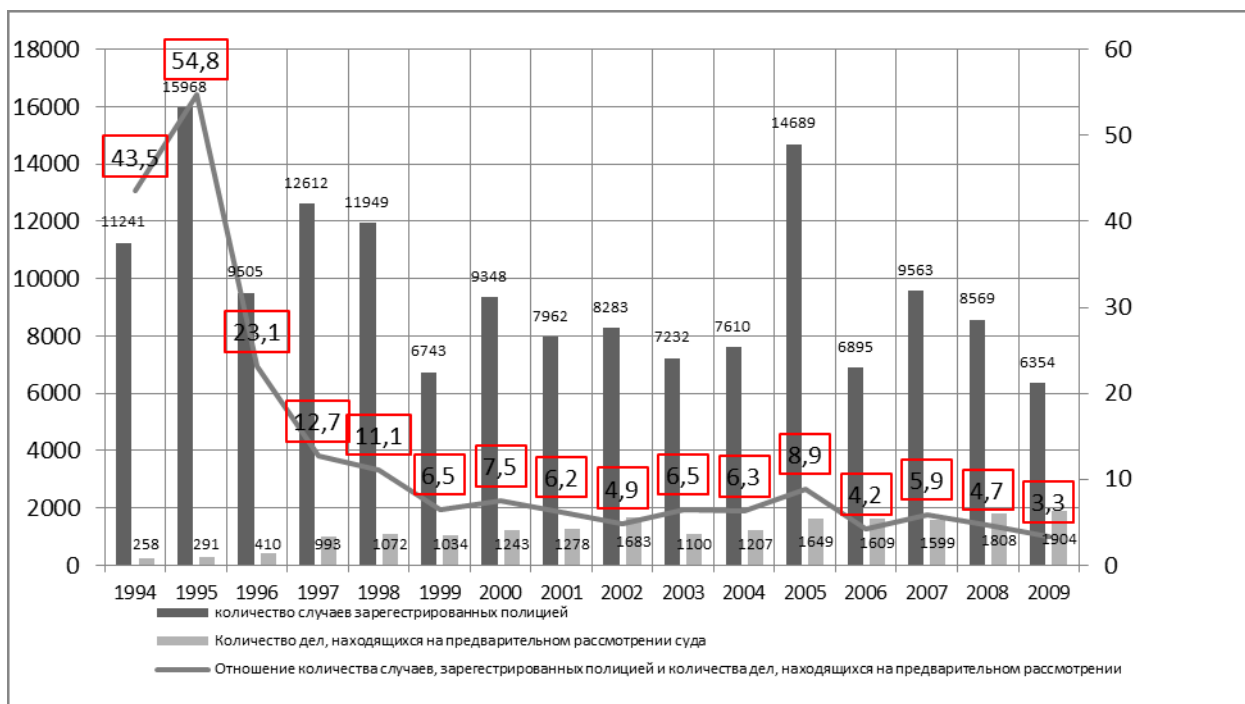
Как видно, статистика случаев коррупции, зарегистрированных полицией, и находящихся на предварительном рассмотрении суда существенно отличается. Это указывает на то, что по целому ряду причин дела подозреваемых в коррупции, против которых ведется предварительное расследование, не доводятся до судебного производства. Об этом, в частности, указывает информация, содержащаяся в диаграмме 5.

Следует отметить, что по данным этой диаграммы трудно судить о синхронности числа коррупционных дел, зарегистрированных в полиции и числа дел, переданных в суд, так как производство значительной части из них не уместится в рамках календарного года. Тем не менее, в некотором приближении можно получить представление о частоте передачи коррупционных дел, зарегистрированных в полиции, на этап предварительного судебного расследования. На это нам косвенно указывает величина отношений дел, зарегистрированных в полиции к величине дел, переданных в суд. Как видно из диаграммы 5, в 1994 г. на **одно судебное дело** приходилось 43,5 дел, зарегистрированных в полиции. Это число постоянно уменьшалось и в 2009 г. достигло величины 3,3 дел. При всей сложности интерпретации этого отношения все же можно предположить, что в статистике уголовного процесса ФРГ наблюдается общая тенденция усиления роли судебного производства в борьбе с коррупцией. Об этом косвенно можно судить, как по увеличению дел, находящихся в судебном производстве, так и по увеличению скорости передачи этих дел из юрисдикции полиции в юрисдикцию судебных органов.

Диаграмма 5

ФРГ. Отношение числа случаев, зарегистрированных полицией к числу дел, находящихся на предварительном рассмотрении суда, 1994-2009 гг. (рассчитано нами)

lvi

Как видно из представленных выше фрагментов официальной криминальной статистики только двух стран – США и ФРГ, они демонстрируют лишь две проекции экспертного восприятия коррупции. Первая проекция отражает *уровень работы* полиции по фиксации преступлений в соответствии с принятым в данных странах порядком криминальной отчетности. Вторая проекция отражает количество дел, находящихся на предварительном рассмотрении судебных органов. В действительности коррупция как социальное явление и как вид социальных девиаций отражается в экспертном, научном и общественном сознании во многих проекциях. К этим проекциям относятся:

- преступления, регистрируемые полицией, то есть находящиеся в разработке следственных органов;
- преступления, переданные в судебные органы, которые выносят обвинительные или оправдательные решения;
- потенциальные преступления лиц, находящихся под подозрением,
- латентные преступления, о которых сообщает пресса или другие источники (официальные или неофициальные), но которые не всегда могут квалифицироваться как преступные действия по причине отсутствия доказательной базы,
- латентные преступления, о которых анонимно сообщают граждане в процессе разного рода опросов общественного мнения,
- латентные преступления, известные только лицам, которые их совершают или лицам втянутых в преступный круг и т.п.

Короче говоря, вся объективная сфера преступных деяний самого различного рода, в том числе, коррупционных, дифференцируется по вышеназванным уровням и им соответствует свой набор статистических данных, получаемых различным образом, в том числе, с помощью официальных органов правопорядка, специальных научных исследований, журналистских, экспертных опросов, опросов общественного мнения и т.п. Ясно, что эти статистики не корреспондируются между собой и обладают различной степенью объективности и достоверности, так как отражают различный уровень проникновения в «объективную глубину» коррупционной сферы. По-

этому данную информацию о коррупционных деликтах и статистику, которая базируется на ней, нельзя сопоставлять, тем более строить на этой основе рейтинги различных стран с более высоким или более низким уровнем коррупции.

Тем не менее, из приведенной выше информации (объем которой можно многократно увеличить), взятой из сообщений прессы, сайтов некоторых организаций, а также из избранных фрагментов официальной криминальной статистики только двух стран – США и ФРГ, можно сделать некоторые предварительные выводы. Мошенничества различного рода, в том числе относящиеся к классу коррупционных преступлений, не менее типичны для большинства западных стран, как и для стран с переходной экономикой.

Во всяком случае, не занимаясь сравнительной статистикой масштабов и объемов коррупции в разных странах (что является при существующем уровне наших знаний о латентной коррупции не очень перспективным занятием) становится ясно следующее. Уровень гражданских и экономических свобод, разветвленная система институциональной регуляции, контроля и инфорсmenta на Западе не дает гарантии того, что степень законопослушности граждан, федеральных, региональных и муниципальных чиновников, а также представителей разных форм бизнеса будет полностью соответствовать нормативным правилам легального и легитимного поведения.

В соответствии с этим всякая аргументация в пользу превосходства и эффективности институциональной структуры западного рыночного общества без объяснения того, как в его рамках становятся возможны массовые факты коррупционных мошенничеств, мягко говоря, некорректна. Возможно, нужно и можно было бы использовать другие аргументы, но это не уже относится к предмету нашего исследования. В заключение автор хотел бы завершить следующей ремаркой. Риторическим является вопрос: где коррупция больше или меньше? Она была, есть и будет всегда и везде, дело лишь в том, сможет ли конкретное общество и государство (маленькое или большое, переходное или развитое, открытое или закрытое) на том или ином этапе своей эволюции и развития снизить коррупцию до такого уровня, который можно назвать социально не опасным.

Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в эпоху глобализации

Кочетков Владимир Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: kochetkov@socio.msu.ru).

В статье понятие «идентичность» рассматривается с позиций междисциплинарного подхода. Проанализированы основные положения наиболее известных теорий идентичности, сгруппированных в четыре направления: психоаналитические теории, символический интеракционизм, когнитивно-ориентированная психология и конструктивизм. Особое внимание уделено соотношению национальной и этнической идентичности.

Ключевые слова: национальная и этническая идентичность, глобализация, психоаналитические теории, символический интеракционизм, когнитивно-ориентированная психология, конструктивизм.

Kochetkov V.V. National and ethnic identity during an epoch of globalization

In the article the concept "identity" is considered from positions of the interdisciplinary approach. Substantive provisions of the most known theories of identity, сгруппированных in four directions are parsed: psychoanalytic theories, symbolical interactionism, cognitive-oriented psychology and constructivism. The special attention is given to a relation of national and ethnic identity.

Keywords: national and ethnic identity, globalization, psychoanalytic theories, symbolical interactionism, cognitive-oriented psychology constructivism.

Появление термина «идентичность» традиционно связывают с именем Э. Эриксона, который определил ее как чувство личного тождества и исторической непрерывности личности [25]. По Эриксону, идентичность существует на двух уровнях. Первый уровень, индивидуальный (Я – идентичность), предполагает восприятие себя как тождественного и осознание непрерывности своего существования во времени и пространстве. Второй,

социальный уровень, включает восприятие того, что другие признают мое тождество и непрерывность. Каждый из уровней идентичности имеет два полюса: положительный – то, каким человек должен быть с точки зрения своего социального окружения; и отрицательный – то, каким человек быть не должен. Для поступательного развития необходимо, чтобы положительная идентичность преобладала над отрицательной.

Термин «идентичность» происходит от латинского понятия *identifico* - отождествляю. Психологи определяют идентичность как осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего [23]. С. Хантингтон определяет идентичность как самосознание индивида или группы [20]. Часто, используя это понятие, авторы просто отдают дань моде и не всегда четко представляют себе понятийное поле, этимологию и теоретические основания идентичности [18].

Основатель психоанализа *З. Фрейд* ввел в научный оборот термин «идентификация» [19]. Его последователь *К. Г. Юнг* ввел понятие *коллективного (трансперсонального) бессознательного*, хранилища скрытых воспоминаний, в которых заключен опыт всей нации [26]. Содержание коллективного бессознательного составляют архетипы. Архетип – универсальная мыслительная форма, содержащая значительный эмоциональный компонент. Например, темнота хранила для первобытных людей множество опасностей, что проявилось в латентном (скрытом) страхе темноты. Архетипов много – персона, тень, анима, анимус, но главным Юнг считал «Самость», т.е. идентичность. Основываясь на теории Юнга, некоторые современные ученые пытаются ввести в научный оборот понятие «бессознательный компонент национального интереса». Например, известный отечественный международник *Б. Межуев* стремление России закрепиться на восточных пространственных рубежах объясняет тем, что «для политического сознания России характерно представление, будто сакральный центр Империи находится не внутри, а вне ее» [11]. Этим же объяснялось стремление русских правителей перенести столицу на край земли.

А. Адлер формирование идентичности объясняет теорией компенсации [1]. В отличие от Фрейда, который видел мотивы поведения человека в сексуальном инстинкте (либидо), Адлер считал, что человеком движет стремление к превосходству. Каждый человек появляется на свет со стремлением к превосходству, но его не всегда удается реализовать из-за физиологических или психологических особенностей. Поэтому все человечество страдает от чувства неполноценности вследствие недостатков или неудач. Для преодоления чувства неполноценности человек прибегает к компенсации. В процессе компенсации человек вырабатывает индивидуальный жизненный стиль, который трансформируется в идентичность. Нечто подобное наблюдается и в сфере международных отношений. Так, в XX веке развитие идентичности в Восточной Европе прошло три стадии. На первой стадии, до Второй мировой войны, идентичность характеризовалась сильным комплексом неполноценности перед Западом. На второй стадии, после Второй мировой войны, комплекс неполноценности сменился чувством превосходства над СССР и над Россией. Третья стадия, период после окончания холодной войны, связана с возвращением к комплексу неполноценности перед Западом [34].

Много было сделано для исследования идентичности представителями символического интеракционизма. Одним из его основателей является *Ч. Кули* – исследователь *самости* (понятий «я» (*I*), «меня» (*Me*), «мое» (*my*), «я сам» (*myself*)) и автор концепции *зеркального «Я»* [9]. По мнению Кули,

человек воспринимает свое «Я» через отражение в других. Поэтому огромную роль играет то, что думают о нас другие. Мы смотрим в представления других о нас самих, как в зеркало, и судим о самих себе по этому отражению. Именно через отношения с другими, через их оценки каждый человек устанавливает, умный он или глупый, привлекательный или некрасивый. При этом подобная оценка может не соответствовать реальности (эффект искаженного зеркала - *misperception*).

Дж. Мид разработал концепцию «*обобщенного другого*», дополняющую и развивающую теорию *зеркального Я* [12]. В соответствии с концепцией Дж. Мида «*обобщенный другой*» представляет собой всеобщие ценности и стандарты поведения некоторой группы, которые формируют у членов этой группы индивидуальный Я-образ. Индивид в процессе общения встает на место других индивидов и видит себя другой личностью. «*Обобщенный Другой*» развивается через процессы принятия и исполнения роли – принятия на себя поведение личности в другой ситуации или в другой роли.

Концепция «значимого Другого». Американский социолог А. Халлер в дополнение к теории Дж. Мида разработал концепцию «*значимого Другого*». «*Значимый Другой*» - это та личность, одобрения которой данный индивид добивается и чьи указания он принимает. Такие личности оказывают наибольшее влияние на установки индивидов и на формирование их собственного «Я». В качестве «*значимых Других*» могут выступать родители, замечательные учителя, наставники, некоторые товарищи детских игр и, возможно, популярные личности. Индивид стремится принять их роли, подражать им и таким образом осуществлять процесс социализации через «*значимого Другого*».

Исследования идентичности в *когнитивно-ориентированной психологии* начаты социальными психологами Х. Тэджфелом и Д. Тернером, разработавшими *теорию социальной идентичности*. По их мнению, социальная идентичность связана с категоризацией, благодаря которой устанавливаются различия между «*своими*» и «*чужими*». Простое восприятие принадлежности к группе достаточно для того, чтобы вызвать позитивные внутригрупповые установки и дискриминационное отношение к внешней группе. Становление идентичности проходит 3 этапа. На первом этапе происходит социальная категоризация (познание социальной структуры окружающего мира). На втором этапе человек выбирает группу, которая ему больше подходит, изучает правила и ценности этой группы. На третьем этапе у человека формируется чувство тождественности с этой группой и он идентифицируется с ней. Например, после крушения «*железного занавеса*» перед советскими людьми открылись многообразие мира и возможности выбора идентичности. В качестве референтных вначале были выбраны ценности западной цивилизации. Однако идентификации с Западом не произошло, т.к. при более близком знакомстве оказалось, что эти ценности отторгаются русским менталитетом.

Создатель «*теории поля*» К. Левин считает, что субъект (индивид, государство) укоренен в окружающем пространстве (E - environment) и жизненном пространстве (L - life) [10]. Идентичность (I) понятие можно только через анализ окружения: географические, исторические, религиозные, языковые и другие факторы: $I = E + L$. Идентичность государства – это отражение окружающих материальных (E) – территория, климат, ресурсы и нема-

териальных (L) факторов – цивилизация, культура, идеология. Изменения идентичности связаны с изменением окружения: переехал человек из города в деревню, из провинции в столицу – произошли изменения. В международных отношениях эти факторы изучают геополитика (E) и кросс-культурная психология (L).

Теория личностных конструктов Дж. Келли основана на предположении, что окружающий мир люди воспринимают с помощью четких моделей – конструктов [6]. Мы выдвигаем гипотезы относительно окружающего мира, а затем корректируем их в соответствии с реальностью. Например, на основе внешних деклараций может сложиться конструкт миролюбивого и гуманного государства. Однако в реальности может оказаться, что за миролюбивыми декларациями скрываются агрессивные намерения. В этом случае первоначальный конструкт корректируется. Государствам - обладателям сходных конструктов, одинаково воспринимающим международную реальность, легче достичь соглашений и образовать союзы.

Триумvirат *М. Вертгеймер, В. Келер и К. Коффка* – основатели американской школы «Новый Взгляд» («New Look») - понимали под идентичностью сумму знаний о себе и поведенческое единство. Созданное ими направление получило название *гештальт-психология* (от нем. Gestalt – форма, структура). Гештальт-психологи изучали роль познавательных процессов в формировании идентичности – мышления и особенно восприятия. По мнению гештальт-психологов, восприятие и особенно ошибочное, искаженное восприятие (misperception) зависит от установок и стереотипов. *Установка* – готовность субъекта реагировать определенным способом на событие или явление. *Стереотип* (stereos - твердый, typos – отпечаток (греч.) – стандартизированный, схематизированный, упрощенный, эмоционально окрашенный образ объекта, обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные его черты. Структура стереотипа включает центр (1-2 наиболее ярких и заметных признака) и периферию. Узнавая по наиболее ярким признакам объект, люди автоматически добавляют в свое восприятие характеристики периферии. Например, американское восприятие России состоит почти исключительно из стереотипов [8].

В последнее десятилетие XX в. и особенно в начале XXI в. бурно развивается и становится все более влиятельным новая парадигма теории международных отношений - **конструктивизм**. В среде международников говорят даже о «конструктивистском перевороте», суть которого состоит в том, что традиционные механизмы и движущие силы международного развития, такие, как государственный суверенитет, национальные интересы, политическое противостояние сверхдержав, отжили свое и отходят на второй план, уступая место идентичности как ведущему фактору развития. Остановимся на взглядах конструктивистов подробнее.

Конструктивистское понимание идентичности заложено *концепцией социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана* [3]. Эти американские социологи показывают, что единство в восприятии внешнего мира обусловлено самим обществом. Предметы внешнего мира существуют не сами по себе, а имеют тот смысл, который вкладывает в них общество и сами люди. Ученые сосредотачиваются на трех вопросах: что такое общественное знание, социальная реальность и идентичность. Понимание «общественного знания» Бергером и Лукманом восходит к идее К. Маркса о том, что знание людей определяется их общественным бытием, и К. Мангейма, основную мысль которого можно

сформулировать следующим образом: всякое мышление связано с духовной атмосферой своей эпохи. Социальная реальность передается нам как само собой разумеющаяся, и важнейшим средством этого выступает язык. Еще З. Фрейд столкнулся с тем, что многие его взрослые пациентки находятся под впечатлением потрясений, пережитых в юности. Однако углубленное исследование показало, что у некоторых истеричных пациенток никаких серьезных потрясений на самом деле не было, и они являются лишь плодом фантазии. Для характеристики такого душевного состояния Фрейд ввел понятие «психической реальности», под которым он понимал все, что оказывало сильное влияние на мышление и поведение человека, хотя и не имело места в действительности. Отсюда следуют два вывода. *Во-первых*, люди сами создают для себя социальную реальность, а значит, создают ее для других. Следовательно, всякая реальность отличается индивидуальными особенностями. *Во-вторых*, смысл, который мы приписываем вещам, является лишь одним из возможных вариантов интерпретации фактов, которые мы воспринимаем.

В своем понимании идентичности Бергер и Лукман следуют теории Дж. Мида, согласно которой идентичность формируется путем восприятия себя с позиции другого человека.

Идентичностью обладают как индивиды, так и группы. Индивид может быть членом сразу многих групп и поэтому имеет возможность переключать идентичности. Групповая же идентичность менее гибкая. Индивиды, также как и группы, обладают множественными идентичностями, например, семейной, половой, профессиональной, этнической, национальной. Значимость этих идентичностей меняется с течением времени, при этом они или дополняют, или конфликтуют друг с другом. Только во время тяжелых испытаний на первое место выходит какая-то одна, заслоняя все другие. К. Либкинд писала: «Лишь экстремальные социальные ситуации, подобные военным сражениям, временно устраняют все идентичности, кроме одной, самой важной» [32]. Если у нас что-то случилось в семье – заболели родители или дети получили в школе плохие оценки – на первый план выходит семейная идентичность. Сегодня в беде оказалась Россия, и поэтому первостепенную роль стала играть национальная идентичность.

На идентичность огромное влияние оказывает восприятие другими. Если при попадании в новую среду человек оказывается в положении чужака, изгоя, то он сам начнет считать себя чужаком. Если большинство населения страны считает меньшинство отсталым и невежественным, то члены этого меньшинства воспримут это отношение, и оно превратится в часть их идентичности.

Люди могут стремиться к идентичности, но достигнут ее лишь тогда, когда их примут в свой круг те, кто эту идентичность уже приобрел. Люди, которых вы желаете видеть своими друзьями, станут таковыми, только если они сами захотят видеть вас своим другом. После окончания холодной войны поляки, чехи и венгры напряженно ожидали, признает ли Запад их притязания на принадлежность к Западной Европе. Им это удалось, но не все народы встречают такой радушный прием. Европа не замечает Турции, чья элита мечтает о вестернизации страны. В итоге турки никак не могут ответить себе, кто они такие – европейцы или азиаты – и к какой геополитической сфере – Европа, Запад, Ближний Восток, исламский мир, центральная Азия – они относятся.

Отметим основные характеристики идентичности.

Идентичности представляют собой конструкты. Мы сами конструируем свои идентичности по желанию, необходимости или принуждению. Идентичности – воображаемые сущности – то, что мы думаем о себе, к чему мы стремимся.

Идентичность ситуационна. Русскими мы чувствуем себя, когда выезжаем за рубеж. Чтобы подчеркнуть независимость Пакистана от Индии, основатели Пакистана выпячивали исламскую идентичность. Мусульманская Бангладеш, обосновывая независимость от Пакистана, упирала на особенности языка и культуры.

«Ширина» идентичности может изменяться. Для французов и немцев европейская идентичность становится важнее в случае противоречий с Японией или США. Арабы говорят: «Мы с моим братом против ваших братьев, мы с вашими братьями против всего мира».

Важнейшей для понимания идентичности концепцией является концепция «значимого Другого» [9, 12, 13]. Люди интерпретируют окружающий мир и свое место в нем с помощью базового процесса *категоризации*. Категоризация протекает в соответствии с принципом биполярности. Понятия обычно рождались парами — понятие света появилось одновременно с понятием тьмы, покоя — с движением, жизни — со смертью. В соответствии с этим принципом происходит и категоризация общностей, членами которых люди себя воспринимают («Мы»), и тех, которые они не воспринимают своими («Они»). Например, в древнерусском языке словом *немец* обозначали и человека, говорящего неясно, непонятно, и иностранца: чужестранцы, не говорящие по-русски, воспринимались почти немцами. Для России «значимым Другим» является Запад, но и для Запада «значимым Другим» всегда была Россия. Нации могут взаимодействовать со своими «значимыми Другими» различными способами. Например, это могут быть война или сотрудничество.

Традиционная идентичность была неизменна в течение всей жизни. Средневековые ремесленники наследовали профессию своих родителей и передавали ее своим детям. Всю жизнь они жили в одном месте. Информацию получали от своего ближайшего окружения, поскольку СМИ был не развиты.

Глобализация лишает человека привычных, устойчивых ориентиров. Теряется грань между близким и далеким, важным и неважным. Современные средства массовой информации и мобильной связи облегчают доступ к информации. Легкость, с которой мы оперируем информацией, превращает ее в мусор. Массовыми становятся миграции. Тот факт, что количество контактов в современном мире растет, а идентичность невозможно поддерживать без участия других людей, дало основание П. Бергеру и Т. Лукману утверждать, что в постиндустриальном обществе будет преобладать «извне-ориентированная» личность. Достижимость надежной идентичности и возможность ее возникновения вообще станут проблематичными, а «отказ от идентичности» является единственно правильным поведением человека. Как писал *И. Гофман*, люди ведут себя как актеры: «Я такой, каким Вы меня хотите видеть» [5].

В стабильных обществах вопроса об идентичности не возникает, поскольку каждый знает и ощущает свою принадлежность. Однако в смутные времена перемен и потрясений, когда прошлое невыносимо, а будущее неопределенно, вопрос об идентичности выходит на первый план. Она задает направление развитию, позволяет четко определить национальные интересы, отличить друзей от врагов. Морская пословица гласит: «Корабль, не знающий, куда плыть, никогда не будет иметь попутного ветра».

Национальная идентичность существовала не всегда, как не всегда будет существовать. Предпосылкой возникновения национальной идентичности стало подписание в 1648 г. Вестфальского мирного договора, который возвестил распад Священной Римской империи германской нации и возникновение на ее обломках первых европейских государств-наций. До этого власть в средневековой Европе была религиозной и принадлежала Римскому Папе. Тогда Европа раздиралась противоречиями и междоусобными войнами между удельными феодалами. Чтобы остановить кровопролитие, был установлен новый мировой порядок, основанный на понятии суверенитета. Первоначально это понятие означало неограниченную власть монарха осуществлять свою волю внутри страны и представлять государство за его пределами. **В XVIII в.** начинается новая фаза в распространении государственности — *переход от суверенитета монарха к суверенитету нации*. Формируется такая форма государственности, как *национальное государство*, распространившаяся начиная с XIX в. на весь европейский регион, а в последующем (особенно с процессом освобождения народов от колониальной зависимости и образованием национальных государств в «третьем мире», который завершается в целом в 1960-е гг.) и на мир в целом. Национальное государство в лице правительства обладает полной самостоятельностью в пределах собственной территории. Никто, кроме правительства, не может решать, как себя вести государству. Государства равноправны. Никто не может диктовать суверенному государству свою волю. Так возникла современная система межгосударственных отношений, основанная на взаимном признании юридического равенства и независимости каждого государства.

Однако в настоящее время Вестфальская система мирового порядка претерпевает кризис. Под влиянием глобализации государственный суверенитет испытывает разрушительные потрясения. Новые акторы подрывают традиционные приоритеты государственного суверенитета. Некоторые исследователи говорят о «детерриторизации» или о «конце территорий», чтобы подчеркнуть обесценивание национального государственного правительства. Кризис государства — объективная данность. Государство испытывает давление «сверху», «снизу» и «извне». *«Сверху»* государственный суверенитет подрывается *наднациональными организациями и институтами, которые все чаще вмешиваются в его прерогативы*. *«Снизу»* государственный суверенитет подвергается эрозии со стороны *внутригосударственных структур и структур гражданского общества*. *«Извне»* ущерб суверенитету наносит *активизация неправительственных групп и организаций*. Поэтому не исключено, что в будущем государство-нация отомрет и на смену ему придут другие формы организации человеческого общества, например, мировое правительство или разделение по этническому признаку.

Тем не менее, генезис и существование современной формы государственности тесно связаны с формированием и развитием такого вида социальной общности, как *нация*.

Отметим основные факторы развития нации:

- 1) *общность территории проживания*, способствующая формированию близости в восприятии природных феноменов и консолидации социальной общности.
- 2) *общность экономической деятельности*, определяемая одними и теми же ресурсами, формирующая сходный тип хозяйственной активности.

- 3) культурное единство, отражаемое в общности языка, религии, социальных норм поведения.
- 4) *общее этническое происхождение людей*, хотя этот фактор не является решающим.
- 5) *общий исторический опыт*, ощущение общей судьбы, общности прошлого, настоящего и будущего.
- 6) *Общность национального самосознания*. Формирование национальной идентичности явилось основным фактором формирования нации.

П.А. Сорокин писал: «Перефразируя слова Архимеда, можно сказать: «Дайте мне эти факторы, и я различным их сочетанием создам вам самые различные нации, начиная от бесправных шудр и кончая полноправными браминами» [16].

Рассмотрим особенности национальной идентичности.

Национальные доктрины производят мифы, символы, идеологии, призванные служить оправданию и укреплению государства. Они предлагают каждому индивиду как личную, так и социальную идентичность, позволяющую ему отличать себя от остального мира и от других культур. Распространению идентичности способствуют все правительства, заинтересованные в закреплении национальных особенностей, оправдывающих государственный суверенитет.

Определяющую роль в формировании и закреплении национальной идеологии играют политические и интеллектуальные элиты. Например, в постколониальной Африке процесс формирования наций идет как бы «наоборот»: не нация предшествует государству, а государство используется как решающий инструмент в формировании наций. Именно этим объясняется парадоксальный факт существования на политической карте мира, не имеющих нации: речь идет о процессе создания идентичности, которая подошла бы под уже существующее государство, а не о поиске нацией своего собственного государства.

Национальная идентичность – культурная норма, отражающая эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [35]. Значение национальной идентичности в последнее время повышается. И.Ю. Кисилев, А.Г. Смирнова отмечают следующие причины роста значимости национальной идентичности в современном мире: неравномерное развитие наций, порождающих экспансию более развитых стран, мировая конкуренция за ресурсы, акцентирование национальной нетерпимости в СМИ, потребность в безопасности и объединение с этой целью в группы со сходными ценностями, поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией нестабильном мире, интенсификация межнациональных контактов: как непосредственных – трудовая миграция, туризм, так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации [7].

Проявления национальной идентичности – это чувства принадлежности, включенности, или, наоборот, отторжения. Различают *две характеристики* национальной идентичности – *общность* и *отличительность*. *Общность* – степень гомогенности (однородности) нации, которая достигается мифами и представлениями о своей истории, территории, институтах, языке и религии. *Общность* отражает внутреннее измерение национальной идентичности. *Отличительность* - показывает, насколько похожа или отлична нация от других наций – членов международного сообщества. Точно также, как человек может узнать, какой он – щедрый или жадный, храбрый или

трусливый – только вступив в общение с другими людьми, нации узнают о своей уникальности и особенностях во взаимодействии с другими нациями – членами международного сообщества. Отличительность отражает внешнее измерение национальной идентичности.

Национальная идентичность включает символические, социально сконструированные значения, общие для нации в целом, что хорошо схвачено в определении Бенедикта Андерсона «нация - воображаемое политическое сообщество» [2]. В структуре национальной идентичности можно выделить три компонента: *когнитивный* – знания об особенностях собственной нации и осознания себя ее членом; *аффективный* – эмоциональное отношение к своей и чужим нациям; *поведенческий* – соответствие нормам поведения своей нации.

Изменения национальной идентичности наступают в результате увеличивающегося напряжения между старыми и вновь возникшими смыслами (что указывает на кризис идентичности). Изменения идентичности происходит в двух формах - *формы и содержания*. Различают два вида изменений *формы* национальной идентичности: *эволюционные* и *революционные*. Эволюционные изменения происходят в результате постепенной адаптации страны к внутреннему или международному давлению. Революционные изменения происходят, когда общество должно ответить на огромный и всеобъемлющий по своему потенциалу вызов. Революционные изменения происходят в результате социальной революции, войны или любых других событий, непосредственно затрагивающих существовавший прежде образ себя. Примерами революционных изменений национальной идентичности могут служить изменение относительно открытой экономической системы России в экономическую изоляцию после Первой Мировой Войны и Октябрьской революции 1917 г. и изменения в Японии и Германии после Второй Мировой Войны. Поражение этих стран-агрессоров, которые развязали войну, повлияло на их идентичность кардинальным образом. С другой стороны, китайские экономические реформы начиная с 1979 г. могут служить иллюстрацией эволюционных изменений, которые медленно, но уверенно размывали коммунистическую идентичность и создавали новый предпринимательский и капиталистический образ, который во все возрастающей степени находил свое отражение в государственных институтах.

Изменения национальной идентичности происходят как в историческом процессе (*филогенезе*), так и в процессе индивидуального развития (*онтогенезе*).

Изменения национальной идентичности в *филогенезе* осуществляется в четырех формах. Первой формой национальной идентичности, возникшей у охотников и собирателей, является «горизонтальная идентичность» - сознание *родства по крови и браку*. Вторая форма национальной идентичности – осознание *общности происхождения*. Формируется идея «вертикального родства», которая проявляется в мифах о происхождении народа от героев и культе предков. Третья форма национальной идентичности формируется на основе *территориальной общности*. Четвертая, современная форма национальной идентичности возникла в XVIII в. на основе *языка и культуры*. Изменения идентичности началось также давно, как существуют нации, в процессе столкновения с внутренними и внешними вызовами. Формирование идентичности - это процесс, всегда открытый изменениям и никогда не заканчивающийся. Нация, говоря словами Эрнста Ренана, является результатом «плебисцита повседневной жизни». Идентичность формируется в процессе придания смысла реальности посредством установления или пере-

установления определенных ценностей. Следовательно, это процесс обретения смысла, посредством которого вновь выявленные и сильно оспариваемые смыслы эволюционируют в менее оспариваемые институционализованные смыслы. На первой стадии в результате исторических практик в обществе появляются новые смыслы, допускающие другое толкование прошлого и настоящего. На этой стадии вновь выявленные смыслы сильно оспариваются и минимальны по своему влиянию на превосходящую силу главного дискурса. На второй стадии, однако, вновь возникшие смыслы получают шанс увеличить свое влияние. Благодаря благоприятному стечению обстоятельств, повторяющимся историческим практикам, и деятельности политических акторов, новые смыслы распространяются в обществе и приобретают главенствующий статус. Наконец, на третьей стадии формирование идентичности достигает точки, когда новые смыслы успешно консолидировались и социально и политически используются. Между тем, история продолжается. Вновь возникающие смыслы бросают вызовы содержанию и границам старой идентичности и приводят к изменениям. Идентичность меняется в процессе постоянного соревнования между старыми и новыми смыслами. Это интерактивный феномен, который всегда конструируется в ходе взаимодействия «Я» со своим окружением. Соприкасаясь с новыми смыслами, исторические практики играют роль, которую психологи назвали «значимый Другой». Основными факторами, формирующими национальную идентичность, являются территория, климат, историческая память, религия, мифы, язык, политическое устройство государства, культура и общность экономических интересов.

Этапы формирования национальной идентичности в процессе индивидуального развития (*онтогенезе*) описал швейцарский психолог Ж. Пиаже, который сформулировал концепцию развития у ребенка осознания принадлежности к нации через восприятие им понятий «родина», «другие страны» и «иностранцы» [14]. *На первом этапе* в 6 – 7 лет ребенок приобретает первые фрагментарные, аморфные знания о своей национальной принадлежности. *На втором этапе* в 8 – 9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей национальностью по национальности родителей, месту проживания и родному языку. *На третьем этапе* в 10 – 11 лет национальная идентичность формируется в полном объеме. Ребенок знает особенности национальной культуры и ее традиции.

Можно выделить три возможных пути влияния национальной идентичности на мировую политику. *Во-первых*, национальная идентичность определяет, как политическая ситуация интерпретируется международными акторами. *Во-вторых*, национальная идентичность влияет на принятие внешнеполитических решений. Выбирая различные варианты решения, политический деятель с большей вероятностью примет те, которые соответствуют национальной идентичности и отвергнет те, которые не соответствуют. В качестве примера рассмотрим внешнюю политику Германии и Японии со времен Второй Мировой Войны. Отвечая на внешние угрозы, обе страны избегали насильственных государственных практик и не преследовали военных целей в поразительном контрасте с их национальной историей между 1880 и 1945 гг. Одной из главных причин являлось то, что эти страны сменили идентичности под решающим влиянием многосторонних институтов безопасности, таких как ООН, НАТО, и более ограниченном двусторонним американо-японским договором о безопасности. Две страны согласились также участвовать в Плане Маршалла, воспринимая его в соответствии с новым состоянием своей идентичности. С другой стороны,

Советская Россия отклонила участие в Плане, несмотря на приглашение США. Ее идентичность сформировалась под влиянием Социалистической революции 1917 г. в революционной враждебности к Западному миру, и ее культурное восприятие Плана Маршалла было совершенно другим, чем в Германии и Японии. *В-третьих*, сильная национальная идентичность может снабжать политических акторов дополнительными ресурсами для мобилизации необходимой социальной поддержки. Если политическое решение воспринимается как соответствующее общественной идентичности, то проводящая это решение политическая коалиция скорее преодолеет сопротивление оппозиции и добьется необходимой социальной поддержки. Если же, в противном случае, общество расколото, то вероятность того, что решение будет осуществлено, уменьшается. Иллюстрацией могут служить поведение европейских стран перед лицом новых технологических вызовов, таких, как быстрый прогресс в информационных технологиях. Франция, по словам французских политологов, до тех пор не встала на путь модернизации, пока не нашла способов сохранения национальной идентичности. Однако не всегда национальная идентичность влияет на мировую политику четко и быстро. Часто ее влияние оказывается косвенным и опосредованным.

Национальную идентичность необходимо отличать от этнической идентичности. Этническая идентичность – чувство лояльности и принадлежности к этнической группе. Она не имеет отношения к государственным институтам, которые обычно приводят к появлению национальной идентичности.

Нация - это группа людей, связанных общностью экономической жизни, территории, и объединенных общими политическими институтами.

Существует два основных понимания нации.

1. Немецкое понимание нации. Нация понимается исходя из этнических и языковых критериев и рассматривается на основе общей культуры и истории. Члены связаны кровными узами, и в ретроспективе все они оказываются родственниками. Это обеспечивает лояльность традициям. Это «*primordial*» истское, или кровнородственное понимание нации.

2. Французское понимание нации. (американское, итальянское) – основана на политической легитимности, на праве народа на самоопределение. Нация – результат воли группы людей. Люди разного этнического происхождения и цвета кожи, которые объединяются на основе общности прав и обязанностей. Это *политическое* понимание нации.

В первом понимании доступ в нацию закрыт для чужих, во втором – нация открыта, и вхождение в нее легко.

Например, в конце 1990-х гг. во Франции родилось 30 000 детей от смешанных браков (Алжир, Тунис, Марокко). 29 000 стали гражданами, только 1000 отказали. В Германии в этом же году родилось 40 000 детей от смешанных браков, и только 1000 стали гражданами.

Этнос - устойчивая совокупность людей, обладающих общими особенностями культуры, психики, языка и самосознанием (т.е. сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований).

1. Главный и основной признак нации, отличающей её от простого этноса - это наличие «**национальной идеи**», т.е. идеального образца, совместно творимого, обсуждаемого, критически отрефлексированного и отстаиваемого проекта будущего, способного мобилизовать членов общества к совместным действиям, подвигу.

2. Важнейший признак нации - она исходно, по природе своей *полиэтнична*, или точнее *надэтнична*. Нация и только нация нуждается в государственном и юридически-правовом оформлении.

3. Третий признак нации - наличие многослойной полифонической культуры, претендующей на мировую значимость.

В настоящее время существуют, по разным данным, от 4000 до 8000 этносов. Учитывая, что каждый этнос в идеале стремится к национальному самоопределению и созданию собственного государства, в этом заложен огромный конфликтный потенциал.

Соотношение этноса и нации подобно соотношению *индивида* и *личности*, принятому в психологии. Как известно, в понятии «индивид» зафиксированы природные, биологические особенности человеческого организма: рост, вес, ширина плеч, цвет глаз и волос, свойства темперамента. Точно также «этнос» фиксирует естественные, природные начала психологии народа. Понятие «этнос» включает месторазвитие, этногенез, фазы развития и смерти (перехода в состояние гомеостаза). Под «личностью» в психологии подразумевается то, как человек включен в общественные отношения (социальные характеристики). Продолжая эту аналогию, отметим, что нация включает формальные характеристики и официально закрепленные в международном праве статус и границы расселения народов.

Этносы, как все живые существа, рождаются, развиваются, достигают расцвета, а затем бесследно исчезают. Рассмотрим взгляды ученых на движущие силы развития этноса.

Л.Н.Гумилев считает, что развитие этноса определяется не языком, расой, географической средой, социальными отношениями, самосознанием, процессом эволюции или их комбинацией. Формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного и природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни. Такое, безусловно, редко встречающееся явление есть отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс находится в оппозиции к инстинкту самосохранения и, следовательно, имеет обратный знак. Он может быть связан как с повышенными способностями (талант), так и со средними, и это показывает его самостоятельность среди прочих импульсов поведения, описанных в психологии. Этот признак никогда и нигде не описывался и не анализировался. Однако именно он лежит в основе антиэгоистической этики, где интересы коллектива, пусть даже неверно понятые, превалируют над жадной жизни и заботой о собственном потомстве. Особи, обладающие этим признаком, при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершить) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и инициируют новые этносы. Эта особенность, ранее известная как страсть, называется *пассионарность*.

Ф.Гегель писал: *“Ничто великое в мире не совершается без страсти”*.

Л.Н.Гумилев делил всех людей в зависимости от имеющейся у них жизненной энергии на 3 группы:

1. Люди, не обладающие достаточной энергией. Они живут за счет других.

2. Люди, обладающие достаточной энергией. Их существование направлено на физиологическое выживание.

3. Люди, обладающие избытком энергии. Им недостаточно решать задачи простого выживания, поэтому их деятельность направлена на более высокие цели. Это и есть пассионарии.

Примеры пассионарности - неумная жажда деятельности Наполеона или иррациональность поведения Александра Македонского.

Л.Н.Гумилев выделяет 7 стадий развития этноса:

1) *Инкубационный период фазы подъема* - появившийся новый этнос преобразует ландшафт при помощи нового способа адаптации к природным условиям. Эта фаза не фиксируется в исторических источниках (кроме легенд).

2) *Явный период фазы подъема*.

3) *Акматическая фаза*, когда этнос предельно активен, а давление на ландшафт уменьшено.

4) *Фаза надлома*, когда антропогенное давление максимально и деструктивно.

5) *Инерционная фаза*, в которой идет накопление технических средств и идеологических ценностей.

6) *Фаза обскурации*, во время которой нет забот ни о культуре, ни о ландшафте.

7) *Фаза гомеостаза*, когда идет взаимодействие остатков полуистребленного этноса с обедненным ландшафтом.

А.Тойнби предлагает оригинальную концепцию развития культуры: “Человек достигает цивилизации не вследствие биологического дарования (наследственности) или легких условий географического окружения, а в ответ на **вызов** в ситуации особой трудности, воодушевляющей его на беспрецедентное до сих пор усилие”. Одна из глав книги А.Тойнби носит название “Достоинства несчастья”. Вызовы делятся на три сорта:

1. *Неблагоприятные природные условия*. (Например, для русских таковыми являются большие расстояния и суровый климат).

2. *Нападение иноземцев*. (В современной России военные действия ведутся не с иноземными завоевателями, а между своими, когда то “братскими”, народами).

3. *Гниение предшествовавших цивилизаций*. (Крах коммунистической системы в России).

Все эти признаки в очень высокой степени характерны для России. На протяжении последнего столетия Россия пережила на своей территории две мировые войны и 14 локальных войн. Свершились две кровопролитные революции в 1917 и 1991 гг. Гражданские войны не утихают по сей день. К аналогичным факторам относятся сталинский террор, насильственная коллективизация, раскулачивание, депортация целых народов.

Эта концепция выглядит весьма оптимистично при прогнозе развития русского этноса. Наверное, ни один народ не находится в таких трудных условиях и не перенес столько несчастий, как русский. Бердяев отмечал потенциальность, непроявленность русского народа. Ничего великого он в истории не сотворил, не выполнил никакой высокой миссии. Но он призван осуществить **великую миссию** - разрешить вопросы, которые Запад, вследствие отягощенности прошлым, разрешить не может. В частности, предложить целостную картину мира и вывести из тупика, в который зашел Запад вследствие своей аналитичности.

Примеров, подтверждающих концепцию Тойнби, можно привести множество как на уровне этносов, так и отдельных личностей. Например, поражение в войне страны-агрессора способно в сильной степени изменить представление о себе у представителей данной культуры. Это приводит к более адекватному групповому поведению, что часто вознаграждается экономическим и духовным возрождением. Это в полной мере относится к Японии и Германии.

Как будут развиваться отношения национальной и этнической идентичности в будущем? Можно предположить, по меньшей мере, три варианта развития событий.

1. Национальная идентичность останется преобладающей в эпоху глобализации. Сложнее представить мир совсем без государств, чем мир, в котором число государств увеличится до 500 и даже более. Этническая идентичность будет играть подчиненную роль.

2. Национальная идентичность под влиянием глобализации отомрет вместе с государством. Ей на смену придут другие идентичности – цивилизационная, семейная, может быть, космополитическая. Этническая идентичность будет играть в новом глобальном мире одну из ведущих ролей, поскольку именно она дает гарантию устойчивости и стабильности в изменчивом глобализирующемся мире.

3. Национальная и этническая идентичность будут мирно сосуществовать в нарождающемся мире, дополняя и обогащая друг друга. Однако для реализации этого наиболее гармоничного варианта потребуются продуманная национальная политика государств.

Литература

1. Адлер А. Наука жить. Комплекс неполноценности и комплекс превосходства. Киев: Post – Royal, 1997.
2. [Андерсон Б.](#) Воображаемые сообщества. М.: [Канон-Пресс-Ц](#), 2001.
3. [Бергер П., Лукман Т.](#) [Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.](#) СПб.: «Медиум», 1995.
4. Генри О. Дороги, которые мы выбираем. Рассказы. М.: Азбука-классика, 2009.
5. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.
6. Келли Дж. [Теория личности: психология личных конструктов.](#) — СПб.: Речь, 2000.
7. Кисилев И.Ю., Смирнова А.Г. Формирование идентичности в российской провинции. Москва-Ярославль. ДИА-пресс, 2001.
8. Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. – М.: Европа, 2007.
9. [Кули Ч.Х.](#) Человеческая природа и социальный порядок. М.: [Идея-Пресс](#), 2001.
10. Левин К. Теория поля в социальных науках. — СПб.: Речь, 2000.
11. Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX - начала XX века. — Полис, 1999, № 1.

12. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994.
13. Нойманн И. Использование «Другого». – М.: Новое издательство, 2004.
14. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М.: 1994.
15. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. Ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т.2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной.
16. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006.
17. Смирнова А.Г., Кисилев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль. ЯрГУ, 2002.
18. Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа, 2006.
19. Фрейд З. [Психология масс и анализ человеческого «Я»](#). 1921.
20. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.
21. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: 2002.
22. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. – М.: [ИРИСЭН](#), 2007.
23. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004.
24. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
25. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис — М.: Прогресс, 1996.
26. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. «Ренессанс», 1991.
27. Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.
28. Blaney D. Equal Sovereignty and an African Statehood: Tragic Elements in the African Agenda in World Affairs / M. Cottam, Chih-yu Shih. Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations. N.Y.: Praeger, 1992.
29. Bloom W. Personal Identity, National Identity and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
30. Doyle M. Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. Vol. 12. № 3. P. 205—235; Vol. 12. № 4. P. 323—353.
31. Hopf T. Social Construction of International Politics. Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Cornell University Press. Ithaca and London. 2002.
32. Liebkind K. Minority Identity and Identification Processes: A Social Psychological Study: Maintenance and Reconstruction of Ethnolinguistic Identity in Multiple Group Allegiance // Societas Scientiarum Fennica, Helsinki. 1984.
33. [Marcia J. E. Development and validation of ego identity status // Journal of Personality and Social Psychology](#). 1966. 3. pp. 551-558.
34. Prizel I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

35. Tsygankov A.P. Pathways after Empire. National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World. Lanham, Rowman & Littlefield Publisher, Inc., 2001.
36. Walt S.M. The Origins of Alliances. Cornell University, Ithaca, 1987, 1990.
37. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.

Малашенко М.В. Модернизации в России: ценностные основания и реальное воплощение

Малашенко Марина Валерьевна - Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования соискатель ученой степени кандидата социологических наук Института социально-политических исследований РАН.

В статье анализируются фундаментальные основы развития и модернизации в России. Проект модернизации рассматривается с точки зрения соответствия ценностно-мировоззренческой матрице российской цивилизации. На основании концепта цивилизационно-образующих ценностей обосновывается необходимость модернизации на собственных цивилизационных основаниях.

Ключевые слова: модернизация, цивилизация, ценности, ценностная шкала

Malaschenko M.V.

Modernization in Russia: fundamental value grounds and realization

Fundamental grounds of Russia's development and modernization are analyzed in this paper. Modernization project is considered in complex from the point of view of its correspondence with world outlook value foundation of Russian civilization. The necessity of modernization on proper civilizational ground is substantiated on the basis of civilization constitutive concept.

Key words: modernization, civilization, values, value scale

Благодаря высшим политическим установкам тема модернизации сегодня превратилась в государственный мейнстрим. Термин «модернизация» в последнее звучит в заявлениях высшего политического руководства России и используется в научной и околонучной публицистике настолько часто, что превращается в некий абстрактный маркер, так, что не всегда возможно определить, каким реальным сущностным содержанием он наполняется. Реформы в России проводятся уже 20 лет и затрагивают все сферы общественного и государственного устройства. Однако на протяжении всего этого времени страна пребывает в состоянии глубокого кризиса, затронувшего практически все системы жизнеустройства. Результаты реформ и состояние страны нередко подвергаются критике руководством страны. Вместе с тем, курс реформ продолжается, критикуются отдельные лежащие на поверхности конъюнктурные неудачи, фундаментальные же проблемы реализуемого в России проекта не подвергаются ревизии и целостному осмыслению. Фундаментальные основы кризиса не вскрываются, однако за деревьями просто необходимо «видеть лес». Поэтому в данной работе проект заявленной модернизации будет подвергнут комплексному анализу в понятиях цивилизационно-ценностного дискурса.

Понятие цивилизации заимствовано из словаря западной общественной мысли. В Новое время, по мере того как складывались современная западная цивилизация и мировая колониальная система, в западной общественной мысли возникло противопоставление цивилизованного и дикого об-

разов жизни человека. Термин «цивилизация» стал применяться для характеристики определенной стадии развития общества, следующей за дикостью и варварством. В начале XIX века, в ходе становления колониальных империй, возникла «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа - своя цивилизация. Позже стало развиваться понятие локальных цивилизаций, сложился цивилизационный подход к взгляду на историю¹.

Цивилизация современного Запада возникла в результате нескольких взаимодействующих революций в Европе – религиозной (Реформация), Научной, Промышленной и ряда политических. Каждая из этих революций кардинально изменила какую-то сторону бытия европейских народов, а все в совокупности произвели огромную мутацию в культуре, хозяйстве и национально-государственных системах. Возникло новое, индустриальное общество, названное *современным* (обществом *модерна*). Возник новый человек, по своей культуре и самосознанию резко отличающийся от человека Средневековья.

Эта цивилизация оказалась очень энергичной, ей была необходима постоянная экспансия, нужно было постоянно расширяться в разных измерениях – географически, экономически, в познании, в военной силе. Большую часть мира Запад превратил в свои колонии, овладел этим пространством. Многие местные культуры при этом погибли. Сильным цивилизациям пришлось закрываться от Запада разными барьерами - культурными, военными, экономическими. И при этом они были вынуждены *модернизироваться*. Чтобы устоять перед историческим вызовом со стороны Запада, им нужно было осваивать средства, дающие ему силу – знания, технологии, многие общественные институты. Освоение этих инструментов и называется модернизацией. В ходе модернизации традиционные общества приобретают многие черты современного общества, но «привитые» на ствол своей культуры. Например, проводят индустриализацию.

Понятие цивилизации принято и в современной мировой науке, и в геополитике. Война цивилизаций, цивилизационный конфликт, столкновение цивилизаций, - эти понятия прочно вошли в лексикон и ученых и политиков. Современная государственная власть вырабатывает доктрину своей политики и принимает стратегические решения исходя из цивилизационных представлений о своей стране. В XX веке было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты, доходящие до гражданских войн².

Начиная со времен перестройки в гуманитарном дискурсе России господствуют три основные версии о ее цивилизационном статусе. Согласно первой из них, Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии варварства. Эту мысль проводил А.Н.

¹ Критерии успешности страны, цивилизации, человечества // Материалы научного семинара Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. №8. – М.: Научный эксперт, 2010.

² Критерии успешности страны, цивилизации, человечества // Материалы научного семинара Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. №8. – М.: Научный эксперт, 2010.

Яковлев. Он писал: «На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы»³.

Вторая версия, которая доминировала в 1990-е годы, заключается в том, что Россия представляет собой цивилизацию, но изначально антигуманную и тоталитарную. В этой версии реформа видится не как переход из варварства в цивилизацию, а как смена типа цивилизации, «вступление в Запад».

Третья версия сводится к тому, что Россия является частью западной цивилизации. Советский проект при этом рассматривается как нежелательное отклонение от необходимой траектории развития.

После 2000 года российская власть какое-то время избегала делать декларации о цивилизационном статусе России. Но уже в восьмом Послании В.В. Путина Федеральному собранию (2007 г.) был высказан тезис: «Мы должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю»⁴. «Базовые ценности» - это и есть ценностная матрица, на которой собрана цивилизация.

Реализуя проект модернизации, современная власть мыслит в рамках третьей версии о цивилизационном статусе России. В таком подходе модернизация проявляется в стремлении переделать все жизнеустройство России по западным лекалам. Это большая программа имитации западных общественных институтов, типа хозяйства и социальных отношений. Однако в основе эффективного функционирования общественного и государственного устройства любой большой страны лежат фундаментальные цивилизационные ценности. И утверждение российской власти, что эти ценности в России и на Западе не отличаются, должно являться гарантией того, что и институты на российской земле будут функционировать также эффективно, как и на Западе. Только такой императив может обуславливать доктрину построения институтов в России на основе этих ценностей.

Однако тот факт, что власть в России мнит ее частью Европы и отождествляет российские и западные цивилизационные ценности, как представляется, является одной из основных угроз развитию и даже существованию страны.

В суровых климатических условиях России, например, не могла закрепиться ценность индивидуализма. В России вести хозяйство можно было, только опираясь на взаимопомощь и общинную солидарность, особенно в чрезвычайных условиях страды. Вот как проводит мысль о важности исторических условий А. Безансон: «Европа» как целое — постепенно вызревший плод уникального исторического опыта. Но можно ли в таком случае сказать, что Россия — часть Европы? Пройдемся по списку главных признаков «европейскости»: средневековая церковь и империя? Нет, ничего подобного Россия не знала. Феодализм и рыцарство? Нет. Возрождение и Реформация? Нет. Таким образом, нет никаких оснований считать Россию частью Европы»⁵.

Возникает логичный вопрос: разве в России не было «средневековой церкви и империи»? Да, в западном понимании, действительно, не было, потому что и церковь, и империя России были настолько иными, чем на Западе.

³ Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верт, Ж-Л. Панне, А. Пачковский, К. Бартосек, Дж-Л. Марголин. — М.: Три века истории. 2001.

⁴ www.gian.ru

⁵ Безансон А. Россия — европейская страна? // Отечественные записки, 2004, №5.

де, что вся конструкция оказывалась иной. Достаточно вспомнить, какую роль сыграли в судьбе Европы религиозные ордены – тамплиеры и госпитальеры, францисканцы и иезуиты. Они создавали финансовую систему Запада, всепроникающую инквизицию, всемирную тайную политическую сеть и систему образования элиты.

Не было этого в России, как не было и многолетних внутриимперских войн европейского типа. Столетняя война, Тридцатилетняя война, война Алой и Белой розы – можно себе представить такое в России? Не было походов Карла Великого, превративших Европу в «кладбище народов», не было и крестовых походов. И такого «национального несчастья», как Реформация, у нас не случилось – Православие не породило в России религиозных войн, уносящих до двух третей населения. В этом смысле наш раскол не идет ни в какое сравнение с Реформацией. Не было и костров, на которых в Европе сожгли около миллиона «ведьм».

Не было варфоломеевских ночей, не было алхимии и масонства (если не считать мимолетных увлечений западной элиты). Не было «огораживаний», превративших население в пролетариев и бродяг. Не было «зачисток» целых континентов от местного населения. Не было работорговли, которая опустошила западную Африку. Не было опиумных войн, поставивших на грань вымирания Китай. Не было русского Наполеона, не было и фашизма.

А ведь все это – конституирующие элементы современного Запада, составившие его цивилизационную ценностно-мировоззренческую матрицу. Много чего еще не было в России, и совокупность всего этого настолько велика, что трудно не видеть принципиальные отличия от Запада.

Фундаментальные различия цивилизаций проявляются в ценностном отношении к миру, человеку и его душе (отсюда и отношение к религии). В западном обществе мир рационален - он десакрализован, лишен святости. Человек представляет собой покорителя природы. В России мир представляется как космос, с каждой частицей которого человек связан неразрывно. Он не изолирован и не противопоставлен миру.

Это в равной степени справедливо по отношению к культуре и старой России, и советской, что признают и западные наблюдатели. Немецкий историк В. Шубарт отмечает: «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак советской России»⁶.

В России складывалось принимающее разные формы представление о человеке как соборной личности. Российская социальная философия считала концепцию индивида некорректной, поскольку общество и человек связаны и не могут быть отделены друг от друга. Человек всегда является частью каких-либо солидарных групп (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива).

Некоторые авторы утверждают, что в ходе модернизации Россия изжила общинную культуру и сегодня россияне – более индивидуалисты, чем на Западе⁷. Напротив, российское общество смогло пережить социальное бедствие 1990-х годов только благодаря низовым сетям взаимопомощи именно общинного типа. С этой установкой спорит А.С. Панарин: «[Русский народ] оказывается хранителем общинного сознания в эпоху, когда общин-

⁶ Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000.

⁷ См. например: Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте. Россия и 25 стран Европы: Аналит. докл. М.: CESSI, 2008.

ность репрессирована политически, экономически и идеологически. В этом смысле народ оказался великим подпольщиком современного гражданского общества... Современный «цивилизованный Запад» после своей победы над коммунизмом открыл «русское народное подполье», стоящее за коммунизмом и втайне питавшее его потенциалом скрытой общинности... В тайных нишах народной общинности находил укрытие жизненный мир с его до сих пор скрытыми законами, может быть, в принципе не переводимыми на язык прогрессизма»⁸.

Совершенно различны также отношение к труду, соотношение между полусами материального потребительства и нестяжательства. Уже античные времена представляют наглядную иллюстрацию вариативности этого выбора. Если в Афинах была реализована модель стимулирования индивидуализации потребностей, то в Спарте – их жесткого ограничения. Основным принцип законов Ликурга состоял в недопущении роскоши⁹. Итог противостояния общеизвестен – победа бедных спартанцев над богатыми афинянами¹⁰. Такого рода примеры не единичны. Нестяжательский ориентир исторически выступал как важный цивилизационно образующий принцип.

Предложенная западной цивилизацией модель – путь устойчивого экономического роста. Любой сбой повышательной динамики для нее есть кризис. Соответственно, для того чтобы рост экономики был непрерывным, должны опережающими темпами расти потребности. Для этого они искусственно разогреваются рекламой, СМИ, кредитованием. Тип человека-потребителя является, таким образом, результатом целенаправленного пропагандистского манипулирования.

Но все это уже было. Анализ исторического опыта гибели мировых цивилизаций позволяет обнаружить повторяющуюся модель цивилизационных катастроф. Всякий раз им предшествовал процесс аксиологической эрозии, одним из неперемненных проявлений которого оказывалась девальвация ценности нестяжательства, приоритета духовных ценностей над материальными. Общество охватывал синдром безудержного потребительства. В итоге социальные связи распадались, а цивилизация гибла.

Расширение спектра потребностей и их индивидуализация – характерные черты Древнего Рима периода упадка. Потребление росло и росло, продуцируя череду социальных, политических и экономических кризисов. В итоге римская государственность рухнула. Выстраиваемая на обломках империи христианская цивилизация возвращалась к ценностям аскезы и нестяжательства. Не повторяет ли сегодня человечество, прежде всего западный мир, сценарий римского саморазложения? Многие признаки такого рода аналогий – налицо¹¹.

Протестантская трудовая этика в менталитете западного человека в значительной степени выхолостилась. Этический императив труда вытеснила мораль потребительства.

В России работа приобретала литургический характер, тяжкий труд являлся условием выживания. Именно поэтому тяга к накоплению собственности считалась предосудительной. В шкале ценностей российского общества высоко стоит достаток, но порицается страсть к наживе. Бердяев отмечает важную особенность: «Русские суждения о собственности и воровст-

⁸ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. - М.: Алгоритм, 2003.

⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1961.

¹⁰ Фукидид. История. М., 1993.

¹¹ *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в *Римской* империи. В 2 т. М., 2001.

ве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку... С этим связана и русская борьба против буржуазности, русское неприятие буржуазного мира... Для России характерно и очень отличает ее от Запада, что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии»¹².

Таким образом, уже это краткое изложение показывает, что исторически сложившиеся основополагающие ценностные представления, господствующие в России, принципиально отличались от тех, которые сложились в гражданском обществе Запада.

На основании этого тезиса в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования была предложена концепция цивилизационно-образующих ценностей-мотиваторов. Выдвигается идея о наборе ключевых ценностных категорий, различия в которых и обуславливают различия цивилизаций. Выделены 12 цивилизационно-образующих ценностных категорий: стремление к совершенству; креативность; инновационность; сопереживание; ценность человеческой жизни; терпимость; семья — детность; нематериальные ценности; коллективизм — социальность; душа (в религиозном смысле); труд; альтруизм.

Апелляция к соответствующим антиценностям позволяет наметить ценностную шкалу для определения степени выраженности той или иной ценности в различных цивилизациях. Ведь, говоря, о девальвации ценности труда в современной западной цивилизации, мы не имеем в виду, что она становится равна нулю, что труд больше не представляет ценности, просто его значимость (значение) снижается.

Исследователи, развившие подход кросс-культурного измерения и сравнения ценностей¹³ показали, что уровень ценностных предпочтений количественно измерим. Если коллективизм устремился к нулю, значит, начинает нарастать индивидуализм. Если человек не ориентирован на труд, то он, чтобы жить, должен обирать себе подобных, но трудящихся, снимая с них ростовщическую и иную ренту. На рис. 1. представлены 12 шкал, которые задают цивилизационно-ценностный профиль каждой цивилизации (рис. 1).

¹² Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990. № 1.

¹³ Г. Хофстед, Р.Инглхарт Ш.Шварц, Трампаенаарс.

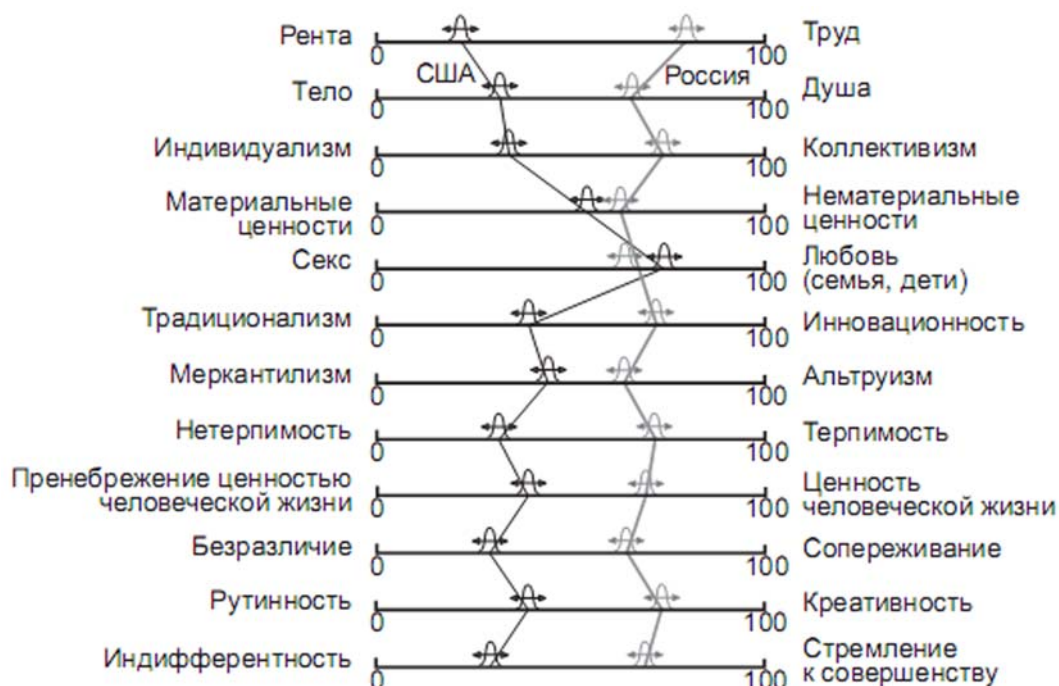

Рис.1. Шкала ценностей для построения цивилизационного профиля цивилизации.

Выбор параметра ценности в дихотомии ценность-антиценность производился с учетом российской специфики и российского кода успешности и выживания. Вероятно, что этот выбор не абсолютен по отношению к ценности коллективизма, например, для европейской цивилизации, где ценность исторически представляет индивидуализм, коллективизм будет являться антиценностью. Однако это не затрагивает описываемый методологический подход к выявлению ценностных профилей цивилизации. Чтобы нивелировать неизбежно возникающий при вводе антиценностей оценочный элемент, покажем количественные значения ценностных параметров российской (рис.2) и западной (рис.3) цивилизаций.

Рис.2. Количественная оценка ценностных категорий российской цивилизации

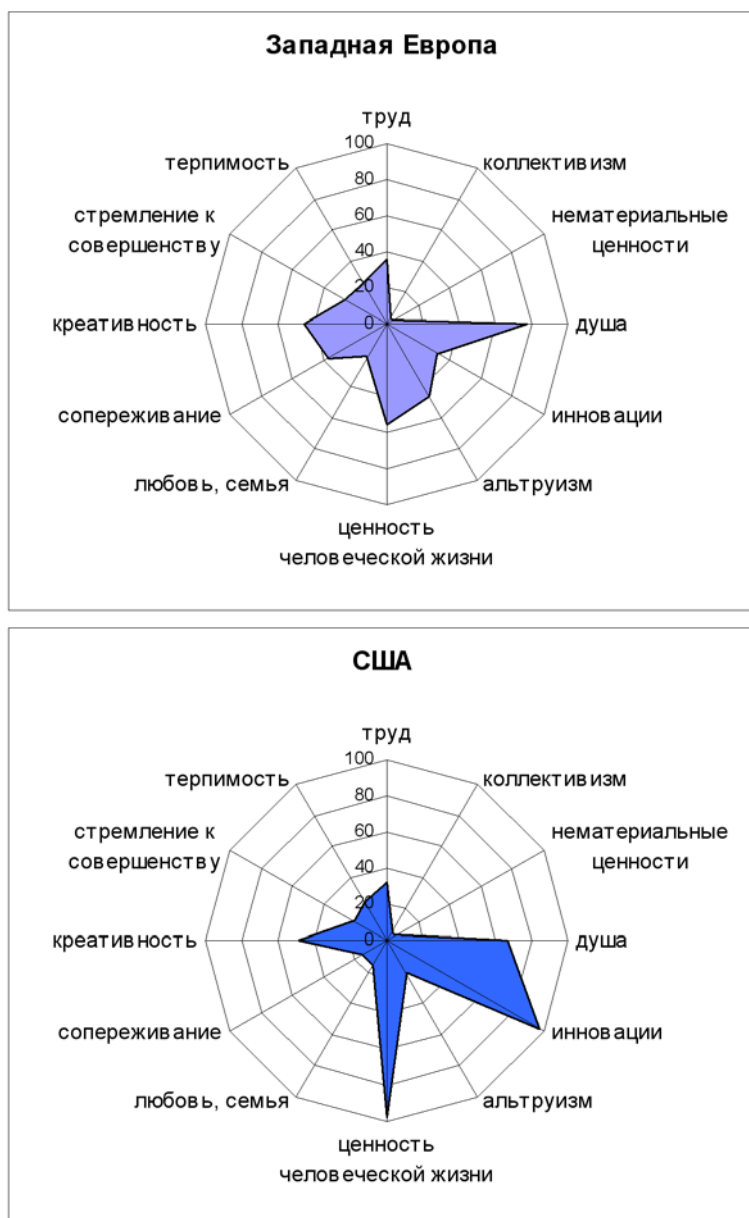

Рис.3. Количественная оценка ценностных категорий западной цивилизации: а – Западная Европа; б – США.

Эти значения получены синтезом метода сетевого интеллекта и метода экспертной оценки. Количественное измерение уровня предпочтения тех или иных ценностей для разных сообществ дает возможность классифицировать сообщества, вводя критерии значимых отличий.

Из этого следует вывод: Россия - не Европа, Россия - совершенно особая цивилизация и ценностно-мировоззренческие основания российской цивилизации совершенно иные. Поэтому регулирование общественной и государственной жизни исходя из представлений об идентичности российских и европейских ценностей глубоко ошибочно. Попытки изменить ценностный цивилизационный код России, которые ныне предпринимаются властями, в прямом смысле смертельно опасны.

Почему же учет цивилизационно-образующих ценностей так важен для государственных управленцев страны? На каком основании мы утверждаем, что именно это ценностное несоответствие и копирование западных институтов вызвало и усугубляет кризис в России?

В современной России реформы продолжаются уже 20 лет, а промышленное производство перед финансово-экономическим кризисом 2008 г. едва достигало уровня 1990 г. Эту разницу необходимо осмыслить. Ведь дело не в мелочах. Причины фундаментальны и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Принципиальное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма состоит в длительной ресурсной и трудовой эксплуатации Западом колоний, которое было совершенно необходимым условием для возникновения и развития современного Запада¹⁴. Сегодня в условиях неокOLONиализма существование западного капитализма обеспечивается латентной экономической эксплуатацией стран периферии и полупериферии. Если первичный колониализм опирался на прямую военную силу и принуждение, то в современности он трансформировался по пути акцентировки третичного сектора экономики: мировой системы финансов, основанной на доминировании доллара.

Однако ни СССР, ни нынешняя Россия эксплуатируемых территорий не имеют, вот почему построение капитализма западного образца не представляется возможным.

Рыночные отношения проецируются в России в соответствии с западными ценностными установками на все сферы жизни общества. Так, при обосновании реформы школьного образования утверждается, что ребенок должен стать для школы «не дополнительной обузой, а источником ее финансового благополучия, материального достатка ее работников»¹⁵. Агент-клиентные отношения, когда учитель представляет образовательную услугу, а ученик, как клиент, оценивает ее качество настолько противоречат ценностям российского общества, что кажется удивительным, как такие установки могут исходить от всенародно избранного Президента России.

Следует сказать, что цивилизационные конфликты и кризисы в России возникают не в первый раз. Крупнейший из них пришелся на начало XX века, результатом стал советский проект. А.С. Панарин писал: «... «советская империя» есть не просто империя, а способ мобилизации всех явных и тайных сил, не принявших буржуазную цивилизацию и взбунтовавшихся против нее... Именно совпадение коммунистического этоса советского типа с народным этосом как таковым вызвало величайшую тревогу Запада перед «русским вызовом». Были в прошлом и возможны в будущем и более могущественные в военном отношении и при этом враждебные Западу империи. Но они не вызывали и не вызывают такой тревоги на Западе»¹⁶. Уже одно

¹⁴ Критерии успешности страны, цивилизации, человечества // Материалы научного семинара Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. №8. – М.: Научный эксперт, 2010.

¹⁵ Ключевые направления экономической программы Дмитрия Медведева // www.gian.ru

¹⁶ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. - М.: Алгоритм, 2003.

это делает всю доктрину реформ как «вступления в Запад» совершенно утопической.

Россия превратилась в сырьевой придаток Запада, в его колонию в современной неокOLONIALной модели мирового разделения труда. Это утверждение обосновано, поскольку экономическое и социальное жизнеустройство в России имеет все признаки колонии.

Во-первых, основные, казалось бы, сугубо внутренние инфраструктуры стран-колоний связаны с территориями, находящимися во внешнем мире (с метрополией). Речь, понятно, идет о нефтегазовом и ином сырьевом и низкопередельном комплексе. Остальная экономика и территория размещения при такой колониальной модели находятся в архаизированном состоянии. До ее состояния собственно никому и нет дела. Будучи не нужной метрополии, она не развивается, а попросту деградирует. Это машиностроение, приборостроение, электроника, высокотехнологическая промышленность, даже оборонная промышленность. В таком случае все разговоры об инноватизации и модернизации остаются разговорами.

В постсоветский период произошла переориентация России от собственных экономических запросов на обслуживание внешнего потребления. Сегодня доля торговли в ВВП страны составляет более трети от его общего объема. Достаточно сравнить с США, где удельный вес экспорта в валовом внутреннем продукте – лишь 11%. Примерно столько же было в СССР – 10%. Сейчас многие российские регионы больше торгуют с иностранными государствами, чем внутри страны. Они, таким образом, ориентированы в большей степени не на Россию, а на внешний мир. В целом экспорт из России превышает импорт в 2-3 раза.

Второй признак колониальности – это моноспециализированность. Экономическая устойчивость суверенной страны связана с наличием широкого спектра отраслей. Главным соображением здесь выступает принцип национальной безопасности. В колониях все по-другому. Там получает развитие одна, максимум две отрасли, наиболее рентабельные с точки зрения взаимодействия с метрополией. Эти отрасли применительно к российскому случаю достаточно хорошо известны. Организованный властями дискурс о путях модернизации России происходит в рамках колониальной парадигмы. Суть известных предложений сводится к следующему. Давайте откажемся от модели экспортной республики и будем, как говорил министр сельского хозяйства, обеспечивать мир (т.е. Запад) сельскохозяйственной продукцией. Другие ставят вопрос иначе: давайте торговать оружием и будем развивать ОПК. Колониальная парадигма при таком раскладе сохраняется. Для ее смены нужна принципиально иная постановка вопроса: давайте ориентироваться не на внешний мир метрополий, а на внутренние потребности и проистекающие из них собственные задачи развития.

Третий признак колониального устройства – социальная анклавизация. В колониях существуют, как правило, территориальные анклавные благоденствия, диссонирующие по своей развитости с остальной страной. Эти анклавные структуры связаны с компрадорской элитой, включенной в международную элитарную сеть. Они представляют собой нижний эшелон золотого миллиарда. Такой территориальный анклав относительного благоденствия в России хорошо известен – это Москва. Ось «Москва – вся остальная Россия» – это типично колониальная ситуация регионального раскола.

В самих регионах существуют похожие анклавные структуры развитости на фоне люмпенизированной провинции. Как Москва связана с метрополией (запад-

ным миром), так и они связаны с Москвой. Их относительное благоденствие определяется включенностью в низовые структуры столичного капитала. Реализована типичная схема, характерная для колониального устройства.

Следующий признак колониальной системы – выстраивание модели управления по принципу «разделяй и властвуй». Этнические группировки и этноплеменные структуры поддерживаются по отношению друг к другу в состоянии перманентного конфликтного напряжения. Такая система характеризуется постоянно существующей вероятностью взорваться. Сохранение в России модели федералистского национально-территориального устройства дает широкие возможности для проведения колониальной политики. Имеется механизм провоцирования этнических конфликтов едва ли не по всей территории Российской Федерации. Например, Северокавказский федеральный округ – чем не протогосударственность, структура, придуманная для отделения Кавказа от России?

Сопутствующим признаком колониальной модели выступают криминальные анклав. Достаточно вспомнить Китай в периоды опиумных войн: торговля оружием, торговля наркотиками, торговля людьми. Попытки местных властей по проведению декриминализации приводят к жесткой отповеди со стороны метрополии, имеющей свой интерес в криминальных потоках. Такого рода криминализованные территории в РФ тоже хорошо известны. Та же Чечня, в криминализации которой большую роль сыграл федеральный центр 1990-х годов. Та же подпольная водочная индустрия Осетии.

Таким образом, случайно или нет, но все признаки развития современной России удивительным образом совпадают с описанием колониальной модели.

Иными словами, в настоящий момент в России реализуется то, против чего Россия боролась весь XX век. В России в 1905-1907 годах началась мировая революция крестьянских стран, пытавшихся избежать втягивания их в периферию западного капитализма. Весь XX век Россия вела цивилизационную войну с Западом, сопротивляясь его экспансии, а теперь власть предлагает развиваться России как части Запада. Корни кризиса лежат именно в этой плоскости.

Перефразируя Ю.Андропова, можно с полным правом сказать, что власть не знает общество, которым управляет.

Власть и общество расходятся во взглядах на ключевые вопросы общественного устройства. Например, при ответе на вопрос о предпочтительной форме социально-экономического устройства современные отношения собственности поддерживает только 11% населения (рис.4)

Рис.4. Россияне о наиболее подходящей России форме социально-экономического устройства общества

Несоответствие курса реформ ценностям российского общества ведет к провалу либо глубокому кризису. Социологические исследования фиксируют состояние тревожности и напряженности в обществе (рис.5).

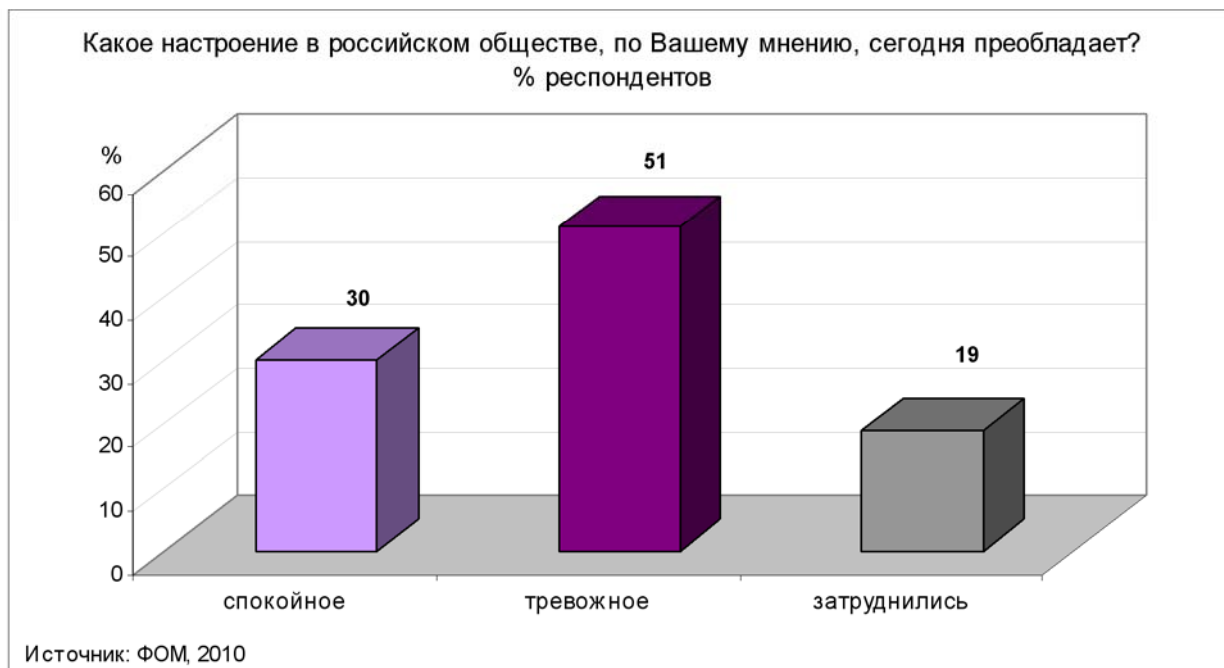

Рис.5. Преобладающие настроения в современном в российском обществе

При этом на вопрос «Есть такая точка зрения, что в обществе тяжёлая атмосфера... Вы согласны с этой точкой зрения?» Президент России отвеча-

ет: «Нет, я не согласен с этой точкой зрения, потому что у нас нет тяжёлой атмосферы в обществе...»¹⁷.

Подобные свидетельства отрывает власти от общества просто потрясают. Незнание общества превращается в непонимание, а иногда и во враждебность, дошедшую в части элиты до степени паранойи.

Председатель правления Института современного развития – президентского интеллектуального центра – И. Юргенс открыто заявляет, что русский народ мешает модернизации страны. Он сетует, что «разговоры о наукоемком производстве, технологиях и так далее в широких народных массах не встречают понимания, поэтому трудно «зажечь» народ»¹⁸.

В контексте вышеизложенного становится понятно, что «зажечь народ», навязывая чуждую модель жизнеустройства, невозможно. Русский народ, совместно с остальными народами СССР, уже совершил в кратчайшие сроки беспрецедентную по мировым масштабам модернизацию, опираясь на свои цивилизационные основания.

Однако в настоящее время ему предлагается совершенно иной проект модернизации: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии»¹⁹. Как представляется, это может оказаться первый в нашей истории опыт модернизации, который приведет к плачевным последствиям.

Современное либеральное государство с навязываемыми им ценностями вызывает у россиян совершенно определенное отношение. На рис. 6. показана разница в отношении россиян к государству в 1989 и 2010 гг.

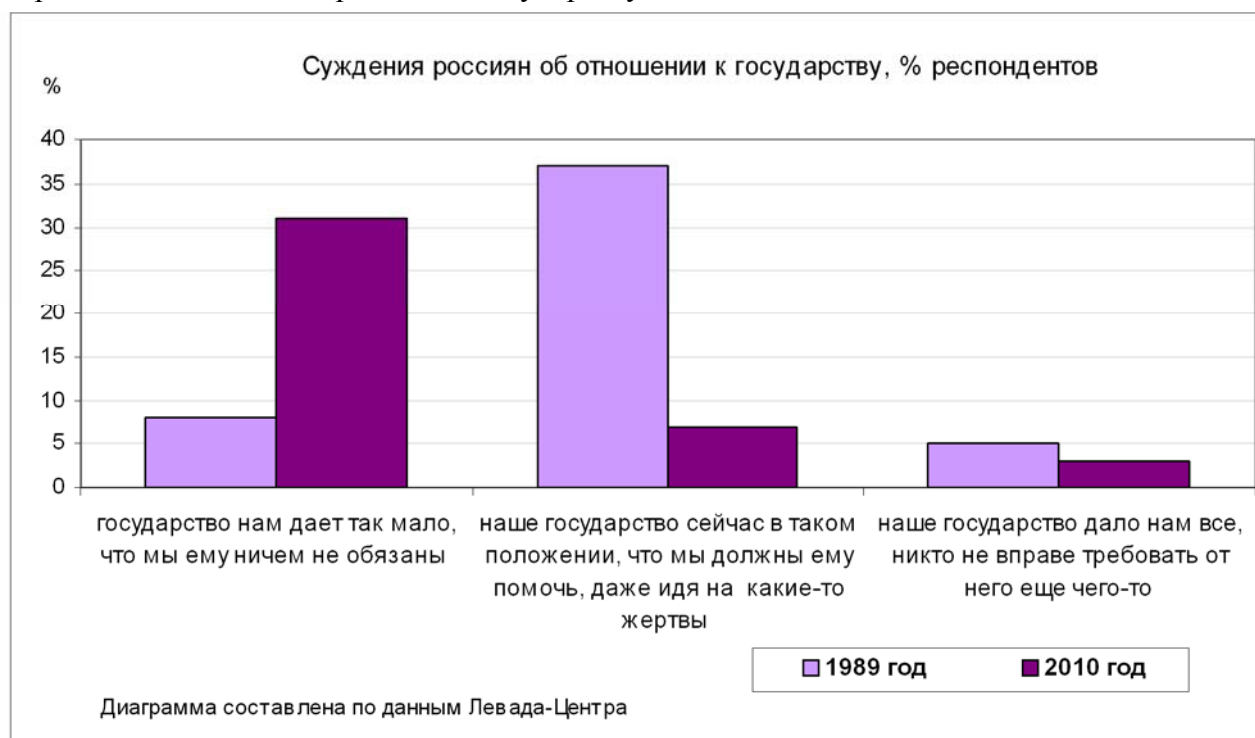

Рис.6. Отношение российского общества к государству в 1989 и 2010 году.

¹⁷Медведев Д. Мировой политический форум 9.09.2010 // www.vesti.ru

¹⁸ www.ng.ru

¹⁹ Медведев Д. II Ежегодное Послание Федеральному Собранию, 2009 // президент.рф

Политика современной власти привела к тому, народ больше не является естественным помощником и союзником государства, как это было на протяжении тысячелетней истории. В кризисный период пассионарная энергетика народа – единственное, что может послужить основой государственной политики, направленной на спасение общества и государства. Однако такую модернизацию общество не поддержит, навязыванием ценностей, против которых весь XX век боролись предки, народ не «зажечь».

Опасность кроется в переносе на российскую почву модели жизнеустройства, основанной на чуждых цивилизационных ценностях. О ней в 1944 г. писал П.Сорокин: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения»²⁰.

Для России важно отказаться от политики имитации западной жизни, политики встраивания в «европейский дом». От этого зависит и успех модернизации и, по сути, условия сохранения жизнеспособности России.

²⁰ Сорокин П. Причины войны и условия мира // Новый журнал. 1944. № 7

Невская Т.А. Имидж России как ресурс инновационной модернизации

Невская Татьяна Александровна - кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Nevskaya_t@mail.ru

В статье рассмотрены методологические проблемы исследования политического имиджа и его структуры, раскрыт механизм формирования международного имиджа (образа) России. Выявлены основные негативные факторы формирования образа России за рубежом. Международный имидж России представлен как важнейший ресурс инновационной модернизации страны.

Ключевые слова: понятие и структура политического имиджа, методологические проблемы исследования политического имиджа, имидж России, имидж как ресурс инновационной модернизации, механизм формирования международного имиджа (образа) России, негативные факторы формирования международного имиджа России за рубежом.

Nevskaya T.A. Image of Russia as resource of innovative modernization.

This article examines methodological problems of the research of political image and its structure, opening the mechanism for the formation of Russia's international image. The main negative factors influencing the image of Russia abroad are revealed. The international image of Russia is presented as the major resource to drive innovative modernization of the country.

Key words: Concept and structure of political image, methodological problems of the research of political image, image of Russia, image as resource of innovative modernization, mechanism for the formation of Russia's international image, negative factors influencing the image of Russia abroad.

Отношения между государствами, организациями и другими субъектами, действующими на международной арене, определяются множеством факторов - как не зависящих от субъектов международных отношений (например, географического положения, наличия или отсутствия природных ресурсов, имеющих стратегическое значение, этнического состава населе-

ния), так и зависящих от него - субъективных факторов. Речь идет, прежде всего, об интересах, за которыми стоят соответствующие потребности. На уровне нации-государства - это национальные интересы и национальные потребности. Интерес, имеющий более или менее долгосрочный характер, конкретизируется в национальных целях и задачах, которые могут рассчитываться на разную временную глубину и существенно влиять на характер внешней политики данной страны.

Но большую, и пока еще мало исследованную роль в формировании мировой политики и международных отношений, играют представления субъектов о самих себе и о других: месте и роли в мире, историческом предназначении (миссии), перспективах развития и т. п. В первом случае речь идет о так называемой Я-концепции. Во втором - об образе или имидже Другого.

Исследованием имиджа психологи занимаются уже не один десяток лет. Позднее к ним активно подключились социологи, а в последние годы и представители политической науки, в том числе и международники. Интерес последних к имиджу обусловлен, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, развитием науки о международных отношениях, которая растет не только вширь, но и вглубь. Во-вторых, возрастанием роли имиджа в этих отношениях и все более активном и целенаправленном использовании его в современной идеологической борьбе, перерастающей в отдельных сферах и на отдельных направлениях в информационно-психологическую войну.

В современной научной литературе существуют различные определения имиджа. Его трактуют как «сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо» [1]. При этом отмечается, что хотя формирование имиджа может происходить стихийно, «чаще оно является результатом работы специалистов в области политической психологии, рекламы, маркетинга и т. д.» [2].

Несколько иное определение имиджа дает в своей книге «Психология имиджа» Е.Б. Перельгина, представляя его как «символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия» [3]. Имидж характеризуют также как «целенаправленно формируемый образ»; как «набор определенных качеств, которые люди ассоциируют с определенной индивидуальностью»; как «образ-представление, в котором в сложном взаимодействии соединяются внешние и внутренние характеристики объекта» [4] и т. п.

Однако при всех разногласиях большинство исследователей сходятся в том, что имидж имеет интерактивную природу, то есть рождается в процессе субъект-объектного взаимодействия, или, как говорят некоторые исследователи, символической коммуникации. При этом имиджмейкер играет важную, если не определяющую, роль в его формировании. И роль эта возрастает, поскольку возрастает значение средств массовой коммуникации как каналов трансляции имиджа - прежде всего телевидения и интернета. Особенно велика роль имиджмейкера, выполняющего социальный заказ, т.е. создающего образ в соответствии с изначально заданными чертами, «подгоняющего» его под определенный стереотип - «врага», «друга», «демократа», «диктатора» и т. п.

Имиджу присуща более или менее отчетливо выраженная эмоциональная окраска. Без нее просто нет имиджа, ибо он рассчитан не столько на рациональное, сколько на эмоциональное восприятие. В своей книге

«Имидж и выборы» Г. Почепцов приводит слова Рэя Прайса, работавшего в команде имиджмейкеров Никсона: «Это должно быть животной реакцией, неартикулируемой, неаналитической, продуктом определенной химической реакции между избирателем и имиджем кандидата» [5]. Говоря фигурально, имидж не рассчитан на то, чтобы реципиент, т. е. субъект, для которого создается имидж и в представлении которого он существует, его анализировал, «разжевывал», он должен «заглатывать» его целиком, не раздумывая [6].

Имидж не является и не может являться адекватным отражением его прообраза. Он «всегда представляет собой в известном смысле «полуправду»: задает определенные направления для «домысливания» в соответствии с имеющимся социальным опытом субъекта. В его формировании важную роль играют стереотипы и ассоциации, с помощью которых люди наделяют объект восприятия хотя и распространенными, но нередко не совпадающими в частном случае с реальностью, качествами» [7]. Целенаправленно формируемый имидж может быть не просто «полуправдой», но заведомо искаженным «отображением» прообраза имиджа - прием, широко используемый в пропаганде и психологической войне.

И еще один важный момент. Имидж может меняться независимо от того, изменяется его прообраз или нет и, напротив, может оставаться неизменным даже в тех случаях, когда последний претерпевает изменения. Наивно думать, что если человек или страна «исправятся», то моментально произойдет улучшение их имиджа: это может произойти с большой задержкой во времени или не произойти вообще. Больше того, имиджи могут при этом ухудшиться, если изменится характер ожиданий реципиента.

В последнее время в научный обиход вошли новые понятия: «политический имидж» и «международный имидж». Их исследование только начинается, поэтому нет сложившихся определений феномена.

Как самостоятельное направление исследование политического имиджа обусловлено демократизацией политических процессов в мире, а также возникновением и широким распространением новых технологий в области внедрения имиджа в массовое сознание.

Научные представления о процессах, связанных с формированием политического имиджа, складывались, главным образом, в категориальном поле двух наук: психологии и политической социологии. Но междисциплинарный характер исследования проблемы предопределяет также широкий разброс отдельных аспектов предмета исследования по различным отраслевым направлениям гуманитарного знания. Однако именно представители этих двух наук в XIX-XX веках создали претендующие на фундаментальность теории, оказавшие значительное влияние на формирование основ современной теории имиджа.

Следует отметить, что ни в западной, ни в молодой российской традиции имиджологии, как некой сложившейся совокупности подходов к изучению политического имиджа, самостоятельной фундаментальной теории пока не сложилось. Ее создание остается актуальной задачей исследователей различных аспектов имиджа. В то же время это, естественно, вызывает большие сложности методологического характера в теоретическом осмыслении рассматриваемой проблемы.

Из краткого анализа публикаций по проблеме исследования можно сделать вывод о том, что данная тема изучена достаточно широко, но, несмотря на это, единого конвенционального определения понятия политического имиджа, ни в западной традиции, ни в отечественной не существует.

Одни авторы подчеркивают, что политический имидж - это имидж политических объектов, например, партий, политических деятелей и т. д. Другие, характеризуя его как «искусство целенаправленного управления впечатлением в системе властных связей и отношений» [8], подчеркивают, тем самым, что политический имидж - это образ политического поля в целом и/или отдельных его элементов, в каких бы аспектах мы его ни брали. Соглашаясь с этим, следует обратить внимание на то, что политизация может затрагивать явления, не относящиеся непосредственно к сфере политического, например, спорт. В связи с чем политический имидж – это еще и имидж, выполняющий политическую функцию, направленный на достижение определенных политических целей и задач.

Политический имидж имеет сложившуюся и достаточно прописанную в прикладном имиджмейкинге структуру. В теории имиджа его структурными компонентами принято считать миссию, легенду и цели [9].

Под *миссией* понимают компонент символической структуры имиджа, содержащий информацию о том, во имя чего субъект-прообраз имиджа занимается, например, политической деятельностью. Для одного гражданина участвуя, скажем, в избирательном процессе - его миссия ограничивается простым исполнением своего гражданского долга, для другого - она приобретает глубокий смысл по достижению каких-либо «великих» целей страны, своей социальной группы, либо личных целей, окрашенных предчувствием или верой в особое, судьбой predetermined свыше личное призвание. У великих политиков и государственных деятелей типа А. Македонского, Ю. Цезаря, Наполеона, Бисмарка, Гитлера, Ленина и Троцкого с идеей «мировой революции», Сталина и Мао Цзэдуна, да и многих других эта миссия приобретала личностные *мессианские* черты.

Особо сложным компонентом имиджа выступает *легенда*. Для ее появления необходимы три составляющие ее идеологию: 1) *цели*, которые ставит перед собой политик; 2) *реальные дела*, которые свидетельствуют о степени эффективности достижения поставленных целей; 3) и *миссии*, раскрывающей мотивы, ради чего осуществляется движение к поставленным целям.

Наиболее эффектные легенды появляются, как правило, на переломных этапах политической истории стран, когда на политическую арену выбрасываются великие политические личности с великими, общественно значимыми легендами, декларирующими высокие миссии, подкрепляемые реализмом поставленных задач и практической деятельностью по их реализации. Если из трех компонентов легенды хотя бы один вступает в противоречие с другими, имидж утрачивает цельность и часто приобретает негативный характер. Так, к примеру, если политик, претендующий войти в выборные органы власти в презентации своей предвыборной программы, не раскрывает своей миссии, мотивов своих высоких целей, то у аудитории имиджа может сложиться впечатление, что данный кандидат преследует некие свои, меркантильные цели. Либо, наоборот: кандидат убеждает аудиторию имиджа в высокой значимости своей миссии, но реальными делами ее не подкрепляет. Понятно, что у такого кандидата в перспективе обязательно возникнут проблемы с положительным имиджем. Даже если кандидат декларирует высокую миссию, проявляет необыкновенную активность, «шумливость», производит впечатление «делового человека», но если он не способен формулировать «промежуточные цели» и, тем более достигать их, то и

здесь его ожидают большие трудности в адекватности восприятия его имиджа. Это вполне относимо и к политическим партиям, правительствам и главам государств и, следовательно, к государствам в целом. Поэтому в целях обеспечения жизнеспособности легенды и вырастающего на ее основе имиджа чрезвычайно важно актуализировать его формулированием и реализацией промежуточных целей, как вех на пути достижения конечных целей, которые могут быть и не реализованы в реальной жизни. Это подтверждает вся политическая история мира с древнейших времен до наших дней. Таким образом, основные структурные элементы имиджа - *миссия, легенда, цели* в процессе восприятия аудиторией имиджа - «субъект-субъектного» взаимодействия – *подвергаются верификации либо фальсификации.*

Если хотя бы один из этих компонентов символической структуры политического имиджа отсутствует либо не согласуется, не подкрепляется реальными делами, противоречит другим элементам, имидж «рассыпается», более того, он становится негативным. В международных отношениях такие «промахи» с имиджем страны легко превращаются в инструмент информационных войн со стороны оппонизирующих субъектов политики.

Что касается «международного имиджа», то тут ясности еще меньше. Как пишет Э. Галумов, «международный имидж упрощенно есть то, что о гражданах (например, о нас, россиянах) и об их стране (например, о России) думают со стороны» [10]. Это «упрощенное» определение, оставляющее многие вопросы. Действительно, можно ли считать международным имидж той же России, если он получил распространение только в одной стране, или же, чтобы считаться таковым, он должен получить более широкое хождение? И кто в таком случае формирует международный имидж? Сколько международных имиджей может быть у страны? Вопросов немало, и, по-видимому, потребуется время, чтобы на них могли быть даны обоснованные ответы.

Формируя международный имидж того или иного субъекта международных отношений, имиджмейкер (а точнее - стоящий за ним субъект, будь то государство, международная организация или кто-то еще) наделяет его несколькими взаимосвязанными и отчасти взаимообусловленными функциями. Среди них следует выделить главную функцию, которая обуславливает все остальные и значение которой определяется тем обстоятельством, что «политический имидж возникает только тогда, когда он становится публичным» [11]. Эта функция - формирование общественного мнения - национального и международного имиджа. Именно наличие определенного общественного мнения о прообразе имиджа позволяет творцу имиджа оценивать тем или иным образом действия прообраза имиджа, проводить в отношении него определенную политику, оправдывать ее и добиваться ее легитимации.

Международный имидж не является и не может являться определяющим фактором международных отношений, оттесняя на задний план национальный интерес. История знает немало случаев, когда демократам приходилось иметь дело с диктаторами и даже договариваться с ними, если того требовали обстоятельства. Но международный имидж может тормозить отношения между государствами и другими субъектами международных отношений или, напротив, способствовать их развитию. Прошло уже около двадцати лет со времени окончания холодной войны, но порожденные ею имиджи до сих пор отравляют международную атмосферу.

Международный имидж может влиять на судьбы стран и их граждан. Так произошло с Ираком в 2003 г.: созданный усилиями США и их союзников имидж этой страны как источника угрозы для мира и безопасности был использован для оправдания интервенции против нее с тяжелейшими для Ирака последствиями. А так называемые страны-изгои оказались в состоянии полуизоляции от остального мира, что ставит их в трудное положение. Это позволяет со всей определенностью говорить о международном имидже как орудии политической и идеологической борьбы на международной арене.

Международный имидж влияет на развитие мировых экономических отношений. Социалистический (как он сам себя называет) Китай имеет имидж политически стабильной страны с благоприятным инвестиционным климатом, и туда капиталовложения текут рекой. А более демократическая Россия такого имиджа не имеет, и многие потенциальные иностранные инвесторы обходят ее стороной.

Международный имидж влияет на поведение субъектов международных отношений на мировой арене и в их собственных странах. Государство, которое, скажем, постоянно обвиняют в имперских амбициях даже тогда, когда оно не посягает на чужие интересы, а защищает собственные, будет действовать с предельной осторожностью и, возможно, воздержится даже от каких-то важных для него мероприятий, которые бы провело при отсутствии такого имиджа. И, напротив, государство с позитивным имиджем будет действовать более свободно и раскованно.

Международный имидж - своего рода зеркало, глядя в которое прообраз имиджа может увидеть себя со стороны и, возможно, скорректировать свое поведение и даже в чем-то изменить себя. Правда, очень часто зеркало это оказывается кривым, а выглядывающий из него образ – искаженным, чтобы не сказать отталкивающим. Но следует заметить, что искажения могут побудить субъект задуматься, почему его воспринимают именно таким, а не иным, и более активно заняться формированием собственного международного имиджа. Это, похоже, и начинает делать Россия в последние несколько лет.

Формирование имиджа - сложный процесс, в котором участвуют различные социальные и политические группы и институты. Процесс, нуждающийся в специальном исследовании. В связи с этим ограничимся тем, что обозначим только «инстанции», которые играют определяющую роль в конструировании образа современной России. В качестве примера рассмотрим формирование имиджа современной России в США, так как именно эта страна во многом определяет характер и содержание имиджей других стран, государств, политических деятелей, получающих распространение на всем Западе, да и не только на Западе.

Следует начать с государства, которое, вопреки широко распространенному мнению, принимает активное участие в этом процессе, хотя и не играет в нем первую скрипку. Официальные и полуофициальные документы, выходящие из стен Белого дома и Капитолия и касающиеся внешнеполитической стратегии США и конкретно американо-российских отношений; аналогичные документы, разрабатываемые Государственным департаментом и информационными службами американского правительства; выступления, доклады, речи, статьи бывших и действующих государственных деятелей (Дж. У. Буша, Д. Чейни, С. Тэлботта и многих других) – все это задавало и задает своего рода официальные политические и психологические установки на восприятие России и проводимой ею политики в определенном

свете и подает «сигналы» американским СМИ, «фабрикам мысли», университетским центрам, обществу в целом.

Упоминание здесь о СМИ не случайно. Именно средства массовой информации - печатные и электронные, влияние которых благодаря интернету стало практически глобальным по числу стран, в которые транслируется создаваемая ими информация, в том числе имиджевая, - играют определяющую роль в формировании образа России. Особо следует выделить такие авторитетные массовые периодические издания, как «The New York Times», «The Washington Post», «Time», «Newsweek», «Foreign Affairs» и ряд других. А также телеканалы ABC, NBC, CBS, PBS. Публикации в этих СМИ играют тем большую роль в формировании имиджа России, что для комментирования происходящих в ней событий и процессов они привлекают специалистов по России, крупных аналитиков из различного рода исследовательских центров и фондов, а иногда и видных государственных деятелей, работающих (в том числе) на российском направлении. Нельзя не упомянуть и о том, что практически все крупные европейские газеты и журналы охотно предоставляют свои страницы видным американским экспертам, и российские сюжеты занимают в этих публикациях далеко не последнее место.

Третий институт, принимающий активное участие в формировании имиджа России, - вышеупомянутые центры и фонды, называемые нередко «фабриками мысли» (think tames). Ведущую роль среди них играют Американский предпринимательский институт (American Enterprise Institute), Американский совет по внешней политике (American Foreign Policy Council), Брукингский институт (Brookings Institution), Институт Кеннана по углубленному изучению России (Kennan Institute for Advanced Russian Studies), Центр Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations).

Заметную роль в формировании имиджа России играют аналитики, работающие в американских университетах и/или группирующиеся вокруг научных периодических изданий, одни из которых сфокусированы на изучении России и так называемого постсоветского пространства, тогда как другие имеют более широкую политико-географическую ориентацию, но не упускаю из вида и Россию.

Можно сказать, что имидж России, доминировавший в Америке и Европе на протяжении большей части 1990-х годов, был имиджем, порожденным надеждой. Надеждой на превращение бывшей «империи зла» в «нормальную» страну, не представляющую угрозы для Соединенных Штатов и Запада в целом. С. Тэлботт так и говорил: «Мы видим основания для надежд на то, что современные «западники» одержат победу над современными «славянофилами» [12].

Отсюда и позитивные оценки России, которые бытовали в то время в Америке. В книге «Провал крестового похода» С. Коэн приводит красноречивый перечень высказываний, сделанных в то время известными заокеанскими журналистами, политическими деятелями и аналитиками. Вот некоторые из данных ими оценок:

- «Перспективы России на ближайшие годы и десятилетия, как никогда, многообещающие»;
- «Осторожный оптимизм экономистов... похоже, оправдался; «холистическая» трансформация России будет продолжена»;

- «Россия сегодня - принципиально иная страна, чем была 10 лет назад... Всего 7 лет переходного периода - и по всем важным вопросам взято нужное направление»;

- «Пройдет несколько лет... и только здание ельцинских реформ будет продолжать возвышаться» [13].

Высказывались, разумеется, оценки и суждения, носившие в целом негативный характер. Но в то время они не были доминирующими. Перелом произойдет на рубеже веков, когда сменится власть в Кремле, а вместе с ней и политический курс, проводимый этой властью.

Доминирующие ныне в мире образы России, какой бы стороны ее жизни они ни касались, приобрели в целом не просто негативный, а, мягко говоря, недружественный характер. Россию представляют как страну, власти которой пытаются затащить ее в мрачное и, казалось бы, раз и навсегда пройденное прошлое; как царство юридического произвола и грубого нарушения прав человека; как глубоко аморальное общество, гражданам которого чужды нормы цивилизованного общежития; как государство, вставшее на путь проведения неоимперской политики и т. д.

Представляется, что в новых, меняющихся условиях, связанных с возрастанием активности России на мировой арене, необходимо формировать и проводить в жизнь (внутри страны и за рубежом) непротиворечивую продуманную концепцию позитивного имиджа России, взяв за основу основные программные тезисы президента РФ Д.А. Медведева. При этом главное внимание в этой концепции образа страны должно быть обращено на:

- позиционирование России как субъекта международных отношений, последовательно реализующего проект демократических преобразований с учетом специфики и условий переходного периода;

- конкретные дела по реализации программы президента Д.А. Медведева (борьба с коррупцией, правовым нигилизмом, реализация программы по содействию развитию малого и среднего бизнеса, созданию условий развития среднего класса, как социальной основы зрелого гражданского общества, реального преодоления отчуждения власти и общества, решение проблемы бедности и т.д.);

- жесткое, но гибкое позиционирование России как суверенного и равноправного субъекта международного права, последовательно решающего проблемы международных отношений с позиций концепции многополярного мира, принципов политической целесообразности и интересов страны;

- активное позиционирование и пропаганду за рубежом исторических и культурных традиций страны, расширение зон доброжелательного отношения стран и народов к России.

Реализуемый в настоящее время проект инновационной модернизации страны предполагает вывод социально-политической системы из состояния политической стабильности в состояние стратегически устойчивого функционирования и развития. Имидж России как страны, выбравший этот путь, должен стать одним из важнейших ресурсов ее продвижения как внутри страны, так и во внешне политической деятельности.

Содержание нынешней модернизации предполагает пять направлений инновационного развития российской экономики: энергоэффективность и энергосбережение, в том числе вопросы разработки новых видов топлива; ядерные технологии; космические технологии; медицинские технологии; стратегические информационные технологии. Эта стратегическая для стра-

ны задача не может быть решена без опоры на интеллектуальные, финансовые и технологические ресурсы, с реформированием всей социально-политической системы страны. «Модернизация российской демократии, формирование новой инновационной экономики», по мнению президента Д.А.Медведева, возможны «только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично» [14].

Вопрос о путях и средствах инновационной модернизации является сейчас предметом оживленной полемики на всех социальных уровнях российского общества. Это обусловлено не в последнюю очередь тем, что пока объявленный сверху стратегический проект выглядит скорее PR кампанией по привлечению инвестиций, без четкой программы действий и системы ее ресурсного обеспечения.

В широком смысле это понятие подразумевает создание в стране политического режима, опирающегося на социальный потенциал зрелого среднего класса, как наиболее адекватного носителя демократических ценностей и свобод и реальную социальную базу демократии. Устойчивое развитие подразумевает отсутствие в политической системе причин накопления противоречий конфликтного и кризисного характера, наличие широкой поддержки ее со стороны общества, институтов управления и политической элиты страны. Такой политический режим в рамках демократических процедур на всех уровнях и направлениях способен получать необходимую поддержку социальной среды и создавать условия для своего эффективного функционирования и развития. Этим должно определяться стратегическое направление реформ, озвученных президентом РФ. В этом случае его слова о том, что «Россия - европейская страна», абсолютно способная «развиваться вместе с другими государствами, которые выбрали для себя демократический путь» [15], могут стать слоганом формирования имиджа страны как для повседневной внутренней социально-политической практики, так и для ее позиционирования за рубежом.

Позитивный имидж государства, страны и ее граждан помогает им в общении с другими государствами, странами и гражданами, делает их деятельность на мировой арене более эффективной, неблагоприятный – затрудняет, тормозит это общение и в итоге снижает эффективность международной деятельности субъекта. Но имидж влияет и на внутреннюю политику, заставляя политических игроков либо отказаться от каких-то шагов, способных еще больше ухудшить и без того неблагоприятное представление о них и их стране либо, напротив, стимулирует их деятельность, если имидж благоприятен.

Современный мир сложен и противоречив. Поэтому в международных отношениях России, как нам представляется, необходимо проводить очень гибкую, прагматическую и результативную внешнюю политику, в которой образ успешно развивающейся по демократическому пути и инновационному переустройству всей социально-политической системы может стать одним из значительных ресурсов проводимой инновационной модернизации.

Заявления Д.А. Медведева о необходимости качественного развития социально-политической системы страны, создания условий формирования гражданского общества, его социальной базы – среднего класса, борьбы с коррупцией, правовым нигилизмом, бедностью, засилием бюрократии, а также его открытость мировому сообществу вселяют надежду на то, что это

будет новый этап в развитии страны, который не будет сведен только к изменению стилистики политики.

Литература:

1. Психология. Словарь. М., 1990. С. 135.
2. Психология. Словарь. М., 1990. С. 134-135.
3. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М., 2002. С. 23.
4. Политическая имиджелогия / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. М., 2006. С.18-19.
5. Почепцов Г. Имидж и выборы. Киев, 1997. С. 5.
6. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М., 2002. С.25.
7. Политическая имиджелогия. С. 19.
8. Политическая имиджелогия. С. 16.
9. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М., 2002. С. 151-156.
10. Галумов Э. Имидж против имиджа. М., 2005. С. 10.
11. Политическая имиджелогия. Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. М., 2006. С. 19.
12. Тэлботт С. Какая Россия нужна Америке // Независимая газета. 11.12.97.
13. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 19.
14. Медведев Д.А. Россия, вперед! <http://www.kremlin.ru/news/5413>
15. Комсомольская правда. 26.03.2008.

Полюшкевич О.А. Социокультурная трансформация социальной идентичности и консолидации российского общества (1984-2009 гг.)²¹

Полюшкевич Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики, Института социальных наук Иркутского государственного университета, член Иркутского регионального отделения PoCA. okwook@mail.ru

В статье анализируются взаимосвязь социальной идентичности и консолидации общества. Автором прослеживается динамика этой взаимосвязи в Российском обществе на протяжении последних 25 лет. Выявляются основные формы и механизмы формирования.

Ключевые слова: социальная идентичность, консолидация, общество, трансформация.

Polyushkevich O.A.

Socio-cultural transformation of social identity and the consolidation of Russian society (1984-2009 years)

The article analyzes the relationship of social identity and the consolidation of society. The author traces the dynamics of this relationship in Russian society over the past 25 years. Identifies the main forms and mechanisms of formation.

Key words: social identity, consolidation, society, transformation.

Социальная идентичность сложное явление, т.к. объединяет в себе индивидуальное и типичное, личное и социальное, она постоянна и в тоже время изменчива. Социальная идентичность это процесс и результат идентификации человека с теми или иными социальными группами (содержание идентичности не только индивидуально-личностно, но и конкретно-исторично).

Солидарность общества невозможна без использования мотивов социальной идентичности. Идентичность является одним из базовых, фундаментальных причин формирования социальной солидарности общества. Также, нарушение процессов социальной идентификации приводит к снижению адаптационного потенциала населения и возможностей их самореализации.

Целью данного исследования было показать глубокие социокультурные сдвиги, произошедшие в обществе за 25 лет.

²¹ Исследование выполнено при поддержке Государственного контракта № 16.740.11.0421 Федеральной целевой программы Минобрнауки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2010-2012 г.г.), исследовательский проект «Ресурсы консолидации российского общества: институциональный анализ» (Руководитель проекта – д.ф.н., профессор О.А. Кармадонов).

Теоретические основы изучения социальной идентичности и консолидации общества

В общемировой науке сложилось несколько подходов изучающих социальную идентичность. С позиции психологии, социальная идентичность рассматривается как часть структуры личности. Данного подхода придерживались Э. Эриксон²², Дж. Марсиа²³, М. Заваллони²⁴ и др. В рамках социологии, социальная идентичность рассматривается как возможность и результат идентификации человека с какой-либо группой (происходит формирование отношения «мы-они»). Исследования с этой позиции проводили такие ученые как В. Ядов²⁵, Дж. Тернер²⁶, П. Бергер и Т. Лукман²⁷ и др. Противостояние этих подходов заключается в том, что один утверждает, что идентичность описывает наличие некой схемы, некоего фрейма, а второй присваивает ей объясняющий, описывающий механизм различного поведения индивидов.

В разных научных школах неодинаково понимают формирование социальной идентичности. В символическом интеракционизме (Дж. Мид²⁸, Ч. Кули²⁹, И. Гофман³⁰) социальная идентичность воспринимается как соединение самоидентичности (как сам человек себя видит) и публичной идентичности (каким его видят другие). Представители данного подхода полагают, что у человека есть множество социальных идентичностей – соответствующих его социальным ролям (Дж. Тернер), личностных установок (М. Кун³¹), ролевых идентичностей (М. МакКолоу³²) и др. Социальные идентичности выполняют социальные ожидания индивида и группы, поэтому, они взаимообусловлены.

Социальная идентичность формируется на основе различных аспектов индивидуального самосознания, проистекающих от принадлежностей к социальным категориям и идентификации с ними (жизненный путь, гендер, религия, образование, профессия, экономический статус), становящихся заметными в тех контекстах, где эти категории принимают важное значение, и позволяют проявиться личной и/или социальной солидарности.

Социальная идентичность отражает «социальные настроения» самоидентификации населения, показывает, какую роль в обобщенном воспри-

²² Эриксон Э. Детство и общество – СПб, 1996. – Изд. 2-е, перераб. и доп. : Пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

²³ Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980. – 273 p.

²⁴ Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes. - J. Pers. and Soc. Psychol, 1969, v. 12, p. 125-135.

²⁵ Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. М., 1979; он же. Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности). // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С.169-184.

²⁶ Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1978. – 472 с.

²⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995. - 323 с.

²⁸ Mead G.H. Mind, Self and Society, Chicago, 1976. – С. 167.; Мид Дж. Интернализированные другие и самость / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренкова. - М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 124.

²⁹ Кули Ч. Социальная самость / Ч. Кули // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренкова. - М.: Изд-во МГУ, – 1994. – С. 174.

³⁰ Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. N. Y. 1959.

³¹ Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во МГУ. – 1984. – С. 180-187.

³² McCullough M. E., Kilpatrick Sh. D., Emmons R. A., Larson D. B. Is gratitude a moral affect? // Psychological Bulletin, 2001. – N. 127. – P. 249-266.

ятии играет личность, группа людей или целый народ, а также указывает на противоборство «МЫ – ОНИ». Чем более выражена социальная идентичность и чем на большее количество населения она распространяется, тем более выражена социальная солидарность в обществе.

Социальная идентичность – это тот образ, который человек или все общество выбирает для самопредставления. Это своеобразная когнитивная структура, раскрывающая карту внешнего и внутреннего самоописания. А также социальная идентичность регулирует и определяет деятельность индивида и всего общества, она является системообразующим элементом в формировании социальной сплоченности общества.

Солидарность, с одной стороны, имеет сегодня более рефлексивный характер, предполагает активную роль индивида в её формировании, и связывается с проблематикой благоустройства общества через развитие его гражданских институций, прежде всего. С другой стороны, консолидация общества по-прежнему остается одним из приоритетов власти, среди задач которой трудно отделимые друг от друга общественное и собственное воспроизводство. Для такой консолидации власть активно использует технологии и механизмы формирования определенного состояния общественного сознания – феномен, получивший в критической теории название символического насилия. Последнее, соответственно, вновь проблематизирует действительную роль индивида в формировании и поддержании общественной солидарности социетального уровня.

Э. Дюркгейм³³ выделял механическую и органическую солидарность. При механической солидарности действия индивида детерминируются коллективными интересами, а солидарность является формой проявления общественных интересов. С развитием личной инициативы и индивидуальных целей развивается органическая солидарность.

К. Маркс³⁴ утверждал, что солидарность всегда строится на социально-экономических основаниях. Коллективный характер труда, ущемление прав способствуют сплочению общества, а индивидуализм формирует разобщенность.

М. Вебер³⁵ рассматривал солидарность через призму социального действия. Интеграция индивидов происходит на основе чувства принадлежности участников, мотивация которых определена аффективным порядком или же на основе общественно-ориентированного поведения, являющегося результатом солидарности.

По мнению А. Бергсона³⁶, солидарность заложена в само существо человека и носит родовой, естественный характер. Возникающие в обществе права и обязанности укрепляют социальную сплоченность и формируют адекватные способы поведения.

Т. Парсонс³⁷ рассматривал солидарность двояко: с одной стороны как социальную систему вообще, с другой – как комплекс динамических поведенческих взаимодействий акторов, которые выступают главным условием ста-

³³ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм.- М.: Канон, 1996. – 432 с.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1 Глава «Немецкой идеологии») / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1. - М.: Политиздат, 1985. – 635 с.

³⁵ Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 308 с.

³⁶ Бергсон, А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. – М.: Канон, 1994. – 384 с.

³⁷ Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

бильности и воспроизводства социальной системы через социальный контроль над внутренними и внешними изменениями.

Насилие и символические комплексы – вот основа социальной солидарности по мнению П. Бурдьё³⁸. По мнению Дж. Александра³⁹, только стремление современных людей к справедливому обществу может привести их к социальной солидарности.

Таким образом, понимание социальной солидарности в науке не было идентичным. Одни авторы, считали ее присущей человеку чертой изначально (Бергсон), другие, видели в ней условие социального развития (Дюркгейм, Маркс), третьи, придавали ей роль своеобразного условия существования в системе через систему действий (Вебер, Парсонс, Бурдьё) или идеалов (Александр). В любом подходе, солидарность выступает критерием изменения и относительной стабилизации социального развития.

В обществе конца XX и начала XXI веков сложно формировать единство и солидарность на основании формальных признаков принадлежности к одной социально-профессиональной группе или классу. Так как жизненный мир, жизненный опыт отдельных индивидов и целых социальных групп не носит локального, узконаправленного характера, он плюралистичен в своей основе. Люди и группы идентифицируют себя не с одной, а с множеством социальных групп. Критерии идентичности и самоидентичности существенно расширяются.

В основе социальной солидарности лежат коллективные идентичности. Современное общество их теряет. Процессы размывания четких идентификационных характеристик влекут за собой уменьшение солидаризации общесоциальных процессов и увеличение процессов солидаризации в индивидуализации. «Неопределенность наших дней, – говорит Зигмунд Бауман, – является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а, в конце концов – даже непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в «общее дело», не имеют «естественного адреса». Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики и предполагает жизненную стратегию, совершенно отличную от той, что вела к созданию организаций, воинственно защищавших права рабочего класса»⁴⁰.

Итак, социальную солидарность можно рассматривать как моральную ценность общества, как систему особого социального порядка, как систему взаимоотношений индивидов, но в любом случае, особенностью России является то, что власть всегда выступает инициатором и проводником идей социальной солидарности.

Методика исследования

Используя процедуру контент-анализа – метода изучения сообщений, создаваемых в различных сферах социальной коммуникации и зафиксированных в форме письменного текста в газетах, мы получили основной мас-

³⁸ Bourdieu, P. Language and Symbolic Power / P. Bourdieu. - Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 302 p.

³⁹ Alexander, J.C. The Civil Sphere / J.C. Alexander. - New York: Oxford University Press, 2006. – 816 p.

⁴⁰ Бауман, З. Возвышение и упадок труда / З. Бауман // Социологические исследования. - 2004. - № 5. - С. 77-86.

сив исходного материала. Анализ был основан на единообразных стандартизированных правилах поиска, учёта и подсчёта количественных показателей, отражающих социальную солидарность. Его суть заключалась в том, чтобы найти и использовать для подсчёта такие категории социальной солидарности, освященные в прессе, которые отражали бы определённые существенные стороны её содержания.

Статистические закономерности проявляются тем более отчетливо, чем больше объем выборки. Поэтому, нами был взят массив газеты Аргументы Факты с 1984 по 2009 г. Выбор материалов этого издания был обусловлен его распространенностью и охватом различных социально-демографических групп. АиФ является лидирующим по объёму тиража еженедельным периодическим изданием России (тираж 2997800 экземпляров). Читательская аудитория газеты – около 8 млн. человек. Кроме России распространяется ещё в 57 странах мира. Всего проанализировано 1340 номеров.

Объектом исследования выступили образы социальной идентичности населения России в период с 1984 по 2009 г.

Социальная идентичность и солидарность общества в 1984 году

Анализируя материалы СМИ, за весь период исследования (25 лет), мы выяснили, что существовали разграничения, отражающие структуру социальной идентичности в обыденном сознании, структуру социальной идентичности личности в различные периоды жизни и в различных социальных условиях. Социальная идентичность советского человека своеобразно сочетала в себе эти три схемы идентичности.

В силу того, что картина мира советского человека, формировалась с согласия и установок власти, т.е. в индивидуальном жизненном опыте преломлялись различные, типичные для того общества, социальные отношения. Социальная идентичность советского человека выражалась в приверженности декларируемым ценностям и идеалам коммунистического общества. В 1984 г. население Советского Союза идентифицировало себя как жителей Союза Советских Социалистических Республик. Культурно-идеологические принципы, сформировавшиеся в более ранние годы, были направлены именно на поддержание данной идентификации. И такие строки из песен Д. Тухманова и В. Харитоновой, исполняемые группой «Самоцветы» как *«Мой адрес не дом, и не улица, мой адрес – Советский Союз»* были для многих не просто словами песни, а идеалами, по которым и стоит жить. Политический, экономический, образовательный, культурный уровни формировали культуру «Мы» как советского общества и были еще «Они» – другие общества, *«не правильные», «буржуазные», «эксплуатирующие»* и пр.

Для социальной идентичности советского народа были важны следующие ключевые факторы: представления об устойчивости и законности существующей системы статусов, а также характер границ группы. Именно эти переменные определяют реакции людей стратегии групповой дифференциации.

Устойчивость – это мера, в которой позиции в группе считаются изменяемыми, но не нарушающими равновесия (при советской власти каждый знал, где он будет работать, закончив вуз, с какого предприятия он пойдет на пенсию, когда он получит квартиру и сможет поехать отдыхать, где будут учиться его дети и т.д. Устойчивость в Советском Союзе была гарантирована укладом жизни, законами, нормами. Легитимность – это степень, в которой статусная структура принимается в качестве законной. В Советском

Союзе власть гарантировала законность и правопорядок в стране и все в этом были уверены. Наконец, проницаемость границ показывает, в какой мере члены группы могут покинуть ее и присоединиться к другой социальной группе (примером могут служить системы «взаимообмена» между рабочими и крестьянами, инженерно-техническими работниками и интеллигенцией, комсомольско-партийной номенклатурой, властью предержащими и военными и пр.).

Устойчивость, легитимность и открытость определяет внутреннюю динамику личности и группы, что позволяет формировать разнообразные формы идентичности, зачастую зависящие от позиции группы в социальной структуре. Социальный контекст, накладываемый социалистическим обществом, коммунистическими идеалами, влиял на когнитивные, эмоциональные, поведенческие реакции людей. Например, благодаря системе среднего всеобщего обязательного бесплатного образования, человек мог существенно повысить свой социальный статус. Также высоко ценилась включенность в партийную систему. Это давало дополнительные шансы продвижения по службе, получения разнообразных социальных благ и пр.

Помимо того в советском обществе формировались основания идентификационных характеристик, служившие мотивами консолидации с той или иной группой (национального или культурного, территориального или образовательного, профессионального или классового характера). Как и в любом другом обществе, в Советском Союзе люди принадлежали к различным группам и имели различные идентификационные черты. Но особая значимость, предзаданная идеологией, проявлялась в классовых и профессиональных ориентациях – классовая принадлежность, особенно к позитивно выделяемым на уровне государства классам (рабочие и крестьяне) давала особые права и привилегии. К примеру, выходцев из этих семей, пожелавших вступить в партию, включали без особых проблем, что давало возможность, получить работу, поступить в вуз (социальная мобильность). Тогда как, выходцы из слоев интеллигенции или семей диссидентов, даже пожелавших вступить в партию, встречали более серьезные препятствия (в виде обсуждения прошлого семьи, мотивов человека, его желанием отказаться от кого-то из родственников и пр.).

Социальная идентичность советского человека включала в себя несколько характерных черт.

1. *Идейная направленность.* Психология советского человека стояла на идеалах социализма, цель и смысл жизни за всех решила партия – построение коммунизма – это главная цель, которая имеет множество личных и общественных задач. Передовой советский человек определял свою жизнь через призму социальных установок, доминирующих на тот момент в обществе. В каждом поступке, каждом рабочем дне виделась ступень в приближении «счастливого» общества в будущем.

2. *Советский патриотизм.* Патриотизм в советском союзе стоился опять же на идеологической основе коммунизма и социализма. «Для советских патриотов Родина и коммунизм соединены в одно нераздельное целое» (Молотов). Советский патриотизм становился основой сплоченности потому что на всех уровнях провозглашалось равенство и братство между разными народами, входящими в СССР. «Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью» (Сталин).

3. *Коллективизм.* Советское общество предполагало интересы коллектива выше чем интересы индивида. Только через принадлежность к оп-

ределенной социальной группе, коллективу, обществу в целом определяло развитие человека как личности.

Идейность, патриотичность и коллективизм – это три кита идентичности советского человека. Политика властей была направлена на поддержание, культивирование и дальнейшее развитие этих черт самоидентификации как на личном, так и на социальном уровнях.

Любые социально-политические изменения в обществе опираются на массовое сознание. Построение советского общества, с самого своего начала, строилось на манипулировании массовым сознанием населения. Манипулирование социальными и личными установками целого народа отрабатывалось и проверялось практикой целых десятилетий. Когда искусственные нормы-символы благополучия и достатка внедрялись в массы и воспринимались большинством как эталон и пример для жизни себя и своих детей. Например, такие знаковые символы как бытовая техника (холодильник «Минск», машина «Жигули», цветной телевизор «Рубин», телефон стационарный и пр.); будущее детей считалось благополучным и обеспеченным, если они получили социально одобряемую специальность – педагог, врач, инженер.

Но, с течением времени, возникали сомнения или виделись альтернативы такой жизни и тем самым, зарождались сомнения в правильности и истинности установок партии, идеалов жизни и построения будущего.

На наш взгляд, советский человек к 1984 г. столкнулся с фактами, хорошо объясняемыми в психологической концепции когнитивного диссонанса Леона Фестингера. Суть теории когнитивного диссонанса состоит в следующем: наши установки изменяются потому, что мы вынуждены поддерживать согласованность между нашими знаниями. Мы полагаем, что те же самые процессы происходят и на уровне общества. Когда в социуме накапливается определенный критичный минимум противоречащих на практике установок – формируется среда, готовая к переменам. Переменам любого характера, – от постепенных реформ и поэтапных изменений, до радикальных войн и революций. Примером этого может служить чуть ли не вся история человечества: Революция в России 1917 г., Война за Независимость в США (1775-1783 гг.), Французская Революция (1789-1799 гг.), Пятая республика (Французская Конституция 1958 г.), начало Перестройки в России в 1985 г. и пр.

Реальность советского общества была такова, что расхождение между установками (диктуемыми властью и усвояемыми всеми в отдельности как «правильное поведение») и реальными возможностями конкретного поведения в среде, было весьма откровенно. Это несоответствие пронизывало все слои и классы общества: от рабочих до правящей элиты, от интеллигенции до преступности. Согласно теории Фестингера, если человек чувствует несоответствие между установками и поведением, то у него появляется ощущение необходимости перемен, т.к. ему не комфортно, и он стремится избавиться или снизить этот уровень дискомфорта, изменив сами установки (одну или несколько). Что, собственно, и происходило с населением в стране, начиная с 1985 г.

Человек стремится из всего спектра поступающей информации из социума выбирать ту, которая подтверждает его собственные установки, мнения, мотивы. После прихода к власти большевиков – эта схема действовала для строительства и поддержания светлого советского общества. На это была направлена вся советская пропаганда, реализуемая через систему воспитания, обучения, трудовой деятельности, досуга и пр. Где бы ни оказался

советский человек – в детском саду, на школьной скамье, в вузе, на работе, в семье, в магазине – он везде получал подтверждение «правильности» заложенных на предыдущих этапах социализации установок. Все установки, приобретаются человеком из социального опыта и культуры. Массовое сознание крайне редко стремится выработать отношение к социальным и политическим явлениям и процессам. Оно предпочитает получать его в готовом виде из СМИ, подготовленной и направляемой властями. Так, в СССР, большинство граждан искренне верили, в тиражируемые советской пропагандой «ужасы капитализма», в «процветание советского общества», в «истинность» идеалов и ценностей в социалистическом обществе и ложность, обманчивость их в капиталистическом обществе и т.д.

При усвоении социально значимых установок, у людей параллельно формируется своеобразная защитная функция, которая не допускает в сознание одного человека или целого народа информацию, которая могла бы ей противоречить. До сих пор мы встречаем такое мнение, что система установок, существующая в сознании убежденного коммуниста, не позволяет ему воспринимать информацию об ошибках или предательстве со стороны руководства своей партии. Данная функция с одной стороны – придает устойчивость человеку, с другой ограничивает его возможности выбора и изменения поведения.

Данная функция, поддерживаемая и культивируемая советскими властями, дала сбой. Чем больше трудностей возникает с такого рода «подтверждающей» информацией (реальность далека от идеалов), тем больше вероятность смены самих установок. Т.к. наиболее комфортное состояние для людей – не оппозиция системе, а включение в саму систему (хотя бы по ключевым позициям). В дальнейшем, изменение одного компонента системы, ведет к изменению всех последующих.

Но далеко не все смогли вписаться в новые условия, изменить свои убеждения и установки и как следствие этого, уже через несколько лет, стали наблюдаться массовые явления алкоголизации, наркомании, увеличение числа суицидов (по этим показателям Россия входит в тройку лидеров по разным годам до сих пор)⁴¹. Эти явления стали негативным зеркалом и результатом того надлома, к которому подошла страна к 1984 г.

Таким образом, восприятие института солидарности массовым сознанием и массовой психологией отражало те же противоречивые социально-культурные и экономико-политические изменения общества. Основания социальной солидарности общества постепенно трансформировались: от преувеличенно позитивных и идеологически маркированных до социально-аномальных форм протеста (забастовки, голодовки) и разрушения идеологических оснований.

Социальная идентичность и солидарность общества в 2009 году

Каждая эпоха рождает свой тип и свой образец человека. Если использовать известную формулу, можно сказать, что человек – это не только «мир человека», но «миф человека». Этот миф строился из иллюзий людей. Иллюзий, которые одними связывались с советским обществом, другими – с

⁴¹ Статистика самоубийств. // Проект о жизни. [электронный ресурс] URL: <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/statistic.htm> (дата обращения: 23.07.2008).

каким-то обновлением этого общества, третьими – с его крушением после 1991 г., четвертыми – с возвращением к «корням»; иногда, впрочем, эти позиции последовательно разделяли одни и те же люди. Это объясняется широким распространением романтического идеала «естественного» («подлинного», «освобожденного» и т.д.) человека, противопоставляемого массе, власти и всяческому «искусственному» (техническому, организационным) системам.

За годы реформ, советская идентичность распалась, но русская, в полной мере, пока еще не сформировалась, так же, как и «не сформировалась национальная модель социально-политической системы из-за того, что все заимствования функционирования социально-политических, социально-экономических, социально-культурных институтов не приживаются в полной мере на нашей почве, и искажают их изначальные смыслы и функции»⁴².

Современное общество имеет два вектора изменений, произошедших с массовым сознанием советских, а теперь уже и российских жителей. Первый – это социокультурные коды нации (базовые ценности и архетипы, носящие универсальный характер, а также нормы, установки, стереотипы и пр.). В материалах СМИ все чаще звучит *не народ, а нация*, включающая разнообразных представителей великого государства. Причем народ, через максимальное уничтожение своей уникальности – толпу, массу, возрождается в новом качестве – в качестве нации. Это уникальная социокультурная трансформация, аналогов которой в современном мире нет.

Второй – способности в *солидарности народа*. Но этот вектор лишь слегка обозначен. Солидарность общества может возродиться при условии активизации устойчивых надкультурных образований выраженных в этнических, культурологических, социальных конструкциях, основанных на изначальной идентичности народа (как ценностное основание) и деятельностной направленности (социальные действия мобилизационного типа). Данные образования проявляются в социальном пространстве через музыку, культуру, язык, обычаи и традиции народов.

Социальная идентичность советского народа, использовалась властью как средство достижения политических целей, быстро распалась, а новая – еще не сформировалась (в виде «политической нации»). В результате возникла ситуация своеобразной атомизации, парализовавшая политическую волю, нивелирование и полная потеря смысла термина «гражданин Советского Союза» (в виду распада последнего) и попытки выстраивания национальной стратегии развития. Сильная идентификационная связь не с локальными, а с гражданскими общностями, по выражению Ю. Левады, «державное самоопределение и «просто» символическая идентификация с такими категориями, как «история», «земля», «народ», непосредственно выступают факторами предельной интеграции «общества». Социальный человек принадлежит не только к определенной группе, но к определенной нормативно-ценностной системе и определенной линии социального време-

⁴² Бызов, Л.Г. От кризиса ценностей к кризису институтов // Л.Г. Бызов // Свободная мысль. – 2008. – №5. – С. 35-44.

ни»⁴³. Благодаря этим процессам, ценностная и идентификационная трансформация российского народа носила неустойчивый характер, т.к. не возникло новых объединяющих идей и идеалов в самом обществе. Для развития социальной сплоченности необходимо, чтобы категория сплоченность активно «наполнялась» через инициативы «снизу», т.к. опыт перекося в сторону партийно-политических решений уже имелся в нашей истории и попытки повторения его сало вероятны. Таким образом, в глубинах советского общества на протяжении десятилетий происходила трансформация «советского человека» в человека постсоветского типа. Основополагающую роль в этом процессе играла массовая культура, в которой общечеловеческие ценности постепенно возобладали над коммунистическими идеалами.

Современный российский человек – это человек не традиционной, архаичной культуры, но и западные образцы и ценности не все приняты, адаптированы и встроены в жизнь. С одной стороны, современный российский человек – это человек ориентированный на массовое общество потребления, с другой – традиции своей культуры, с третьей – человек, не встраивающий свою жизнь ни по традиционным, ни по современным западным канонам жизни, а использующий примитивные формы самоорганизации и выживания в среде. Это и формирует ту уникальную политическую, экономическую, культурную среду, где всемирно проверенные способы поведения не работают, где вырабатывается новая социокультурная реальность, где актуальна «нелинейная динамика»⁴⁴ всего социального пространства, где процессы модернизации тесно переплетаются с процессами архаизации культуры.

В исследовании ИС РАН, посвященном изучению российской идентичности в социологическом измерении⁴⁵ среди доминант массового сознания выделялись смысложизненные установки, имеющие глубокие социокультурные корни. Среднестатистический россиянин независим и автономен, всегда готов к поворотам судьбы. Главное в жизни – это свобода и возможность жить как хочется, причем экономические мотивы и факторы практически не присутствовали. Но устоять и выжить в условиях радикальных изменений и сопутствующего им глубочайшего кризиса *русскому человеку помогали в основном смелость, изобретательность, приспособляемость и терпеливость.*

Для социальной идентичности российского народа важны следующие ключевые факторы: представления о законности, надежности и стабильности общества в котором они живут и в тоже время самостоятельности и обособленности в решении своих задач внутри той социальной группы, где они адаптировались. Т.е. причисление себя, зачастую на интуитивном уровне к какой-то социальной группе, и ощущение себя в рамках «МЫ» пришло к нам еще из советской эпохи. Но самостоятельное функционирование, выработка новых правил и принципов выживания в ней – это влияние реформ, влияние индивидуализации, свободы выбора. Во многом – ценность этой расстановки сил подчеркивается средствами и методами массового общества (ТВ распространяющее символы «успешности», «независимости», «инди-

⁴³ Левада, Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. / Ю.А. Левада – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 44.

⁴⁴ Кравченко, С.А. Нелинейная социокультурная динамика: игральонный подход: монография / С.А. Кравченко. – Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России, каф. Социологии. – М. : МГИМО-Университет, 2006. – 172 с.

⁴⁵ Российская идентичность / Сайт ИС РАН [электронный ресурс] URL: <http://www.isras.ru> (дата обращения 30.07.2010)

видуализма», «личного успеха» и пр.). В 2008 г., также как и в 1984 г., необходимо было обладать разнообразными символами принадлежности к той или иной группе, субкультуре или социальному статусу. Социальная идентичность российского человека включает в себя несколько характерных черт.

1). *Индивидуализация* – где важно то, что ты лично достиг, индивидуальные достижения в цене, но они более значимы и ценны, когда результатами этого могут воспользоваться иные. Т.е. индивидуализация тесно завязана на поддержании коллективистских целей и задач.

2). *Социальная направленность* – результаты любой деятельности человека должны отражаться на обществе в целом или на жизнедеятельности отдельных его групп.

3). *Национальное возрождение* – по сути, достаточно близкое понятие советскому патриотизму, но гораздо шире и глубже его, т.к. включает в себя ценностно-ментальные основы формирования российского государства, историко-этнологические системы взаимодействия, культурно-цивилизационные схемы развития и пр.

Индивидуализация, социальная направленность и национальное возрождение – это три кита идентичности российского человека. Политика российских властей направлена на поддержание, культивирование и дальнейшее развитие этих черт самоидентификации как на личном, так и на социальном уровнях.

Необходимость в сильной власти и порядке – это реакция на прошедший тяжелый период слабости власти в 90-х годах, с другой стороны – это базовая ценность россиян. В силу этого большинство граждан чувствуют себя комфортно лишь в ситуации определенности, где существуют конкретные предписания, что и как делать. В большинстве своем население перекладывает ответственность за свою судьбу на власть, а не возлагает ее на самих себя (что порождает пассивность и иждивенческие настроения).

В России власть воспринимают как большую семью, отсюда вытекает понимание общенародного единства как духовного родства и стремление заменить бездушные правовые нормы нравственными ценностями. Т.е. отношения государства и личности строятся не на соглашении власти и народа о соблюдении законов, а на молчаливом сговоре о безнаказанности при их нарушении. Население воспринимает как должное «разрешительную» систему для всех аспектов жизни, когда есть инструкции, стандарты и законы, регулирующие правила поведения. Социальная идентичность и солидарность общества проявляется в разнообразных формах согласия и принятия данных с выше стандартов, определяющих поступки конкретных людей, а не выработку личных (индивидуальных или групповых) норм.

Выводы

Можно увидеть, что через все операциональные, в отношении проблем социальной идентичности и солидарности, категории анализа сквозит патриотическая риторика, задаваемая позицией власти. Мы все же полагаем, что она скорее является внешней формой, новым установленным правилом поведения, а не исконной причиной массового поведения россиян. Более глубинным основанием этих процессов является противостояние, а местами и полный разрыв между ценностными и институциональными формами развития новой государственной системы. На сегодняшний день институциональный уровень формирования государственности отдан на откуп элитам, а ценностный уровень формируется во всех других слоях общества. Как ре-

зультат, и риторика этих уровней различна, и смыслы, вкладываемые в определенные действия, и цели этих консолидированных внутри себя групп различны.

На наш взгляд, в современной России наблюдается новая точка качественного изменения, когда на смену требованиям стабильности, справедливости и сильной власти могут придти требования перемен и социальных изменений, связанных с более осязаемым (не только на уровне парадных ценностей) формированием российской нации. На данный момент нация формируется на ценностно-ментальном уровне (все больше задействован и актуален ментально-психологический кластер). Следующим шагом должно быть создание социальных институтов, соответствующих и отвечающих провозглашаемым ценностям, причем таких институтов, которые не вызывали бы в обществе социального отторжения и сопротивления, а нашли необходимую нишу в социальных практиках населения.

Следует учитывать, что эти изменения происходят на фоне общего увеличения динамики социальных процессов. Еще 25 лет назад подобные изменения могли растянуться на годы, тогда как в современном обществе эта трансформация может занять в сотни раз более короткий промежуток времени. Поэтому динамика изменения социально-политического и культурно-экономического срезов общества может кардинально меняться каждые несколько лет.

Реализацией еще одного аспекта неустойчивости развития социальной системы являются разнообразные социальные страхи, связанные с действиями властей, действиями «врагов» (реальных или мнимых – террористов, политиков и политиков других стран – Грузии, Украины), социальной напряженностью и разорванностью социальных связей внутри общества.

Эти процессы отражает один из наиболее социально опасных кризисов – кризис ожиданий. Когда в массах формируются устойчивые позитивные образы и ассоциации, связанные с тем, что «если мы будем придерживаться этой линии...», «если мы сможем преодолеть этот рубеж ...», «если каждый из нас будет ...», а на практике, эти образы разбиваются о невозможность их реализации, то в обществе наступает кризис ожиданий. Кризис ожиданий на индивидуальном уровне может привести к кризису идентичности, неадаптированности к новым формам социального бытия, к социальному отчуждению между разными группами, и «конверсии престижа и пафоса» одобряемых ранее профессий.

На основе анализа полученных данных мы выявили три ключевых вектора формирования социальной солидарности в современном обществе.

1. *Идеологический*. В рамках данного вектора формируется социально солидарное общественное сознание через ценностные категории личности и группы.

2. *Социально-легитимный*. Этот вектор включает в себя официальные программы, резолюции и манифесты, отражающие дальнейшее развитие страны в целом и способы, цели, задачи солидарности населения.

3. *Социально-приспособительный*. Данный вектор отражает формы и способы адаптации к условиям меняющегося общества, различных социальных групп (от социально одобряемых и поддерживаемых, до маргинальных и социально осуждаемых).

На данном этапе сложно сформулировать четкие очертания социальной идентичности, т.к. процессы эти еще продолжаются (экономическое расслоение, социальная разобщенность и т.д.). Таким образом, на основе со-

циальной идентичности можно обозначить формирование нескольких типов консолидации общества:

- Если власть не будет предпринимать активных действий, то произойдет еще больший раскол общества, расслоение на бедных и богатых, а это повлечет за собой новые социальные бунты и изменения;

- При последовательной и продуманной политике будет сформулирована и реализована национальная идея;

- Техногенная катастрофа – как способ максимального сближения народа;

- Внешняя военная угроза.

Указанные типы видятся наиболее реальными, хотя и не всегда оптимистическими, возможностями объединения народа.

Арачки З., Евтович З. Информационные войны и психологическое влияние на массы

Арачки Зоран Младен - доктор коммунологических наук, доцент Факультета культуры и медий, Мегатренд Университета в Белграде, Сербия. azoran2002@yahoo.com

Евтович Зоран Бориша - доктор политических наук, профессор Департамента журналистики Философского факультета Университете в Нише, Сербия. zjevtovic@filfak.ni.ac.rs

Характер современных войн сильно изменился: центром человеческой деятельности стали знания, речь и информационные сети. Единственной страной, которая все это контролирует, являются США. Информационные битвы – это модернизированная версия психологических войн. Побеждает в них тот, кто контролирует СМИ и информационные технологии.

Ключевые слова: информация, конфликт, пространство, контроль, безопасность.

Aracki Z., Jevtovic Z. Information wars and psychological mass modeling

The character of today's wars is obviously changed: in the center of activities are knowledge, speed and informational network. The only country that controlled all was America. Information combats are the modernized versions of psychological wars, which, together with the application of technologically modern weapons are used for media mass modeling and their control.

Key words: information, conflict, space, control, security.

В последние несколько десятилетий в мире произошло больше изменений, чем в предыдущие пятьдесят тысяч лет. Большое количество технологических открытий неожиданно изменило традиционные формы общения,

открывая перспективы виртуального созидания, взаимодействия и управления информацией. Глобальные изменения, вызванные информационной революцией, потрясли «всемирную деревню» Маклюэна, превращая *племенное* сознание в *цифровое*. В универсуме, кроме биосферы, гидросферы и атмосферы, возникает виртуальная инфосфера, обвивающая цифровой оболочкой земной шар. Из общества, живущего в информационной нищете, мы почти мгновенно перешли к сообществу, терпящему *информационную перегруженность*⁴⁶, с перспективой дальнейшей коммуникационной концентрации. У обыкновенного человека, с компьютером и модемом, сегодня больше информации, чем у обеих воюющих коалиций во Второй мировой войне. Google содержит более 4 млрд. страниц, которые, если их отпечатать, создали бы горный массив высотой 273 км. Информационные системы претерпевают радикальные изменения: скорость, интерактивность и огромную пропускную способность, поэтому перед нашими глазами происходит тихая битва за контроль над массами.

Используя цепь знаков и символов, с применением специфических выразительных средств, создаются новые общественные игры с намерением привлечь внимание и изменить поведение людей. В царстве визуальных средств массовой информации картина побеждает *действительность*, поверхность – *глубину*, стиль – *содержание*, а язык СМИ с многочисленными кодами толкуется многомерно и метафизически. Сцены казней можно смотреть в прямом эфире или в видеоклипах, снятых мобильными телефонами⁴⁷, интимные ощущения, включая эксгибиционизм, становятся легко доступными в телевизионных жанрах типа реалити-шоу, как например *Великий брат*, *Опстанак*, *Фарма*, а молодые поколения мечтают о том, как подобным образом прославиться, несмотря на цену вопроса⁴⁸. Потребительское общество восхваляет гедонистические привычки и страсти, растворяет отношение между публичным и частным, высмеивает традиционное понимание семьи и патриотизма, выдвигая прибыль как единственное мерило нравственности. Индивидуализм является желательным образцом успеха, а личность, отделенная от других, становится легкой добычей купцов от СМИ.

Изменения в политических отношениях являются результатом американской „доктрины невысокой интенсивности“ и тоталитарной идеологии нового образца. Они ставят целью создание многочисленных карликовых стран, которые позже послужат потенциальным рынком для мультинациональных корпораций, дешевым источником рабочей силы и

⁴⁶ Понятие А.Тоффлера («Футурошок») означает переизбыток информации, необходимой для принятия какого-либо решения. Джейкоб Нилсен пользуется термином *информационное загрязнение (interruption overload)*. Речь идет об избытке информации, затрудняющей правильное понимание.

⁴⁷ Кинорежиссер Оливер Стоун хотел показать вредные последствия телевидения на кинопродукцию и заявил, что ожидает лишь исполнение высшей меры наказания в прямом эфире, потому что по телевидению показано уже все, что только можно. После этого ведущие телевизионные компании позаимствовали из «Ютуб» сцены казни президента Ирака Садама Хусейна, снятые без разрешения мобильным телефоном.

⁴⁸ Португальская версия популярного реалити-шоу под названием *Окованные* в течение двух недель сутки напролет следит за поступками мужчины, окованного цепями, который связан с четырьмя женщинами, включая использование туалета.

природного сырья. Американская теория пропаганды говорит о том, что всё "это достигается плановым размещением избранной информации, влияющей как на эмоции, мотивы, объективное понимание и суждения, так и на принятие решений иностранных правительств, государственных деятелей, организаций, групп и отдельных людей". В очередном ежегоднике Пентагона, в статье "Силы специальных операций" (1996), это определение дополнено констатацией, что изменения нужно вызывать, только если они находятся в коллизии с американскими, обращая особенное внимание на следующие уровни влияния: 1) укрепление в сознании реципиентов данных позиций, ценностей, идей; 2) провоцирование небольших изменений; (3) стимулирование диаметрально иных позиций и моделей поведения, включая организацию демонстраций и других насильственных форм разрушения власти.

В отличие от прежних обычных войн, когда предпочиталась массовость, вооружение и национально-патриотические чувства, сегодня борьба ведется с применением СМИ и других интеллектуально-информационных технологий. Новое определение методов, техник и инструментария специальной войны подразумевало создание утонченного контроля над распространением информации с целью установления единообразия общественного мнения как психологической почвы для продолжения военной интервенции или политического давления ради изменения правящего курса. Смесь действительности, фикций и симуляций создают запутанный клубок информации и дезинформации, становятся разыгранным спектаклем, пока манипуляции царствуют в цифровой империи, где остается все меньше места для правды.

Известия, сообщения, анкеты, интервью, репортажи, трибуны, „круглые столы“ и другие жанры скаладываются в причинно-следственную цепь, основной мотив которой - уничтожение всех, кто окажется на пути к прибыли, с поучением, которое жестокой репрессией предупредит других. Кроме того, источники власти скрываются в технологическом превосходстве, которое обеспечивает ведущим странам господство в сфере владения информацией. Проиллюстрируем данную гипотезу примером, касающимся стоимости отправления одного послания из столицы Канады города Оттава, в японскую столицу Токио. Оно осуществляется тремя способами, самыми принятыми и самыми частыми в общении: "Если послание объемом в 42 страницы отправится по экспресс-почте, за услугу надо заплатить 39 канадских долларов, а пересылка послания будет продолжаться полные сутки. Если тот же документ отправляется факсом, стоимость отправки составит 24,5 доллара и процесс будет продолжаться 31 минуту. Наконец, если тот же документ отправляется интернетом, продолжительность составит 2 минуты, а стоимость - 0,11 канадских доллара. Значит, отправка послания путем Интернета в 720 раз быстрее и в 355 раз дешевле, чем отправка того же послания по почте" (Првуловић, 2001:92).

Изучая историю, с удивлением понимаешь, что столпы современной демократии возникают из войн, и что сила ведущих наций на самом деле лежит в незаметном стороннему глазу технологическом превосходстве в военной и информационной промышленности. Специалисты Международного института исследований мира в Стокгольме (SIPRI) утверждают, что, с 3200 года до н.э. по настоящее время зафиксировано 15052 войны, в которых потеряло жизнь более 3,7 млрд. человек. Только в прошлом веке произошло более чем 120 крупных военных столкновений, 50

из которых признаны межгосударственными, а в 60 речь идет о гражданской войне. Педантичные статистики вычислили, что из 5148 недель в XX веке только восемь недель были мирными.

С распадом блока коммунистических государств НАТО укрепило ряды, приняв в свой состав семь новых членов: Эстонию, Латвию, Литву, Словению, Словакию, Румынию и Болгарию, а в вестибюле ожидают приема Албания, Македония и Хорватия. Вопреки утверждениям об окончании холодной войны, военные расходы в мире головокружительно растут, растет и взаимное недоверие между странами. В России общественность все больше замечает изменение политического воздействия США, которые многочисленностью и масштабностью военных акций становятся доминирующей силой. На Интернет-странице ФАСа (Федерации атомных ученых - www.fas.org) перечислены военные действия, в которых США участвовали, начиная с 1869 г. (войны между Францией и Англией) и заканчивая агрессией против Ирака. Окинув даже мимолетным взглядом приведенную статистику, обнаруживаем тенденцию: с ослаблением СССР, а затем и с его развалом, число войн, которые ведут США, резко увеличивается. Если в предыдущие два века Америка совершила около 70 операций, в последние два десятилетия их число достигло 180. А это значит, что если раньше войны возникали каждые три года, то теперь - каждые два месяца. Известно также, что в 99% случаев Америка вела войну на территории других стран. Подобные конфликты служат маховиком американской военной промышленности, на которую прямо или косвенно трудится каждый десятый житель страны.

Контроль информации как условие правления други-

ми

Успешно вести войны могут позволить себе только те, кто располагает информацией, контролирует ее потоки. Поэтому те, у кого есть информация, правят планетой. Согласно результатам исследования, сделанном по заказу Европейского парламента, в начале 2004 г. в мире функционировали 132 спутниковые системы прослушивания. Единственная страна, контролирующая все все на свете, Америка получает почти 70% разведывательных данных через глобальную разведывательно-спутниковую организацию "Vortex" (основанную в 1947 г. вместе с Англией) и с помощью данных самой большой шпионской организации - Агентства национальной безопасности (АНБ). В Форт-Миде, небольшом городе штата Мэриленд, находится штаб таинственного учреждения, где работает 38000 людей, которые являются глазами и ушами электронно-разведывательного агенства. "Многое изменилось с тех времен, когда мы могли отрицать даже само существование этого агенства, и могу добавить, что были и президенты США, которые никогда не знали о существовании этого учреждения, несмотря на то, что часто пользовались его услугами", - заявил Роберт Стил, директор компании (Washington post, 11.12.1999).

Сверхсекретная система "Эшелон", расположенная в Ментвит-хилле (Великобритания), держит под контролем все европейское пространство. За коммуникации на Тихом океане отвечает центр прослушивания Yakima (в 200 км от Сиэтла), центру Waiorai вменены аналогичные обязанности на Новой Зеландии. На австралийском континенте работает Geraldton, контролирующий Индийский океан с побережьем, а Sugar Grove (в 250 км от сердца Америки) "заботится" о безопасности американских коммуникаций.

Станции в Норвегии и на Кипре находятся под непосредственным контролем НАСА, а для чтобы успокоить мировое сообщество, они официально занимаются "экономическим", а с недавнего времени и "антитеррористическим" шпионажем. С помощью 11 наземных пунктов для прислушивания, сети, состоящие из 120 спутников и около 1320 мощных компьютеров-словарей (они реагируют на коды, ключевые слова), "Эшелон" прислушивается ко всем военно-разведывательным и политическим коммуникациям (телефоны, факсы, компьютеры, массмедиа) по всей Европе с целью их контроля и своевременного реагирования.

В Баварских Альпах установлено специальное спутниковое оборудование для электронного наблюдения и шпионажа. Как гигантский паук, оно нависает своей сетью над Юго-Восточной Европой, контролирует и записывает все коммуникации. Совместные действия с Германией начались в 1994 г. после жесткого противопоставления Парижа политике Вашингтона, направившего события в Сараеве, и поэтому можно констатировать, что Америка покинула своего традиционного союзника. Если это сделано в отношении страны, которая первой поддержала независимость США в революционной войне, которая, продавая свои владения в Луизиане, сделала возможным расширение Северной Америки, которая со времен основания США служила интеллектуальным истоком новой американской культуры, легко представить, с каким «уважением» Америка отнеслась бы к другим нациям!

Полученными данными США делятся с союзниками, но самое ценное мировая держава оставляет себе. Гигантские антенны британских центров для прислушивания на Крите имеют целью перехватывать сигналы как с Ближнего Востока, так и из южных частей Европы. «Электромагнитное ухо» Средиземноморья на вершине горы Троодос, не удовлетворяет запросам американских союзников, которые поэтому создали свою прослушивающую систему в Никозии, так что, на самом деле, все прислушиваются ко всем.

Информационная война является современной версией психологической войны, цель которой - с помощью современных технологий и массмедиа формовать и контролировать массы. Американские разведывательные службы и Пентагон на психологическо-пропагандистские и подрывные деятельности только в 2010 г. затратили 80 млрд. долларов, особое внимание направляя на Россию, Китай, Северную Корею, Сирию, Вьетнам, Ирак, Иран, Ливию, Судан и Тайвань, регионы мира, которые официально представляют приоритеты национальной безопасности⁴⁹.

Хорошо известно, что психологическая война имеет два вида: первый – мотивирование сторонников на борьбу с врагом, второй – демотивирование врагов. Специфика сегодняшнего западного общества делает его уязвимым, так как центр, принимающий решения, зависит от мотивировки низших уровней системы.

Кибернетической войне обычно уделяется много внимания, но ее нельзя вычленять из контекста психологических операций, поскольку в кибернетической цепи основным звеном являются люди. Современные автоматизированные системы управления, как ни странно, уязвимы как раз в связи с человеческим фактором. Если в прежних войнах одна из основных

⁴⁹ Стоимость национальных разведывательных программ в 2009 г. - 49,8 млрд. долларов, а год назад - 47,5 млрд. Американское разведывательное агентство состоит из 16 тайных служб, где активно трудятся около 100.000 специалистов.

целей была уничтожение определенной инфраструктуры, т. е. коммуникационных каналов, то цель в кибернетической войне – сохранить его информационные каналы⁵⁰.

Эксперимент доказал, что с использованием открытых источников легко получить данные о ведущихся сейчас операциях, раскрыть скрытое и т. п. Понятно, что аналогичные информационные каналы могут использоваться и соперники. В данном случае даже не нужно, чтобы вероятный противник контролировал информационные каналы. Ему достаточно лишь использовать их.

Вторым аспектом уязвимости является универсальность коммуникационных средств. Технология как гражданских, так и военных систем создана на основании совместимой технологии, которая позволяет через домашний компьютер подключиться к секретной линии коммуникации. Реально, одна кибернетическая операция готовится много лет, собираются массивы информации, необходимые программные средства, вербуются люди на критических узлах системы. Понятие *критического узла* информационной системы означает самый слабый компонент, воздействие на который способно нарушить (поставить под угрозу) всю работу системы. Такими узлами сегодня выступают коммуникационные спутники, так как установлено, что ежегодно фиксируется бесконтрольная утечка их данных, как из операционной системы, так и из лабораторий, где эти системы разрабатываются и совершенствуются.

В большинстве случаев кибернетическая война рассматривается как война высоких технологий. Хакеры взламывают компьютерные сети, манипулируют информацией. Показано, однако, что коммуникационные каналы, созданные на простых принципах, более стабильны, чем каналы, более сложные и современные, которые защищены симметрией информационных сетей⁵¹.

Важным элементом информационной войны является мотивация собственных сил для исполнения задачи. В таком качестве могут использоваться страноведческие особенности определенных обществ (меньшинств), чувствительных к синдрому „инкриминированной группы“

⁵⁰ Наглядный пример - эксперимент с членом оперативного руководства ЦРУ в 2002 г. Репортер газеты „Вашингтон пост“ Марго Вилиямс, подготавливая материал для газеты, выбрала из электронных архивов службы, используя легальные сведения об операциях ЦРУ, имена сотрудников, которых она обнаружила в публичном каталоге работников агентства (на основании данных о том, в каком статусе тот или иной сотрудник был отправлен за границу). Перекрестным обследованием журналистка обнаруживает людей, с которыми агент, вероятно, встречался, и оттуда, вероятно, вербовал иностранных помощников. Таким способом репортеру удалось создать общий профиль сотрудника ЦРУ, после чего составить список потенциально активных агентов.

⁵¹ Американский корпус, который охранял гуманитарную миссию ООН в Могадише (Сомали) в 1993 г. Провалился и вынужден был отступить к выгоде для генерала Мохамеда Айдида. Проведенное позже расследование установило, что силы Сомали достигли преимущества, располагая высокими технологиями, способными нейтрализовать мощь армии США. Подобные случаи зарегистрированы в Ираке и Косово.

(американские войска использовали курдов в борьбе с Ираком), а также запрещенные группы, сообщества эмигрантов или даже уволенные или оскорбленные государственные деятели. Разумеется, те, кто планируют и контролируют осуществление операций, должны хорошо знать особенности социальной группы, ее язык и культуру, чтобы связать общие интересы и скрыть различия.

Информационные войны переселяются в космос

Характер войн, которые ведутся сегодня, с очевидностью изменился: в центре действий находится знание, скорость и информационная сеть, и поэтому меньше солдат достигают ныне лучших результатов. "Война часто определяется как применение военных средств, чтобы достичь политических целей... Второй, более изощренный вид – политическая война – использует картины, идеи, речи, рекламные объявления, пропаганду, политические давления, даже рекламные техники, чтобы влиять на политическую волю противника", - писал Джеймс А. Болдуин, вице-адмирал морского флота США.

Если в Первой мировой войне погибло в 9 раз больше солдат, чем гражданских лиц, во Второй мировой войне это отношение выровнялось, а сегодня погибает в 10 раз больше гражданских лиц. Достаточно проанализировать столкновения в Ираке и все будет понятно. На тысячу погибших американских солдат и 6916 раненых приходится около 11000 иракских солдат и 15-18 тыс. гражданских лиц. Хотя доктрина столкновений низкой интенсивности отстаивает "немассовость" потерь и интеллектуальные боевые средства высокой точности, остается фактом, что гражданские лица, погибшие вне зоны конфликта (несчастные случаи, бомбардировки, "дружеский огонь", самоубийства и другие инциденты), составляют ныне большинство жертв. Значение специальной войны увеличивается, потому что ловкой и хорошо поставленной пропагандой можно предупредить войну или уменьшить ее последствия.

Средняя Европа потеряла то значение, которое она имела в период холодной войны, когда лишь в Западной Германии было расквартировано до полмиллиона американских солдат. Сегодня Пентагон реализует планы вывода половины из 73.000 солдат со своих баз в Германии в страны восточной Европы и Азии - ближе к русским нефтепроводам. Речь идет о фундаментальном изменении доктрины безопасности. На планете только в 46 странах нет американских солдат. Можно сказать, что существуют односторонние мировые войска, готовые к интервенции в любую точку мира.

Если вы думаете, что размещение баз вызывает восторг в маленьких странах, то вы не правы: этому всегда предшествует вооруженная агрессия, как это было в Саудовской Аравии и в других странах Персидского залива после 1991 г.; в Косово и Метохии после бомбардировки Сербии в 1999 г.; в Пакистане, Афганистане и в бывших советских республиках после войны в Афганистане в 2001 г.; в Ираке в 2005 г. и т. д. Целью агрессии под предлогом "реструктурирования" и "расчленения" является занятие пустого идеологического пространства, которое когда-то контролировал могущественный Советский Союз. В частности, подобным образом создается симулированная "Новая Европа". Польша уже приняла часть запланированных 10.000 американских солдат, расположенных вокруг воздушной базы "Крезини". В Венг-

рии будет размещено приблизительно столько же военных на базе "Тасар". Болгария стала базой для ремонта американского военного оборудования. Там же - в Софии находится Региональный центр демократического развития Юго-Восточной Европы, который многие считают ассоциированным с ЦРУ инструментом военного шпионажа на Балканах. Румыния открыла порт Констанца на Черном море, а также аэропорт "Михаил Когалничеу". С прекращением холодной войны изменяются стратегические интересы самой большой гегемонистской державы, все больше проектирующей окружение России военными щупальцами, согласно плану Рамсфельда "1-4-2-1"⁵². Остальной мир притворяется, будто не видит появления нового железного занавеса, который, с новым дизайном и скрытно, перемещается дальше на юг.

Контроль – понятие, которое будет доминировать в будущем мире. США создали специальную структуру, чтобы насильно нейтрализовать иностранные средства массовой информации. Специалисты генерального штаба "US Strategic Command" в воздушной базе Офут (в Омахе) имеют «специальные функции» в области массовых коммуникаций и пропаганды. Система «Предупредительный контроль пассажиров», созданная в соответствии с договором между Еврокомиссией и американскими властями, с помощью компьютеров проверяет личность каждого человека, обозначая его цветами: зеленым цветом (безопасный), желтым (сомнительный) и красным (опасный). Как и во времена нацистской Германии граждан отмечают невидимыми лентами, а особенное внимание уделяется мусульманам и выходцам с Ближнего Востока. В картотеки США, без санкции их правительств, занесено 65 млн. мексиканцев, 31 млн. граждан Колумбии и 18 млн. жителей Центральной Америки. В США под предлогом безопасности возвращен ряд ретроградных законов, которые ставят под вопрос свободу частной информации и человеческие права. Следователи не только уведомлены обо всех личных данных (дата и место рождения, имена родителей, личное описание, номер паспорта, профессия), они располагают и секретной информацией о гражданах (номер и состояние текущего счета, автомобиля, отпечатки пальцев), а также проверяют адреса, посещаемые в интернете, книги, читаемые в библиотеках, фильмы, которые граждане берут в видеотеках, телефонные номера, на которые они звонили.

Дух и склад ума народа могут в значительной части формироваться под влиянием разных техник, применяемых в СМИ, комбинацией которых меняется сознание, привычки и поведение публики. Наблюдая за развитием цивилизаций, нам нетрудно заметить, что пропаганда всегда была обязательным фактором в структуре общественных отношений, но с невероятным развитием технологии растет мощь массовой психотерапии. Идеологические доктрины, в комбинации с интересами правящих элит, всегда имеют целью достичь большего распространения и изменить тем самым позиции адреса-

⁵² Министр обороны США Дональд Рамсфельд в августе 2002 г. создал „Стратегию обороны 1-4-2-1" как замещение плана администрации Клинтона, согласно которому войска США вели бы одновременно две войны - на Ближнем Востоке и на Северо-Востоке Азии. Новая стратегия подразумевала подготовку обороны США – сбор сил в четырех критичных районах: в Европе, Северо-Восточной Азии (Южной Корее, Японии, Тайване), в Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Они призваны: 1) одержать решающую победу в двух из четырех районов; 2) успеть изменить режим власти или провести оккупацию в одном из этих райнов.

тов воздействия. Психологически подобное достигается, в частности, запугиванием масс и созданием сильного впечатления. Односторонним информированием и манипуляцией воздвигаются стены недоверия.

Сегодня легче, чем когда-либо в прошлом, скрыть правду от общественности, игнорировать ее, повернуть в свою сторону. В шокирующих моментах 11 сентября снимки с места события были строго проконтролированы, потому что руководителям американских СМИ хотелось избежать нелюбимых оценок мировой общественности. Налицо применение двойной морали: о внутренней жизни США нельзя говорить всю правду, зато можно показывать кровавые сцены бомбардировок Багдада, Белграда и Афганистана. Эти зрелища запугивают не американцев, а другие народы.

Глобализация ускоряет экономическое развитие на глобальном уровне, но только в тех государствах, которые богаты информацией. Метафизическое мнение Аристотела о границах конца света близко понятию Маршала Маклюэна о конце географии или гипотезе Фукуямы о конце истории, но информационная мутация, которую реализуют ведущие мировые державы удостоверяется иначе: “для американских военных специалистов, ГЛОБАЛЬНОЕ – это внутреннее содержание ограниченного мира, чей конец задаёт многочисленные проблемы. А ЛОКАЛЬНОЕ - это внешность, окраина, другими словами задворки мира”.

Аудиовизуальным средствам уже не хватает простора на планете, вследствие чего ускорение исторической действительности приходится искать в космосе, ещё неосвоенном информационными потоками. Всемирные военные действия, по сравнению с прежними эпохами, открывают четвёртое измерение (материк, море, воздух), а это означает создание глобального военного пространства (Global combat space), в котором космические столкновения и орбитальные информационные пункты будут настоящим оружейным арсеналом. Ядерное оружие становится детской игрушкой в сравнении с абсолютизмом информационного оружия, которое ведет к космической катастрофе и возвращению к автохтонной первобытной общине.

Управление СМИ имеет политическое преимущество, потому что с помощью несбалансированной информации и лучшую идею можно представить худшей. Из четырех ведущих мировых информационных агентств - два американских, одно английское и одно французское. Они выпускают 90% вестей, расходящихся по всей планете. Мировую демократию формирует элита СМИ.

Некоторые СМИ пытаются захватить медиа-рынок, взяв себе в пример рынок капитала, который контролируется их собственниками, решающими, что хорошо, а что плохо. Количество СМИ не означает плюрализм мнений. В США впечатляющая сеть СМИ: 1700 ежедневных газет, 11000 журналов, 9000 радио- и 1000 ТВ станций, 2500 издателей и 7 киностудий. Если бы каждое средство массовой информации имело только одного владельца, совместно было 25000 разнообразных взглядов, политических и социальных идей. Но в США нет 25000 собственников - 50 корпораций владеют большей частью СМИ. 50 женщин и мужчин, стоящих во главе, составляют «Частное министерство информации и культуры». 20 компаний владеет половиной 61 млн. экземпляров ежедневных газет, продаваемых в США, а другие 20 получают прибыль от продажи более чем 61 тыс. опубликованных журналов. Три предприятия контролируют большинство доходов от телевидения, 10 контролирует радио, 11 - издательское дело, а 4 – кинопродукцию.

Планета получает новую политическую одежду: идеологически унифицированную, интеллектуально однородную, социологически импровизированную, философски убитую, коммуникативно как будто богатую, но критически бедную смыслами.

Акционерами, а иногда и владельцами информационных гигантов являются интернациональные корпорации, тайные службы безопасности или якобы неправительственные организации. Проиллюстрируем это примером “Интелсата” (International Telecommunications Satellite Consortium), в котором 60% акций находится под контролем компаний или отдельных лиц из США, 20% держат французы, англичане и немцы, а только пятую долю - остальные страны мира.

В обществах, организованных на началах прибыльно-финансового хозяйства, потребность в правлении является на самом деле потребностью во владении средствами массовой информации. Мы видим здесь симбиоз мультинационального капитала и гипертехнологии.

Планетарное общество с контролируемой информацей формирует новое глобальное устройство - *псевдополис*, который питается “экспортом демократии”⁵³, отменяющим прежние государственные границы. Речь идет о существенном именовании философии СМИ - *новой диоптрии политического видения мира*.

Сегодня важно не само событие, а образ его интерпретации средствами массовой информации. Поэтому источники информации и представители новых идей поставляются властью, которая, симулируя агору, обеспечивает количество и качество желаемых сообщений, стараясь доставить их адресатам в предполагаемые временные сроки. Все большее число известий является результатом обработанных сообщений, полученных из правительственных бюро, пресс-атташе и подобных служб, значительно увеличивается и число интервью, полученных по телефону. Анализ приложения к Нью-Йорк Таймс показал, от 57,2% до 72,5% публикаций опираются на служебные источники. Исследование текстов 23 корреспондентов в семи крупных американских газетах выявило, где в 75% случаев источники были государственными.

Индустриализация журналистики навязывает новый императив: создавать больше информации с небольшими затратами, и кажущиеся “бесплатными” пакеты данных и фотографий, которые ежеминутно поступают в редакции, становясь мощными орудиями в обработке общественного мнения. Такие тексты возникают все чаще, так как представляют “факты, которые не надо было собирать, рассказы, которые не надо было писать и фотографии, которые не надо было снимать”⁵⁴.

Многочисленные явления, которые человек не может контролировать (изменения климата, природные катастрофы, биологические войны, терро-

⁵³ В Вашингтоне, например, существует какая-то особенная правительственная организация National Endowment for Democracy (NED), задача которой пропагирование демократии во всем мире. Относительно большой финансовый фонд распределяется между политическими партиями, средствами массовой информации, неправительственными организациями, религиозными сообществами, профсоюзами и подобными организациями, действуя согласно рекомендациям правительства США, без явной ответственности.

⁵⁴ Newsom D., Scott A. This is PR: The realities of public relations. Belmont, Calif.: Wadsworth Pub. Co., 1985, p.230.

ризм), будут объяснять путем их презентаций в СМИ, которые в свою очередь будут формировать умственные представления у полуобразованной общественности. Конфликтные парадигмы будут основываться не на количестве, а на качестве информации. Причем управление информационными сетями станет ключевым вопросом национальной безопасности.

Владыкина И.К. Технологии психологической войны

Владыкина Ирина Константиновна - кандидат психологических наук, кафедра истории и теории социологии, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. vladi-msu@yandex.ru

Усложнение технологий психологической войны рассматривается в связи с двумя основными факторами: объективной социальной ситуацией и уровнем развития психологической науки. Развитие отечественной социальной и политической психологии способствует росту технологической оснащенности информационного противоборства. Развитие личности и психологическая грамотность населения как способы защиты духовного суверенитета человека в условиях психологической войны.

Ключевые слова: психологическая война, психоаналитическая теория, социальные установки.

Vladykina I.K. Technology of psychological warfare, and socio-psychological science

The increasing complexity of technology of psychological warfare is considered in relation to two main factors: the objective social situation and level of development of psychological science. The development of domestic social and political psychology contributes to the growth of technological equipment of information warfare. Development of personality and psychological literacy as a means of protecting the spiritual sovereignty rights in the context of psychological warfare.

Key words: psychological warfare, psychoanalytic theory, social attitudes.

Приемы и технологии психологической войны использовались в разных странах мира задолго до осознания и анализа данного вида деятельности как такового. Целенаправленное информационное воздействие на сознание и поведение людей издревле помогало, и открыть заветный ларчик, и найти потайную дверь и даже взять неприступную крепость. Достаточно вспомнить историю с Троянским конем, когда психологическая диверсия оказалась более эффективной, чем военные действия.

Однако наибольший ущерб общественному бытию психологическая война принесла после ее официального признания, как важного направления государственной политики США. Термин психологическая война ввел в оборот американский разведчик П. Лайнбарджер. Наиболее востребован-

ной она оказалась с началом холодной войны, фактически определяя содержание последней.

В настоящее время психологическая война превратилась в широко распространенное явление, ведется различными странами мира. На Западе на специальные психологические исследования тратится денег больше, чем на ракетные программы. Изучение средств воздействия на психику человека активно ведется в США, Германии, Франции, Италии, Японии, Израиле, Китае... Многие западные эксперты, в том числе и военные аналитики, высказывают предположение, что страна, сделавшая решающий прорыв в этой области, получит такое преимущество над своим противником, которое сравнимо лишь с монопольным обладанием ядерным оружием.

В изучение и использование психологических технологий влияния вовлечена интеллектуальная элита психологической науки. Социологический анализ психологической войны как реалии нашего времени, особенно важен не только с точки зрения ретроспективного взгляда на проблему, но и с позиции ее влияния на направление развития нашего общества.

Психологическая война определяется как использование политическими оппонентами психологических средств для воздействия на установки, мнения, настроения, чувства и, в итоге, на поведение противника. Тактическая цель данного воздействия - заставить людей действовать в нужном для оппонента направлении⁵⁵. Стратегической целью психологической войны всегда являлась борьба за ресурсы: территорию, ископаемые, людей с их интеллектуальным капиталом и физическими возможностями. «Кто бы ни боролся и с кем бы ни боролся, конечной целью борьбы всегда есть пространство, ресурсы и рабская рабочая сила»⁵⁶. Субъектом психологической войны изначально считались крупные игроки в театре военных и дипломатических действий. В настоящее время в качестве субъектов психологического противоборства рассматриваются представители любых конфликтующих сторон, способные использовать психологические технологии.

Интересно отметить, что изначально психологическое воздействие на противника использовалось как сопровождение реальным боевым действиям, способствуя их результативности. Например, распространение листовок, призывающих прекратить сопротивление во время войны. В современных же условиях психологическая война чаще оказывается ведущим методом достижения политических целей. Другие компоненты противоборства (экономические, административные и даже физические методы влияния) используются для поддержки психологического воздействия.

Война, как противоборство конфликтующих сторон, предполагает наличие оружия. Именно более совершенное и современное оружие в значительной степени определяет преимущество в сражении. Психологические технологии, используемые как оружие психологической войны, создавалось в психологических лабораториях в ходе развития науки, главным образом социальной, а позднее политической психологии.

В историческом контексте можно проследить то, как развитие социальной и политической психологии расширяло арсенал психологического оружия. В то же время объективные проблемы социального, экономического, военного противоборства стимулировали развитие психологической науки.

Национально-освободительные войны, борьба за сферы влияния в различных регионах мира, усложняющиеся межклассовые отношения в кон-

⁵⁵ Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М., 2001.

⁵⁶ Морозов А.М. Психологическая война. Киев, 1996.

це XIX начале XX веков обусловили интерес к психологии больших социальных групп и массовидных явлениях психики. Теоретические разработки Зигмунда Фрейда по психологии масс фактически давали в руки политиков добротный полуфабрикат мощного психологического оружия. Анализируя работы Лебона о психологии масс, З. Фрейд находит объяснительные принципы особенностей поведения в толпе: подавления воли и разума, подверженности внушению, потребности в иллюзиях и безоговорочное подчинение вождю. По мнению Фрейда, поведение толпы определяется бессознательной психикой, в которой «кроется все зло человеческой природы»⁵⁷. И что особенно важно, «В душевной деятельности массы принцип реальности отступает на задний план перед силой аффективно напряженных желаний». Люди легко верят в то, во что им очень хочется верить, подчиняются вождю, если воспринимают его как символического Отца. Становится понятным, как должен вести себя лидер для того, чтобы получить поддержку толпы, направить энергию масс в желаемое русло.

Обнаруженные рычаги влияния на массы превращались в способы уводить людей от здравого смысла в область иллюзий и направлять их энергию на совершение поступков, далеко отстоящих от истинных интересов. В работе Георга Адлера «Значение иллюзии в политике и общественной жизни» указывается на возможность вырвать людей из брони индивидуального эгоизма с помощью лозунгов, разжигающих потребности индивидов. На этих работах учился А. Гитлер и строились стратегии влияния нацистской пропаганды. Работы ученых психоаналитиков, раскрывающих закономерности мотивации поведения, задали вектор исследований в области ведения психологической войны.

В современном обществе значительно усложнилась сама по себе социальная реальность: характерны многоплановая включенность человека в системы взаимодействий с другими людьми, глобальные информационные потоки, расширяющиеся сферы общения, возросший интеллектуальный потенциал человека. Все более ощущается экономическая, социальная, социально-психологическая эмансипация личности. Условия жизни с одной стороны способствуют росту социальной зрелости личности, привычки самостоятельно принимать решения. С другой стороны, в эпоху глобализации, информационных технологий возможности превращения общества в подобие толпы и развитие массовидных форм поведения значительно возрастают. Люди на планете в унисон радуются, огорчаются, обсуждают и обмениваются информацией под влиянием СМИ. В связи с этим многократно усиливаются возможности манипулирования общественным сознанием, настроениями людей.

Духовное освобождение современного человека ставит перед ним задачу выбора направлений своего поведения и деятельности. А это не простая задача, она связана с необходимостью осмысливать свое бытие, ресурсы и потребности. Откликнуться на яркую картинку, призыв, примкнуть к массе оказывается гораздо проще. Позитивные приобретения современного человека, такие как личная свобода, эмансипация, свободное время таят в себе опасность для недостаточно интегрированной личности попасть в сачок психологического воздействия. Противостоять психологическому влиянию поможет социальная зрелость личности. Получается так, что современные психологические технологии могут быть использованы для закрепощения человека (если ему легче жить закрепощенным). Но они же дают в руки

⁵⁷ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. М., 1926.

человека и противоядие от психологических манипуляций. Однако, чтобы им воспользоваться, надо приложить усилия в направлении своего личностного роста.

Информационное влияние на сознание и поведение больших групп людей остается одним из ведущих направлений современной психологической войны. Разжигание низменных страстей, разобщение людей способствуют разбиванию единства нации, распространению массовидных вариантов поведения.

В одном из американских руководств по ведению психологической войны говорится, что цель такой войны — подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится неспособным к сопротивлению. Как вид воздействия на сознание психологическая война направлена, прежде всего, на разрушение тех связей, которые объединяют людей в общество. Исходя из работ Фрейда, становится понятно, почему ставятся именно такие цели. Толпой гораздо легче манипулировать, ее легче уводить от реальности, возбуждать низменные желания, побуждать к насилию.

Психологически благополучное сообщество с уважением относится к своим традициям, разделяет общие нормы и ценности, знает перспективы своего развития, имеет идеалы. В таком обществе доминируют позитивные эмоциональные связи, тенденции к интеграции. В психологически неконсолидированном сообществе доминируют негативные чувства: либо апатия, депрессия, либо агрессия и раздражение. В любом из этих вариантов сообщество становится легкой добычей для субъекта любой войны, не только психологической.

Характерной особенностью психологической войны является то, что в ней как бы нет очевидных врагов. Невидимый субъект воздействия создает такие условия, при которых противник сам себя уничтожает, отдает материальные и интеллектуальные ресурсы. По мнению А.М.Морозова для этого надо погрузить людей в мир грез. По мнению автора монографии «Психологическая война» стержневой принцип психологической войны – жизнь есть сон, а сон есть жизнь. Всю реальную жизнь человек проживает как неприятный сон, а химеры скорого благополучия воспринимает как реальность⁵⁸.

Как и любое оружие, психологические технологии могут быть использованы и во благо и во вред человеку. Одной из задач политической психологии Д.В. Ольшанский считает искоренение вранья в современной социальной реальности. Способствовать здоровому взгляду на жизнь и свое положение в ней, взгляду, не искаженному ни личностными травмами, ни социальными манипуляциями, помогают технологии личностного роста и развития социальной зрелости человека.

Противодействием чуждому психологическому влиянию служит наличие системы нравственных ценностей, разделяемых в обществе. Недаром создатели американских технологий психологической войны много внимания уделяют службе морального обеспечения внутри своей страны, как средства защиты от психологического воздействия противника.

В США начала прошлого века ведущим направлением психологической науки был бихевиоризм. Теория бихевиоризма была откровенно направлена на разработку способов манипулирования поведением человека и социальных групп. Причем принципы управления поведением были отработаны изначально на животных, главным образом на крысах, затем на насе-

⁵⁸ Морозов А.М. Психологическая война. Киев, 1996.

лении своей страны. В современных условиях американские стратеги используют наработанные бихевиоральные технологии в стремлении навредить свои порядки в других регионах мира.

Опираясь на базовые потребности в получении удовольствия и избегания наказания, американские психологи предлагали отработанные схемы поведения, приводящие к материальному благополучию и социальному успеху. Неотвратимость наказания делает человека законопослушным, способствуя социальной стабильности общества. Вместе с тем развитие необихевиоризма, теории социального научения существенно расширило возможности использования психологических приемов в модификации поведения. Формирование установок, наклеивание ярлыков, создание образа врага развязывает руки военным для проведения агрессивной внешней политики. Именно бихевиоральные стратегии влияния на сознание помогает американским психологам подготавливать общественное мнение к проведению актов военной агрессии. Достаточно вспомнить пресловутую «Ось зла». Декларация необходимости борьбы за демократию предшествовала реальной бомбардировке Югославии.

Американская психология в первой половине XX века была фаворитом в развитии социально-психологической науки. Это объясняет ее явное преимущество в тот период времени в конструировании психологических средств воздействия на массовое сознание. Запрет на развитие социальной психологии в нашей стране практически до 60-х годов приводил к тому, что наши политики даже не понимали психологических механизмов информационного воздействия на сознание людей, которое использовалось идеологическими противниками. Это в частности касалось вопросов формирования установок и средств борьбы с оказанным воздействием. Известно, что грамотно сформированная установка имеет эмоциональный компонент, уходит корнями в бессознательную сферу. Ее нельзя изменить на чисто рациональном уровне. Любое опровержение только усиливает эффект действия установки. Советские же информационные издания гордились разоблачением очередной утки империалистической пропаганды, усиливая атмосферу вражды и недоверия.

Развитие когнитивной психологии пролиvalo свет на особенности восприятия человеком окружающего мира, интерпретации реальности и принятия решений. Знание особенностей формирования когнитивного кода, картины мира использовались технологами психологической войны в интересах своих заказчиков. Деформация социальных ценностей, формирование иллюзорной картины мира, привычка жить в виртуальной реальности уводит человека от его персональной жизни.

Способы вторжения в индивидуальное жизненное пространство человека разрабатываются в недрах нейро-лингвистического программирования. Как вкусную конфету человек заглатывает информацию, побуждающую жертву к нужному манипулятору поведению.

В военной сфере психологическая война, хоть и остается войной, подчас довольно жесткой, но это все-таки не физическое истребление противника. Активное использование психологических приемов воздействия во время Корейской войны наглядно продемонстрировало возможности психологической войны в снижении человеческих жертв. В то же время непонимание психологических механизмов информационного влияния снижало успешность военных действий.

Создается впечатление, что и сейчас в обществе имеет место не достаточное понимание того информационного воздействия, которое оказыва-

ется на наше население. Совершенно очевидно, что современная психологическая война это не только локальные акции и успешные маневры. Это хорошо спланированная стратегия влияния, имеющая вполне конкретные цели и перспективы.

В некоторых странах именно необходимость противостоять чуждому идеологическому воздействию оказалось мощным стимулом для развития национальной социальной психологии. Формирование негативных установок на противника начиналось с детского возраста, в частности с ненавязчивого использования комиксов, но очень профессионально.

Накопление знаний в области психологической науки косвенным образом влияло на увеличение арсенала средств психологической войны. В период холодной войны в условиях особенно резкого идеологического противоборства Востока и Запада оттачивалось психологическое мастерство соперников. Особенно интенсивно в середине прошлого века развивалась психология пропаганды.

Агрессивная американская пропаганда интенсивно нагнетала атмосферу вражды по отношению к странам социалистического лагеря вплоть до целенаправленного создания образа врага в сознании своих граждан. Активное радиовещание для восточных стран опиралось на добротные психологические исследования ментальности граждан других стран. Среди способов получения информации использовались в частности методики с двойным дном – анкетный опрос осуществлялся с использованием методики, имеющей 2 ключа обработки данных. В социологических исследованиях востребованным оказался метод контент-анализа, который благодаря Г. Лассауэлу стал использоваться в политических целях. Особенно интенсивно метод стал использоваться в 60-е годы.

Разработкой психологических технологий пропагандистского воздействия в 70 – е годы успешно занимались и российские ученые. Психологическим методам, приемам пропаганды посвящены работы известного специалиста в данной области Ю.М. Шерковина⁵⁹. Автор подробно описывает ряд психологических ловушек пропаганды. Указывает на значение первенства в сообщении информации. Предлагает приемы психологического воздействия для того, чтобы информация не оставляла реципиента равнодушным: использование информации для разрешения личных проблем, эффект престижа источника информации, уважительное отношение к группе, к которой относится реципиент, возможность найти поддержку во мнении по спорному вопросу, познавательный интерес, эстетическое обогащение, развлечение, эмоциональная разрядка.

Слухи, как инструмент психологической войны, подробно изучал соратник Ю.А. Шерковина А.П. Назаретян⁶⁰. Рассматривалось три вида слухов: слух-желание, слух-пугало, агрессивный слух их специфика в динамике психологической войны.

Публикую свою монографию, Ю.М. Шерковин ставил перед собой цель дать многотысячной армии советских журналистов некоторую сумму психологических знаний, которые будут полезны для повышения эффективности их профессиональной деятельности. Повышение психологической

⁵⁹ Шерковин Ю.М. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М. 1973. Шерковин Ю.М. Некоторые социально-психологические вопросы пропагандистского воздействия // Вопросы психологии. 1969, №4. С. 131-139.

⁶⁰ Шерковин Ю.М. Назаретян А.П. Слухи как социальное явление и как орудие психологической войны // Психологический журнал. Том 5, №5, 1984.

грамотности журналистов вооружало борцов идеологического фронта. Работы российских психологов в области психологии пропаганды уже в 70-е годы прошлого века были настоящим прорывом в области технологической оснащённости идеологического противоборства в период открытой конфронтации между Западом и Востоком.

Изменение социальной реальности в России середины 80-х годов, демократизация, гласность, институт выборов стимулировали развитие практической социальной психологии и появление отечественной политической психологии. Целью нового направления психологической науки – политической психологии становится анализ психологических механизмов политики и выработка практических рекомендаций по оптимальному осуществлению политической деятельности.⁶¹ На волне социальных преобразований в России выросла отечественная психология лидерства, изучалась личность политического лидера⁶², совершенствовались технологии влияния на массовое сознание и поведение граждан. Развивались исследования в области коммуникативных технологий в политике, в целом политическая психология⁶³. Наличие психологических портретов политических оппонентов делало взаимодействие с ними более успешным⁶⁴. Политическое противоборство становится более цивилизованным, технологически опосредованным, научно проработанным. Значительно расширяется арсенал психологических технологий.

В современной российской действительности квинтэссенцией психологической борьбы становятся периоды избирательных кампаний. Информационная бомбардировка массового сознания граждан во время предвыборных баталий, ведётся весьма прицельно и профессионально. Социологические опросы, фокус-группы, фокусированное интервью, наблюдение, профессиональный взгляд психолога фактически осуществляют разведывательные функции. Выявляются ключевые проблемы, особенности социальной ситуации региона, отношение к лидеру, расстановка сил, наличие неформальных лидеров. Определяется уровень доверия граждан к ключевым фигурам региона, надежды, тревоги, беспокойства, страхи среди населения. Это важный этап работы, ибо как указывал П. Лайнбарджер, самые грубые политические и военные ошибки, известные истории, происходили из неправильной оценки морального состояния противника⁶⁵.

Использование отработанных методик помогает определить образ, психологический портрет востребованного лидера. Разработка стратегии кампании является следующим этапом в подготовке информационного воздействия. На этапе реализации стратегии аналогии с реальными военными действиями становятся ещё более рельефными. Массированные информационные атаки, встречи политических лидеров с избирателями на передовой политической борьбы, партизанская война среди распространителей информационных материалов, работающих на разных кандидатах.

Успех политической борьбы за голоса электората в значительной степени зависит от точности воздействий информационных потоков. Не количество и полиграфическая безупречность агитационно-пропагандистских

⁶¹ Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М., 2001

⁶² Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. Психологическое пособие для политиков. М., 1993.

⁶³ Гозман Л.В., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.

⁶⁴ Егорова Е.В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М., 2003.

⁶⁵ П. Лайнбарджер Психологическая война. М., 1962.

материалов, а точный расчет информационного воздействия на различные социальные группы электората способствуют победе на выборах.

Важным инструментом политической борьбы являются публичные выступления кандидатов перед избирателями. Всеобщее воодушевление и интерес к личностям политиков начала 90-х годов сменилось стойким равнодушием и апатией как в отношении к политическим лидерам, так и к институту выборов в целом, характерном для первого десятилетия нового века. В настоящее время заметны некоторые новые тенденции. Возрастает интерес к выборам среди людей зрелого возраста, приходит понимание того, что за позитивные изменения в обществе надо бороться, в том числе и через участие в выборах. Особенности современной социальной ситуации ставят перед участниками избирательного процесса новые задачи.

Типичная картина публичного выступления перед избирателями весьма схематична. Кандидат в депутаты формально отработывает свою роль: обличает, критикует, обещает, задабривает. Измотанные жизнью старушки, люди пенсионного возраста приходят выплеснуть свою боль, обиду на представителей власти. Далее кандидат не выполняет своих обещаний, а его слушатели не приходят на выборы. Данная схема взаимодействия кандидатов с избирателями уходит из нашей жизни, как не эффективная.

Какой стиль публичного взаимодействия востребован в настоящее время? Среди многообразия индивидуальных стратегий публичного выступления постараемся выделить некие общие перспективные направления. Еще более актуальной становится задача установления контакта с аудиторией и формирование атмосферы доверия. Робкие попытки избирателей найти понимание у новой волны политических лидеров может послужить основой паритетного диалога, но только при условии глубоко личностной, искренней позиции кандидата. Никакое формальное исполнение роли оратора не приводит к успеху взаимодействия. Люди чутко чувствуют любую фальшь, особенно когда они много раз обманывались.

Выигрышной оказывается сокращение дистанции между оратором и аудиторией. Это касается не только положения в пространстве, но и стиля, интонации в общении. Доверительный разговор на равных, беседа, обсуждение конкретных ситуаций, в которых кандидат, как более информированный человек помогает найти оптимальный выход, способ решения проблемы.

В содержательном плане наиболее успешными оказываются выступления, при которых кандидат обобщает типичные проблемы граждан, объясняет их причины, делится стратегической информацией по их решению на региональном и федеральном уровне. Нарбатывая репутацию серьезного человека, кандидат привлекает на свои встречи людей среднего возраста, существенно расширяя сферу своего влияния.

Успешность публичного выступления политического лидера в значительной степени зависит от его собственного эмоционального состояния, внутренней позиции, желания взаимодействовать с людьми. Внутренний дискомфорт публичной личности, как правило, бывает связан с глубоко личностными причинами, а воспринимается аудиторией, как имеющий отношение к конкретной социальной ситуации. Этот факт мешает формированию актуального образа политического лидера. Способность оратора быть самим собой, открытым в общении, вызывать к себе чувства доверия, симпатии предполагает серьезную психологическую работу с его собственными личностными ресурсами.

Современный избиратель откликается на проявления личностной позиции кандидатов, но не на медийный образ личности, сфабрикованный талантливыми профессионалами от PR. Людям важно увидеть, почувствовать в политическом лидере реальную, живую личность, ту, которую не спрячешь, если она есть, и необразишь, если она у человека в дефиците. Личность проявляется в фокусе внимания, интересов оратора, во взгляде, интонации, манере взаимодействовать с людьми. Практика показывает, что если кандидат в депутаты за время своих публичных выступлений не оставил след в сердцах избирателей, то вся лавина дорогостоящей полиграфической продукции, агитационно-пропагандистских материалов проходит вхолостую. Непосредственный контакт кандидата с избирателями во время публичных выступлений становится особенно важным инструментом политической борьбы за голоса электората.

Успешность выступления перед избирателями, умение привлечь к себе сторонников требует от политических лидеров коммуникативной компетентности и личностного развития. Эти ресурсы обретаются в процессе социально-психологических тренингов. Публичные выступления непосредственно влияют на исход политической борьбы между кандидатами от различных политических партий, а значит влияют и на судьбы людей, избравших того, или иного кандидата. Умение чувствовать запросы аудитории, владение различными коммуникативными стратегиями, мастерство и точность коммуникативного поведения определяют успех публичного выступления, как важного инструмента политической борьбы.

Социальная психология и социология – идеологические ангажированные дисциплины. Важно понять, с каких позиций психолог участвует в информационном противоборстве. Часто побеждает чисто профессиональный азарт. Хочется провести избирательную кампанию успешно, обыграть коллег по цеху. Но вместе с тем политические технологи определили для себя те нравственные принципы, согласно которым они вступают или не вступают в конкретное политическое взаимодействие.

Довольно часто именно усложнение социальной реальности, наличие конфронтации и противоречий стимулирует, и развитие психологической науки и способствует осознанию своей собственной позиции в информационном противоборстве. Невозможно остановить развитие науки, особенно если она востребована в обществе. Никто не в силах запретить использовать психологические знания и в интересах психологической войны. То, что действительно является нравственным долгом социальных и политических психологов - это повышение психологической грамотности населения. Повсеместная психологическая грамотность, самостоятельность мышления, персональная личностная позиция - лучшее противоядие любым стратегиям влияния психологической войны.

Гужавина Т.А. Социальное доверие на региональном уровне

Гужавина Татьяна Анатольевна – старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда. Tanja_gta@mail.ru

В статье автор рассматривает проблему доверия в российском обществе и ее значение для функционирования гражданского общества. Выделив в качестве приоритетного такую форму доверия как доверие к абстрактным системам, на основе анализа данных мониторинга автор выделяет те институциональные структуры, которые пользуются наибольшим доверием жителей Вологодской области.

Ключевые слова: социальное доверие, институциональное доверие, гражданское общество, доверие к власти, государство, средний класс, регион.

Gujavina T.A. Social trust at regional level

The author considers the problems of trust in Russian society and its importance for the functioning of civil society. The author considers the problem of trust in Russian society and its importance for the functioning of civil society. Identified as priorities for this form of trust as confidence in abstract systems, based on analysis of monitoring data the author singles out those institutional structures that are most trusted inhabitants of the Vologda region.

Key words: social trust, institutional trust, civic society, trust in government, the state, social and political sphere the middle class, region.

Социальное доверие обеспечивает предсказуемый характер окружающего нас мира и помогает создавать формальные институты и организации, домашние хозяйства и семьи, а также конституировать сети друзей и знакомых. Кроме того, социальное доверие, существующее в обществе, укрепляет когнитивные стереотипы и установки к межгрупповому взаимопониманию, толерантности и межнациональному сотрудничеству, демократические устои, а также может минимизировать негативные последствия глобального и регионального расширяющегося экономического неравенства. Социальное доверие, по мнению ряда исследователей^{lvii}, предстает перед нами как ожидание надежности других индивидов, не связанное с прогнозом их поведения в конкретной ситуации взаимодействия. Его скорее следует трактовать как мировоззренческую установку, выражающую готовность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия.

К проблеме социального доверия в разное время обращались многие мыслители прошлого. В контексте концепции общественного договора ее рассматривали Дж. Локк, И. Кант, Э. Дюркгейм. В рамках теории социального обмена феномен доверия интересовал П. Блау и Дж. Хоманса. В контексте трансформационных изменений этой проблемой занимались Э. Гидденс, Н. Луман, Р. Патнем, А. Селигмен, Ф. Фукуяма.

Э. Гидденс, выделял два вида доверия: доверие к людям, которое построено на личностных обязательствах («персонифицированное» доверие) и доверие к абстрактным системам («анонимным другим»), предполагающее безличностные обязательства. В качестве абстрактных систем рассматриваются символические знаки (например, деньги как инструмент обмена, средства политической легитимации) и экспертные системы – системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие наше материальное и социальное окружение. Последний тип доверия, т.е. доверие к абстрактным системам, по мнению социолога, и формируется в современную эпоху.

Следуя за логикой рассуждения Э. Гидденса, отметим, что поле доверия охватывает политические и экономические отношения, распространяется на институты и организации, на символическую систему, на социальный порядок в целом. Так, например, можно доверять принципам демократии, правительству, государственному страхованию, национальной валюте, научному и профессиональному знанию. Но доверие к абстрактным системам не может заменить значимость для человека персонифицированного доверия, построенного на чувстве солидарности, симпатии и дружбе. Более того, когда общество сталкивается с «синдромом недоверия» (термин известного польского социолога П. Штомки) к политическому режиму, экономической и общественной системе в целом (подобная ситуация наблюдается практически на всем посткоммунистическом пространстве и существует уже достаточно продолжительное время), альтернативным выходом для человека становится доверие в рамках товарищеских отношений и примордиальных (изначальных) социальных групп: семьи, этноса, религиозной общности и др. Расширение поля недоверия в общественных отношениях порождает серьезные социальные проблемы – от различных форм напряженности и отчуждения до открытых конфликтов^{lviii}. Такими же индикаторами климата общественного недоверия являются массовая эмиграция, «бегство» капиталов, «долларизация» страны (выражение недоверия к национальной валюте), самоизоляция в закрытом мире семьи или каких-либо других узких группах, прежде всего сектантского характера.

Формирование социального доверия в современных условиях определяется целым рядом факторов. Во-первых, существенно изменилась сама природа доверия. Поведение современного человека в меньшей степени детерминировано внешними санкциями, традициями и безусловными авторитетами. Источником доверия в современном обществе уже не могут в полной мере, как прежде, выступать общинные, родственные или религиозные связи. Основанием доверия становится добровольное желание людей поступать в соответствии с ожиданиями других. Во-вторых, возросшая потребность в доверии определяется тем, что, несмотря на технический прогресс и существенное приращение знаний о мире, современное общество остается «обществом риска». Идею риска как черту современного общества впервые обозначил немецкий социолог У. Бек, а затем развил Э. Гидденс. Поясняя свою мысль, Э. Гидденс, в частности, пишет, что это отнюдь не означает, что жизнь стала более рискованной, чем прежде. Но представление о

риске «начинает играть центральную роль при выработке решений, касающихся социального окружения...»^{lix}. В этом случае доверие выступает конструктивной формой реакции на риск. Вместе с тем можно говорить и об увеличении областей проявлений неопределенности и риска.

В условиях российской действительности, характеризующейся значительным разнообразием социокультурных факторов, сложившихся в различных регионах страны, вызывает интерес, прежде всего вопрос о том, насколько феномен вертикального доверия/недоверия распространен в региональном социально-политическом пространстве. Отметим, что российский регион представляет собой единство социального, экономического, политического, культурного и территориального начал. Благодаря этой целостности он выступает на уровне государства субъектом социально-экономических отношений, выполняя определенные функции во внутригосударственном разделении труда и формируя (как социально-политический субъект) определённые политические отношения с Центром и другими регионами. Причем эти отношения не сводятся к дихотомии «господство – подчинение». Регион можно рассматривать в качестве динамической самоорганизующейся, самовоспроизводящейся системы (автопоэсиса)^{lx}. Именно в совокупности своих характеристик регион выступает как среда формирования и функционирования регионального гражданского общества.

Современное региональное гражданское общество следует рассматривать как сферу социального взаимодействия населения данной территории в различных областях общественной жизни на основе принципов самоуправления, саморегуляции, равенства, а так же сложившихся в нём норм традиционного общежития. В условиях региона гражданское общество предстает в виде специфического социального, экономического, культурного пространства в котором достигается определенный баланс различных (индивидуальных и групповых, неформальных и институциональных) интересов, происходит их реализация в рамках многообразных неполитических форм коллективной жизни. От характера и уровня развития этих форм во многом зависит эффективность функционирования гражданского общества в том или ином регионе.

Состояние социального доверия такого территориального сообщества, как жители Вологодской области, факторы на него влияющие, изучает в ходе мониторинга общественного мнения изучается ИСЭРТ РАН^{lxi}. Отметим, прежде всего, что Вологодская область – это во многом экономически развитый регион с мощным индустриальным потенциалом. На ее территории проживает более миллиона ста тридцати тысяч человек или почти 1% населения всей России. По многим критериям Вологодская область занимает передовые позиции в сравнении с другими регионами страны. По объему валового регионального продукта на душу населения область занимает 13 место в РФ и четвертое в СЗФО. Область является индустриально развитым регионом и вносит существенный вклад в социально-экономическую жизнь РФ. По продукции промышленности в расчете на одного жителя на протяжении последних лет область входит в первую четверку регионов России^{lxii}. Большинство показателей ее развития можно отнести к средним и выше среднего относительно не только СЗФО, но и России в целом. Вологодская область вполне может рассматриваться как миниатюрная модель России, воспроизводящая ее даже по конфигурации географических границ. Это регион большой по площади, а связь между его частями затруднена из-за больших расстояний и неравного уровня их экономического развития.

Жители области, составляя территориальное сообщество, дают своему региону преимущественно позитивные оценки. Две трети вологжан (75%) «рады» и «в целом довольны, что живут в своем регионе»^{lxiii}. Доля тех, кто хотел бы уехать из области, составила всего лишь 5% жителей области. Определяя свое отношение к региону, вологжане отмечали в качестве его привлекательных черт «красивую природу» (около 60%), доброту и душевность людей (около 30%), затем назвали свой регион «перспективным для жизни» (около 20%). Жители г. Череповца, являющегося крупным промышленным центром, в котором расположен металлургический гигант ОАО «Северсталь», выделили такие характеристики как «перспективность своего региона для жизни» (48%), «множество возможностей для инициативных людей» (38%).

На этом фоне формируется доверие к основным политическим институтам как федерального, так и регионального уровня. В рамках данной статьи мы уделим внимание анализу институционального доверия на примере доверия к такому институту как государство. Поскольку именно оно генерирует и поддерживает те нормы и правила, которые организуют жизнь социума.

Анализ полученных в ходе мониторинга данных, показывает, что наибольшей поддержкой жителей Вологодской области постоянно пользуются Президент и Правительство РФ, а в области - ее руководство, представленное Губернатором и Правительством. Уровень доверия представительным органам и общественным организациям значительно ниже (См. Табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (варианты ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю», в % от общего числа опрошенных)

Вариант ответа	Дата опроса				
	2000 – 2006 гг. (среднее)	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год
Президент	51,1	60,3	65,2	51,6	56,7
Правительство	38,9	41,9	60,2	46,7	52,3
Совет Федерации	29,1	34,9	47,6	35,9	38,3
Государственная Дума	24,5	29,5	42,0	33,5	34,8
Руководство области	30,8	40,6	48,6	34,9	41,1
Органы МСУ	26,6	32,3	40,9	33,1	34,3
Профсоюзы	26,5	28,6	35,9	28,1	30,2
Общественные организации	20,0	24,4	32,6	23,8	27,7
Политические партии	14,7	17,6	26,8	20,0	23,7

Наибольшей поддержкой пользуются структуры федерального и регионального уровня, в руках которых реальная власть и право распоряжаться материальными ресурсами. Самыми минимальными ресурсами располагают сегодня общественные организации и политические партии. У них же и самый низкий уровень доверия со стороны населения области.

Традиционно высокий уровень доверия Президенту РФ можно объяснить, прежде всего, тем, что с высшим должностным лицом в российском менталитете связано представление о государстве, о его роли. Отношение к президенту, по своей сути, это отношение к государству. Давая высокую и стабильную оценку Президенту, россияне демонстрируют тем самым признание ценности государства, свою связь с ним и ориентацию на данную ценность. Государство рассматривается как основной институт, способный разрешить существующие социально-экономические противоречия.

Однако, это не единственный фактор, поддерживающий высокий уровень доверия к государству. Второй аспект связан с особенностью политической истории страны. В России власть обычно достается правителю «по факту». Даже в Новейшей истории России все, кто претендовал на высшую власть в стране либо уже получили ее, либо стояли рядом с ней, и от народа требовалось получить лишь официальное подтверждение их статуса. Так стал Генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачев, так стал Президентом Б.Н. Ельцин, а вслед за ним В.В. Путин и Д.А. Медведев. И ни разу народ не голосовал за политика, который не у власти, т.е. за оппозицию в европейском смысле этого слова. В стране нет практики ротации власти, перехода ее к другой, оппозиционной политической силе. В современной истории страны так же нет случая передачи власти демократическим путем. В тоже время культурная память хранит следы таких событий как смута и гражданская война, дополненные воспоминаниями о «крутых 90-х». Эти периоды породили и до сих пор поддерживают в общественном сознании страх безвластия. В итоге любая власть рассматривается как меньшее зло, чем ее отсутствие.

Выражая доверие к власти, граждане демонстрируют готовность разделить ценностные и программные установки конкретной политической силы. Они объединяются с ней, делегируя ей часть своих гражданских полномочий, таких как право принимать законы, распоряжаться налоговыми поступлениями. В более широком смысле передавалось право устанавливать правила общежития в масштабах всей страны. Цена такого доверия, конечно, велика. Как следствие возникает соблазн для политиков подменить доверие внушением, использовать его плоды для достижения своих корыстных целей. Применительно к нашей стране все это проявляется особенно ярко. Начиная со времен Киевской Руси, власть не стеснялась закрепить за собой как можно больше прав, обосновывая это «мнением народа». Это вело в свою очередь к тому, что государство в России всегда было больше чем просто политический институт

Следующим фактором, поддерживающим высокий уровень доверия к государственным институтам и лицам их символизирующим, является господствующая в российском обществе авторитарно-коллективистская политическая культура. Учитывая тот факт, что политическая культура России имеет многовековые традиции и развивается на основе преемственности, она имеет ярко выраженный патерналистский характер. Вот почему с государством связывают свои интересы все основные группы населения.

Анализ социального состава респондентов^{lxiv}, выразивших доверие Президенту, позволил выделить группы с высоким (с показателями доверия от 60 до 80%), средним (от 50 до 60%), и низким (от 40 до 50%) уровнем доверия.

Высокий уровень доверия демонстрируют руководители коммерческих структур (76%), руководители госпредприятий и ответственные работники органов управления (71%), инженерно-технические работники (70%),

работники бюджетной сферы (учителя, врачи, научные работники – 62%), работники торговли и сферы обслуживания (62%). В составе данной группы в основном те, кто ориентирован на доступ к государственным ресурсам, кто непосредственно занят на государственной службе, в бюджетной сфере. Не составляют исключение и представители коммерческих структур.

Средний уровень доверия можно наблюдать у студентов (58%), рабочих (56%), пенсионеров (55%), военнослужащих и сотрудников органов охраны правопорядка (53%), работников сельского хозяйства (52%). Студенчество близко примыкает к группе с высоким уровнем доверия. Оно ориентировано на перспективы будущего роста, но его позиция пока еще отличается неопределенностью. Более низкие оценки у силовиков и работников сельского хозяйства. Что касается представителей силовых структур, то реформирование армии и милиции, кризисные явления внутри этих институтов, критика, высказываемая в их адрес, создают для многих из них ситуацию неопределенности. Все это приводит к снижению общего уровня доверия в их среде. Отметим, что средний уровень доверия демонстрируют как представители групп тесно связанных с государством (пенсионеры и силовики), так и групп занятых по найму (рабочие и работники сельского хозяйства). В целом уровень доверия здесь превышает 50%, что так же говорит о преимущественно позитивной ориентации на высшую власть.

Что касается низкого уровня доверия (менее 50%) то оно характерно для служащих (47%), безработных (40%), инвалидов (33%). Группа служащих занимает скорее промежуточную позицию. Уровень доверия здесь ближе к средним показателям. Различия находятся в пределах статистической погрешности. Возможности двух последних групп ограничены и надежды на помощь государства не всегда оправданы, что приводит к снижению доверия не только к Президенту РФ, но и к другим государственным структурам. Тем не менее, нельзя считать данный уровень оценок показателем кризисности ситуации, поскольку эти группы также сильно зависимы от государственных ресурсов (зарплаты, пособий, пенсий).

Политические предпочтения при изучении доверия говорят о том, что наиболее высокий уровень показывают сторонники «Единой России». Среди них 84% доверяют Президенту, 82% - Правительству, 63% – Совету Федерации, 55% - ГД РФ, 63% - руководству области, 55% -местному самоуправлению. Все это однозначно подтверждает тот факт, что «Единая Россия» действительно превратилась в регионе в «партию власти». Среди других политических сил присутствующих в области высокий уровень доверия Президенту демонстрируют сторонники партий «Правое дело» (75%), «Яблоко»(67%), «Справедливая Россия» (66%). Среди тех, кто доверяет Президенту большинство оценивают политическую обстановку в стране и в регионе как «благополучную и спокойную» (70% и 88 % соответственно).

Уровень доверия высок, прежде всего, в материально обеспеченных слоях населения. Те кто, высказывает доверие президенту, дают высокую оценку экономической ситуации. По мнению 88% «доверяющих» экономическое положение в стране «хорошее и очень хорошее», а 87% дают такую же оценку ситуации в области. 78% тех, кто относится к названной категории, отмечают, что материальное положение их семей «хорошее и очень хорошее», а для 83% «покупка различных товаров не вызывает трудностей». Среди тех, кто доверяет Президенту, 74% идентифицируют себя как богатые и имеющие средний достаток. Очевидно, что экономическое благополучие выступает важным фактором, на котором базируется доверие. Экономически благополучные слои населения доверяют тем институтам, которые

обеспечивают им это положение. С другой стороны, общественно-политические институты, пользующиеся доверием граждан, обеспечивают надежность и предсказуемость социальной среды, т. е., по сути, являются инструментом снижения трансакционных издержек.

Анализируя состав группы «доверяющих», можно заметить, что она вбирает в себя экономически благополучных людей, уверенных в завтрашнем дне, самоидентифицирующих себя как богатых и обеспеченных, по большей части среднего возраста, преимущественно мужчин, в основном руководителей и специалистов. Фактически эти признаки характеризуют ту социальную группу, которую называют средним классом. Именно средний класс принято считать той социальной силой, которая и формирует гражданское общество^{lxv}. Кроме того, можно утверждать, что институциональное доверие в рамках этой группы является следствием эффективной, с их точки зрения, деятельности институтов власти. Отметим, что эффективно действующие политические институты сами воспроизводят доверие, выступают в роли его генератора. В этом случае институциональное доверие гражданского общества является следствием, а не причиной эффективности действующих политических институтов. Фактически доверие имеет эндогенную природу, т.е. основано на внутрисполитических факторах.

Следует также обратить внимание на тот факт, что в области есть значительная группа людей, чья позиция выражена такими ответами как «не доверяю» и «затрудняюсь ответить» (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам (варианты ответов «полностью не доверяю» и «затрудняюсь ответить»), в % от общего числа опрошенных)

Вариант ответа	Дата опроса			
	2009		2010 год	
	Полностью и в основном не доверяю	Затрудняюсь ответить	Полностью и в основном не доверяю	Затрудняюсь ответить
Президент	10,6	11,7	12,2	5,9
Правительство	13,6	13,5	14,1	8,3
Совет Федерации	15,4	21,4	16,7	20,1
Государственная Дума	19,6	19,6	22,1	17,8
Руководство области	19,8	18,0	20,3	13,0
Органы МСУ	22,9	32,0	25,5	14,7
Профсоюзы	21,6	22,3	26,7	17,7
Общественные организации	23,8	24,4	25,3	21,3
Политические партии	28,3	23,7	31,3	19,3

Анализ социального состава респондентов, как и в предыдущем случае, позволяет выделить группы с высоким уровнем недоверия (уровень недоверия 20% и выше), средним (от 10% до 20%) и низким (менее 10%).

Анализ имеющихся данных позволяет отметить снижение доли тех, кто занимал нейтральную позицию, выраженную вариантом «затрудняюсь ответить». В то же время наблюдается некоторое увеличение доли тех, кто «полностью и в основном не доверяет» той или иной структуре. Эта группа пополняется как за счет тех, кто перестал быть нейтральным, так и за счет тех, кто утратил доверие. Среди тех, кто отказывает власти в доверии в лице Президента страны представители всех групп населения.

Более всего среди тех, кто не доверяет Президенту служащих (работников аппарата предприятий и учреждений) - 26%. Профессиональные знания рядовых сотрудников различных организаций, а так же не самый высокий уровень жизни, делают их критически настроенными в своих оценках деятельности института Президентской власти, а в его лице и власти в целом. Значительный уровень скепсиса можно наблюдать у интеллигентов не занятых на производстве (15%), ИТР (12%), безработных 11%, студентов и рабочих (10%). Недоверие демонстрируют специалисты, люди, обладающие достаточно высокой квалификацией и образованием. Среди них врачи, учителя, инженеры. Представители этих социальных групп, работая в основном в бюджетных организациях, относят себя не к самым благополучным слоям населения.

Основной состав теряющих доверие к властным структурам - «новые бедные»^{lxvi}. Это люди, имеющие профессию, высшее или среднее образование, идентифицирующие себя как бедные и нищие, неуверенные в завтрашнем дне. Значительный уровень недоверия среди данных категорий населения весьма опасен. Он может быть показателем тенденции снижения социального капитала, частью которого является социальное доверие. По выражению Ф. Фукуямы общественный капитал - это храповой механизм: в одну сторону поворачивается легко, а в другую - никак. Вот почему недоверие представляет собой своего рода институциональную ловушку для государственной власти^{lxvii}, в то время как доверие создает в обществе или его частях различные позитивные возможности. Опасно потерять этот капитал. Восстановить его будет весьма проблематично.

Отметим, что полученные в ходе исследований данные, позволяют полнее представить особенности российской социально-политической реальности, больше знать о резервах во взаимодействии государства и гражданского общества, а так же выявить актуальность самой возможности регенерации в России доверительного отношения к власти. А это в свою очередь будет способствовать процессам социально-экономического развития, формированию в обществе консенсуальных традиций, благоприятных условия для функционирования гражданского общества.

Каневский П.С. Профсоюзы и бизнес в системе представительства интересов современной России

Каневский Павел Сергеевич - кандидат политических наук, кафедра политологии и социологии политических процессов, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. baggio-18@yandex.ru

Статья посвящена анализу профсоюзов и групп интересов бизнеса как важнейших субъектов в системе социального представительства. С начала 1990-х гг. российская структура власти развивалась неравномерно, так как основные преимущества при распределении ресурсов получали и продолжают получать лишь индивиды и группы, представляющие крупный бизнес, либо близко аффилированные с властью. Это привело к тому, что группы интересов, включающие широкие слои населения, такие как малый и средний бизнес и профсоюзы, являются выключенными из политического процесса. В статье рассматриваются причины настоящего баланса сил в системе представительства интересов и особенности сложившейся модели неокорпоративизма. Проанализирован потенциал профсоюзов и групп малого и среднего бизнеса как агентов модернизации и развития гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: представительство интересов, группы интересов, лоббизм, корпоративизм, профсоюзы, бизнес в политике, политическая система, модернизация, гражданское общество

Kanevsky P.S.

Trade unions and business in the system of interests representation in contemporary Russia

Current article contains analysis of trade unions and business interest groups in the system of social representation. Since the 1990s Russian structure of power has been unbalanced, because the individuals and groups of big business including those affiliated with government benefited and still benefits during the process of resource distribution. This resulted in dismissal of the role of mass interest groups like small business or trade unions in political process. Therefore, article examines the reasons of today's status quo in the system of interests representation and characteristics of the shaped neo-corporatist model. It also features analysis of the potential influence of trade unions and small business interest

groups seen as the agents of modernization and civil society development in contemporary Russia.

Key words: interests representation, interest groups, lobbying, corporatism, trade unions, business in politics, political system, modernization, civil society

Развитие гражданского общества и модернизационные процессы – две стороны социально-политического и экономического взаимодействия между обществом и государством – в последнее время постоянно объявляются одними из главных преград, стоящих на пути дальнейшего развития страны. Однако данные проблемы, необходимость решения которых озвучиваются самыми различными политическими и общественными силами, не имеют универсального решения. Слишком просто перевести их в разряд популизма и заявлений, не имеющих ясного внутреннего содержания, что часто и происходит, когда о модернизации или гражданском обществе говорят, лишь позиционируя вопросы, но не предлагая конкретных методов их разрешения.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть эти процессы на уровне реального политического процесса – через призму взаимодействия политической системы и двух ключевых общественных групп: профсоюзов и организаций малого бизнеса. Данные группы выбраны нами не случайно. Ф.Шмиттер справедливо утверждал, что гражданское общество никогда включает в себя все виды взаимодействия между индивидами и социальными группами с одной стороны, и государством – с другой стороны. Гражданское общество «действует параллельно их прямым контактам, разделяя на отдельные фракции разнородные усилия по оказанию влияния на политику государства» [1; 17]. Чем больше подобных усилий результативно пропускают через себя институты гражданского общества (посреднические организации между властью и обществом), тем выше уровень его развития.

Очевидно, что в современных российских условиях наиболее остро встает вопрос именно об организационной структуре гражданского общества. Вопрос состоит в следующем – каким образом встроить существующие инструменты взаимодействия в механизм властных отношений, чтобы повысить мобилизационный и интегративный потенциал политической системы. Иными словами, речь идет о том, какой быть моделью социального партнерства в России, на какие группы интересов может в реальности опереться государство, если оно заинтересовано в дальнейшем социально-политическом, а, следовательно, и в экономическом развитии. Сегодня в России присутствует модель социального партнерства некорпоративного типа, однако для партнерства между государством и обществом в ней не хватает главного элемента – широких социальных слоев самого общества. И сейчас, в условиях сложной макроэкономической ситуации, вопрос о реальной (а не электоральной) опоре на массы встает особенно остро. Не случайно слова о необходимости развития гражданского общества в последние два года постоянно звучат на самом верху. Ведь в данном случае мы говорим не только о доверии граждан к институтам власти, но и о том, какую роль должна сыграть общественность, может ли она послужить фундаментом дальнейшего развития и какие условия для этого необходимы.

Сложившийся тип российского социального партнерства можно охарактеризовать как бюрократический корпоративизм, подразумевающий ве-

дущую роль правящей элиты, вокруг которой начинает выстраиваться система горизонтальных и вертикальных связей. Горизонтальные связи запускают механизм взаимодействия с прочими элитными группами (прежде всего, экономической, административной и силовой), в то время как вертикальные связи способствуют возникновению целостной политико-административной системы управления. Данная система имеет множество преимуществ в условиях демократического транзита, так как она целостна по своей природе, имеет четкую субординационную структуру и снижает риски государственного управления. Однако данная модель не способна решить главных вопросов, так как она по своей сути не способна быть отзывчивой на все нужды общества и медлительна, когда речь идет о необходимости инновационной модернизации. Выходит, что вся нагрузка ложится преимущественно на массивный бюрократический аппарат, который не способен быть эффективным инструментом модернизации, требующей рыночной гибкости, а не административного управления. К тому же в данной корпоративистской модели происходит существенный перекосяк в структуре представительства интересов.

В частности, мы хорошо можем видеть на примере стратегии борьбы с кризисом, что государство стремится оказывать помощь лишь наиболее мощным финансовым институтам, предоставляя зачастую безвозмездные или дешевые кредиты, выкупая потерявшие стоимость ценные бумаги. Эта стратегия не нова и является сегодня наиболее популярной не только в России, но и на Западе. Однако, несмотря на внешнее сходство, коренной смысл стратегий различен. На Западе предполагается, что поддерживаемые государством финансовые институты будут способствовать кредитованию реальной экономики, запуская застопорившиеся механизмы рыночной экономики. Но западная реальная экономика опирается не только на крупнейшие финансово-промышленные компании, она опирается на средний класс, на общество двух третей, на развитую сеть предприятий малого и среднего бизнеса, которые дают 40-45% ВВП в США, 50% - во Франции, 60% - в Германии, на которых занято от 70% (Германия) до 80% (в среднем по Евросоюзу) всего работающего населения страны [2]. Хотя даже эта стратегия, встречающая отпор со стороны неокейнсианцев, ратующих за стимулирование потребления, не гарантирует успеха. Волна последних бюджетных кризисов, захлестнувших Грецию, Португалию, Испанию, частично Италию, Ирландию, Великобританию – лишнее тому подтверждение.

В России же подобная стратегия направлена лишь на поддержку крупнейших, полугосударственных по своей сути компаний и групп компаний, которые хоть и составляют львиную долю экономики, не охватывают интересы конкретных групп широких слоев социума, средства продолжают распределяться по сосудам вертикали власти (которая распространяется далеко за пределы политической сферы). Поэтому теоретически возможный бюджетный кризис по европейскому сценарию вызовет разрушительные общественные процессы, что поставит под угрозу стабильность политической системы и повлечет за собой административную реакцию. Только суть этих процессов будет отлична от европейских: возможный всплеск социальной активности будет объясняться тем, что люди станут защищать свои права и социальные гарантии, не будучи встроенными в политическую и экономическую структуру общества. А это приведет скорее к *bellum omnium contra omnes*, к крайне деструктивным выступлениям, чем к системному диалогу. В основе отличия между европейскими и российскими сценариями лежит то, что люди идентифицируют себя с государством и политическими

лидерами скорее иррационально, реального партнерства между властью и обществом нет. Достаточно посмотреть на состояние российских профсоюзов, чтобы понять, что России пока достаточно далеко до неокорпоративизма скандинавско-австрийского или даже польско-чешского типа, где принцип социального партнерства и трудовых отношений институционализирован в гораздо большей степени. В этих странах сильные профсоюзы добились принятия законов, которые обеспечивали бы права и интересы рабочих в условиях трипартизма. В России же ситуация далека от социального консенсуса между сильной центральной властью, сильными крупными предпринимателями с одной стороны, слабыми профсоюзами и слабым малым и средним бизнесом – с другой. И если быстрое создание разветвленной сети предприятий малого и среднего бизнеса потребует времени, то налаживание диалога между уже существующими работодателями (особенно крупными компаниями) и профсоюзами представляется реальным уже сейчас. Правда для этого необходимо реформировать трудовое законодательство с учетом принципа данного партнерства, который зафиксирован в российской Конституции, необходимо преодолеть раскол и рассеивание независимого профсоюзного движения. Только это способно снизить вероятность конфликтного сценария.

Иными словами, в настоящее время основными субъектами лоббизма остаются по-прежнему представители крупного бизнеса, в то время как за бортом в большинстве случаев оказываются важнейшие корпоративные и ассоциативные группы, в том числе профсоюзы и ассоциации малого бизнеса.

Выше уже было сказано о роли малого бизнеса в экономике в сравнении с показателями стран Запада. Однако несмотря на свою относительно низкий удельный вес, малый бизнес в России есть, он развивается и должен рассматриваться в качестве необходимого фундамента, без которого экономика не имеет амортизации, точно также как все общество не имеет амортизации без среднего класса. Ведь еще А. де Токвиль говорил, что средний класс – это залог от революций. Точно так же и профсоюзы являются неотъемлемой частью модели социального партнерства между обществом и властью. Более того, именно профсоюзы, наряду с крупными корпорациями, стояли у истоков лоббизма, в том числе и законодательства о лоббизме (которое в России пока отсутствует), в Западной Европе, США и Японии.

Именно бизнес ассоциации и профсоюзы могут в среднесрочной перспективе стать настоящей опорой для гражданского общества и для проникновения интересов наемных работников в сферу принятия политических решений. Причем, в отличие от развития партийной системы, развитие гражданского сектора должно идти опережающими темпами. Если доминирование «Единой России» является данностью и особенностью политической системы, то слабость низовых гражданских секторов становится опасной тенденцией, так как без сильного среднего класса, который должен быть базисом политически активного населения, без организованного профсоюзного движения общество стагнирует, а потенциал развития есть только у элитных слоев.

Если говорить о роли малого бизнеса, то главное, что требуется от властей для того, чтобы развивать данный социально-экономический институт – это снятие административных барьеров и «пропуск» интересов малого бизнеса в структуры власти. В настоящее время господдержка малого бизнеса достаточно сильна, она составляет 30-40 млрд. рублей в год из федерального бюджета и примерно столько же из бюджетов региональных. Однако,

по подсчетам Национального института системных исследований проблем предпринимательства, формальные и неформальные выплаты (в т.ч. коррупционные) малого бизнеса превышают выделяемые средства в 30 раз [3], что делает этот сектор убыточным и непопулярным среди граждан. Так, если в 2004 году каждый третий (31%) гражданин хотел бы заняться бизнесом (причем среди респондентов моложе 35 лет таких было 55%) [4], то в 2007 желающих было уже 18% [5]. При этом из тех, кто занимается малым бизнесом, 80% не довольны своим положением, 88% боятся в любой момент лишиться собственности, а две трети жалуются на коррупцию. В то же время, как показывают опросы, среди «белых воротничков» крупных городов идея открытия собственного бизнеса по-прежнему популярна, хотя и не так, как в начале 2000-х гг., сейчас об этом подумывают 39%, причем в основном – это молодые люди с высшим образованием до 35 лет [6].

Сейчас правительство и партии стараются делать упор на развитие малого и среднего бизнеса, частично встраивать его в лоббистские сети, чего не было ни в начале 1990-х гг, когда был расцвет криминального лоббизма, ни в конце 1990-х – начале 2000-х гг., когда лоббистская деятельность характеризовалась исключительным усилением корпоративного лоббизма. В 2007 г. был принят закон «О развитии малого и среднего предпринимательства РФ», который упростил ведение налогового учета, создание отчетностей и ввел упрощенные модели приватизации государственного и муниципального имущества. Однако по-прежнему политический вес малого бизнеса мал и не идет в сравнение с тем уровнем влияния, который имеют крупные корпорации. Примером тому может служить то беспрецедентное доверие, которым пользуется главный коллективный лоббист крупного бизнеса – Российский Союз Промышленников и Предпринимателей (РСПП), чья совокупная доля в ВВП достигает 80% [7], в то время как согласно стратегии правительства, основную часть ВВП должен формировать малый бизнес (до 60%), хотя сейчас эта цифра едва превышает 15%. Помимо этого, РСПП недавно получил эксклюзивное право участвовать в заседаниях правительства, что еще более упрочивает позиции крупного бизнеса и усиливает без того крепкие горизонтальные связи между исполнительной властью и корпорациями. Президент одной из наиболее видных независимых ассоциаций малого бизнеса «Опора России» С.Борисов уже заявил, что такая конструкция «выглядит однобокой» и не учитывает интересов широких предпринимательских слоев [7]. При этом глава РСПП А.Шохин уже заявил, что оптимальным вариантом для союза была бы частичная интеграция в правительство. Это говорит о том, что крупный бизнес стремится установить еще более тесную и неформальную связь с политической системой, фактически монополизировав функцию медиации.

С другой стороны, говоря о необходимости развития бизнеса в стране, надо помнить, что предпринимателям также надо менять модели поведения, так как образ бизнесмена в стране дискредитирован в результате все тех же коррумпированности, аффилиации бизнеса и власти, развитию теневой экономики, которая составляет, по различным данным, от 30% до 50% всей российской экономики [8]. Бизнес должен уметь быть социально-ориентированным, что заключается не в простой уплате налогов, но в ориентации на решение общенациональных проблем. Сейчас же бизнес преимущественно демонстрирует стремление к получению прибыли, перераспределению средств федерального и региональных бюджетов, правительственных фондов, а не к инвестированию в социальную сферу или участию в проектах, имеющих особое значение для экономики страны. Но это объяс-

няется не только правовыми причинами, отсутствием налоговых льгот и т.д. Это заключено в особых ролевых моделях, которые сформировались в российской предпринимательской среде и которые в большинстве случаев ориентированы на получение собственности, нежели на долгосрочное развитие инфраструктуры.

России все еще предстоит пройти путь нахождения цивилизованного диалога между предпринимателями и властью, но его необходимо находить достаточно быстро. Высказанная Д.Медведевым формула «четырех И» (институты, инфраструктура, инвестиции, инновации) по-прежнему упирается в старые проблемы: недостаточно проработанную правовую базу, чрезмерную коррумпированность, отсутствие налаженных механизмов честной конкуренции, отсутствие гражданских ассоциаций, способных контролировать действия властей на муниципальном уровне, вступать с ними в контакт, консультации, но не в прямые партнерские отношения как это происходит сейчас. На этом фоне единственным эффективным элементом обратной связи между гражданским обществом и политическим классом становится теневая лоббистская деятельность. Причем естественное преимущество получают те группы интересов, который располагают наибольшим объемом ресурсов. Именно в такой системе отношений партикулярные интересы политического класса и чиновничества оказываются сильнее государственного интереса, потому что, как отмечает ряд исследователей, «преимущества в конкуренции получают почти всегда предпринимательские структуры, созданные органами власти для реализации собственных интересов или близкие к ним» [9; 31]. Интересы малого и среднего бизнеса отходят в этой системе отношений на второй план.

Выходов из данной ситуации не так много. Помимо предоставления большей свободы низовому предпринимательскому сектору, необходимо создавать институциональные основы для повышения гражданской активности и сознательности, а также, как ни банально это звучит, новые институты борьбы с коррупцией. Мировой опыт предоставляет немало примеров создания подобных институтов. Например, Бюро по расследованию коррупции в Сингапуре, обладающее полной политической и функциональной самостоятельностью и отчетное напрямую премьер-министру. Ни один министр не вправе вмешиваться в деятельность Бюро, которое ведет полный контроль за всеми административными уровнями. Также в стране существуют дополнительные коррупционные «фильтры», в особенности в тех министерствах, которые имеют прямой контакт с экономическим сектором. В частности, в 1970-е гг. сингапурским министерством финансов была запущена масштабная антикоррупционная программа, которая дала ощутимые плоды к концу десятилетия. С 1980-х гг. и по сей день Сингапур является одной из наименее коррумпированных стран мира [10; 37-41].

Примечателен и пример Южной Кореи и особенно Сеула, запустившего в конце 1990-х гг. программу «Open», позволившей снизить уровень коррупции в столице в 6 раз. Программа включает в себя 4 основных пункта: 1) Превентивные меры (ослабление госрегулирования на муниципальном уровне; чиновник перестал быть приписанным к конкретному району и вынужден рассматривать заявления из разных мест); 2) Репрессивные меры (взяты под личный контроль мэра города, введена система прямого обращения к градоначальнику); 3) Прозрачность деятельности (постоянно публикуемый индекс антикоррупционных показателей); 4) Сотрудничество (включает в себя подписание между частными лицами и госслужащими т.н.

«Договора о неподкупности», который указывает меру наказания обеих сторон в случае коррупционных действий) [10; 41-48].

Тем не менее, изменение моделей поведения зависит не только от создания правовой базы для борьбы с коррупцией, необходима культурная и моральная база, которая развивает чувство ответственности. Ведь в конечном счете именно ценностная ориентация задает человеку систему мыслительных и поведенческих установок, которые составляют его поведенческий кодекс. В России сложилась поляризованная политическая культура, когда базовые ценности не совпадают у целого ряда слоев населения (разрыв горизонтальных субкультур, характеризующийся отсутствием единой системы ценностей в обществе), а также у элиты/администрации и населения/электората (разрыв вертикальных субкультур). Для смены моделей поведения требуется развитие культуры гражданина, когда человек соизмеряет свои интересы с интересами других людей, когда человек вступает в социальные отношения, базирующиеся на взаимном доверии (которое подкрепляется действующими нормами права), иными словами, гражданин (независимо от собственного статуса) должен быть социально ответственным. Как уточнял Ф.Шмиттер, для достижения баланса ответственности требуется и баланс между политикой государственной власти и нормами сосуществования индивидов. Со своей стороны государство должно обеспечивать свободу собраний, петиций и ассоциаций, налаженные каналы социального представительства, гарантии участия в политике для граждан. Со стороны же граждан требуется развитое групповое сознание, готовность участия в коллективных акциях [1; 23-24]. Это способствует развитию горизонтальных связей, когда граждане, действуя исходя из коллективного интереса, формируют базис гражданского общества, институциональную основу которого составляют упомянутые предпринимательские организации, экологические, гендерные, религиозные организации, наконец, профсоюзы.

В данном случае гражданское общество учит людей организации, чувству кооперации, пониманию сущности политического процесса, способствует формированию самоидентификации и общинных ценностей. В этом смысле в гражданском обществе отсутствует конфликт между индивидуализмом и коллективизмом, как на том настаивают некоторые исследователи. Гражданское общество лишь фиксирует достаточный уровень политических ограничений и наделяет государственные органы определенным объемом властных полномочий. Конечно, нельзя забывать, что идея гражданского общества может быть неверно истолкована как властью, так и гражданами, что чревато перекосами в политическом процессе и дестабилизации политической системы. Однако и конфликты между гражданским сектором и официальной властью также неизбежны, так как являются неотъемлемой частью взаимодействия и, в конечном счете, приводят к появлению новых консенсусов и трансформации общественного договора исходя из ситуационных и временных реалий. Суть в том, что двустороннее взаимодействие между организованным гражданским обществом (либо хотя организованными его сегментами) и властью является большей гарантией стабильности для политической системы, нежели одностороннее влияние сверху вниз, когда государство либо пытается симулировать (а не стимулировать) гражданскую активность, либо вести диалог с неорганизованными сегментами.

В качестве одного из сегментов групповой гражданской активности мы рассмотрим профсоюзы. Внимание к данному типу группы интересов объясняется двумя факторами. Во-первых, профсоюзы являются по настоящему массовым горизонтальным сектором гражданской активности и

самоорганизации, которые позволяют воспитывать в людях чувство социальной ответственности и то, что можно назвать культурой гражданина. Во-вторых, профсоюзы являются необходимым элементом в системе трипартизма – некорпоративной модели, включающей в себя взаимодействие бизнеса (работодателей), профсоюзов и государства.

Российский трипартизм в настоящее время находится в сложном состоянии. С одной стороны, после крушения советской системы, российскими профсоюзами была унаследована мощная организационная структура с высоким уровнем членства наемных работников. Однако механизм взаимодействия между профсоюзами и политической системой является многоуровневым, так как помимо права конвенционального участия, профсоюзы должны обладать также конкретным механизмом взаимодействия с органами государственной власти. А это значит, что с институциональной точки зрения профсоюзы должны быть встроены в процесс принятия политических решений, они должны иметь свою политическую базу в виде партий и групп давления, которые были бы способны согласовывать все основные вопросы. Что касается контекстуальной точки зрения, то здесь необходимо, чтобы профсоюзы имели твердую опору в обществе, чтобы они выполняли функции консолидации наемных рабочих и их интеграции в правовую систему, в систему гражданского общества.

С самого начала перехода на рыночные отношения как центральное правительство, так и регионы также неохотно шли на диалог с профсоюзами, предпочитая тактику наименьшего сопротивления и делая ставку на лояльность профсоюзных лидеров, прежде всего, в структуре Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) – главного наследника ВЦСПС (Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов). Начав в с начала 1990-х гг. развивать трехстороннее сотрудничество, на первое место в этом диалоге вышли ФНПР со стороны наемных работников и Координационный совет объединений работодателей (КСОР), в который входит 35 объединений, со стороны компаний. В целом, трехсторонние соглашения, начиная с 1994 г., стали нормой [11]. Развитию социального партнерства способствуют и распоряжения глав регионов и муниципальных образований о проведении коллективно-договорной кампании. Подобные соглашения подписываются в среднем на два года: в последнее время в России были подписаны трехсторонние соглашения между РСПП, профсоюзами и руководством ЦФО, аналогичные соглашения заключались в Москве, Санкт-Петербурге, Уральском федеральном округе, Приморском крае, Оренбургской области, Воронежской области и пр. На первое место в данных соглашениях выходят основные принципы модернизации, в том числе озвученные президентом Д.Медведевым. Например, в соглашении между РСПП, властями и профсоюзами ЦФО особо были оговорены программы по развитию малого и среднего бизнеса, развитие территорий инновационного развития, инновационного бизнеса, вопросы реструктуризации промышленного сектора, а также роль наукоградов [12]. Однако верен ли вывод о том, что российский трипартизм идет по пути модернизации или же это простое следование политической конъюнктуре?

Создается впечатление, что российское законодательство полностью соблюдает баланс интересов между профсоюзами, бизнесом и властью. Формально это подтверждают и данные Росстата, согласно которым забастовочное движение в России сошло на нет. Эти данные показывают, что всплеск протестной активности пришелся на 2004-2005 гг., что часто объясняется т.н. «законом Токвиля», согласно которому в период экономического

роста материальные требования граждан к государству начинают расти. Действительно, в период благоприятных макроэкономических показателей многие граждане начали требовать улучшения своего материального положения и фактически старались саботировать работу. С другой стороны, нельзя забывать, что принятые в 2005 году поправки в Трудовой кодекс максимально усложнили проведение легальных забастовок, а прочие выступления работников — или как их принято называть «трудовые конфликты» Росстат не учитывает [13]. Например, по данным ФНПР, в 2007 году реальных забастовок было 1047, а не 7, как на то указывают данные Росстата. Более того, за 2009 и первое полугодие 2010 Росстатом была зарегистрирована лишь одна забастовка.

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что низкая забастовочная активность последних лет — не следствие удачных трехсторонних договоренностей, а следствие изменения трудового законодательства и давления институтов власти (в особенности региональных) и работодателей на независимые профсоюзы. Фактически в трехстороннем переговорном процессе происходит явный перекося в сторону власти и бизнеса в то время как профсоюзам отводится второстепенная роль. Например, статья 413 Трудового кодекса объявляет незаконными забастовки в больницах, на предприятиях энерго-, тепло- и водоснабжения, авиационного, железнодорожного и водного транспорта, связи, если ее проведение «создает угрозу обороне страны и безопасности государства, жизни и здоровью людей», не конкретизируя понятия угрозы жизни и безопасности [14].

В статье 410 Трудового кодекса сказано, что решение о забастовке должно быть одобрено более чем 50% работниками, что делает ее невозможной на предприятиях с непрерывным циклом производства. С другой стороны, на профсоюзы часто оказывается непосредственное давление со стороны властных органов, в частности, прокуратуры и милиции. Такая позиция со стороны власти позволяет многим руководителям государственных и частных предприятий не обращать внимания на выступления профсоюзных лидеров.

С другой стороны, профсоюзное движение бессмысленно сводить к забастовочным движениям. К тому же надо помнить, что профсоюзы являются порождением коллективистской философии и исторически присущи далеко не каждой политической культуре. Не вдаваясь в историю зарождения профсоюзного движения в мире, скажем лишь в России сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, в массовом сознании профсоюзы имели четкую опору в виде политической культуры, построенной на социалистических идеалах. С другой стороны, профсоюзное движение в СССР никогда не было независимым выразителем интересов рабочих, оно считалось таковым априори, но в реальности рабочие практически не имели инструментов для противодействия работодателям или властям. Поэтому сегодня в России профсоюзное движение все еще находится в стадии болезненной трансформации, избавляясь от советского наследия. Однако тоже самое можно сказать и о всей системе российского трипартизма. Самое сложное в трипартизме — это нахождение баланса интересов между всеми действующими субъектами. Но чем менее данные акторы встроены в процесс принятия решений, тем меньше их удельный вес в трехстороннем взаимодействии и тем меньше их шансы на равноправный диалог.

Нельзя сказать, что российские профсоюзы не встроены в процесс принятия решений. Это поле фактически оказалось монополизировано единичными крупными профсоюзами, наподобие ФНПР и «Соцпрофа», кото-

рые высказываются от имени всего сообщества наемных работников. Хотя с конца 1990-х гг. в ряде субъектов Федерации принятие трехсторонних соглашений между властями, профсоюзами и нанимателями стало нормой, в этот процесс совершенно не включены предприятия малого и среднего бизнеса. Иными словами, на уровне «профсоюзы-работодатели» диалог идет между крупными игроками с обеих сторон. Точно также как ФНПР представляет все профсоюзное движение с одной стороны, интересы бизнеса репрезентированы в основном такими гигантами как РСПП, практически не учитывающих интересы малого и среднего бизнеса. В конечном счете, это приводит к недоверию со стороны населения к малому бизнесу с одной стороны (см. данные выше), и к профсоюзам – с другой. Так, по данным ВЦИОМ, почти половина россиян (45%) ничего не предпринимают в случае нарушения их трудовых прав, в профсоюз в подобных случаях обращаются лишь 4% граждан, в то время как 21% стремится обращаться напрямую к начальству [15]. Лишь 41% опрошенных знают, что на их предприятии есть профсоюз, хотя еще в 2005 г. таких было 49%. 44% уверены, что профсоюза на их предприятии нет вовсе. Только 6% считают, что влияние профсоюза на месте их работы велико, 35% считают, что профсоюз мало влияет на положение работников (среди членов профсоюзов соотношение составляет 20% на 76%). Количество членов профсоюзов, по различным данным, уже стремится опуститься ниже отметки в 20%, хотя еще 5 лет назад оно составляло 35%.

Выходит, что из трехсторонних консультаций оказываются выключены широкие социальные общности, а вся нагрузка по защите интересов ложится на руководство упомянутых корпоративных групп. Например, в прошлом году Конституционный суд принял определение, которое позволяет предприятиям увольнять не освобожденных профсоюзных активистов без согласия вышестоящей профсоюзной организации. По мнению разработчиков, активисты имели необоснованные преимущества по сравнению с другими работниками, что несовместимо с положениями статьи 19 Конституции о равенстве всех перед законом и судом. Однако в реальности поправка открывает новые возможности для руководства предприятий увольнять профсоюзных активистов без согласия с вышестоящей профсоюзной организацией [16]. Принятие данного положения является важной победой руководства РСПП, так как фактически лишает какого-либо влияния профсоюзных активистов среднего уровня. Тем не менее, поправка пока не приняла силу закона, т.к. рассмотрение вопроса в Госдуме отложено на 2011 г. Точно также как отложено окончательное рассмотрение вопроса об увеличении рабочей недели. Несмотря на то, что идея была отвергнута на уровне президента, РСПП собираются обсудить в рамках специально созванной трехсторонней комиссии.

Иными словами, механизм принятия решений в рамках российского трипартизма не просто централизован, он фактически исключает какие-либо серьезные консультации как с низовым сектором профсоюзов и с независимыми профсоюзами, так и с представителями малого и среднего бизнеса. В российской системе трипартизма давно назрели серьезные перемены, требующие активной позиции со стороны властей. Всплеск приватизации в 1990-е гг., скачкообразный переход экономики на рыночные рельсы означали, что Россия, едва успев выйти из социалистической системы, моментально приняла либеральную модель развития. Однако ни политическая культура, ни политическая система к этому переходу оказались не готовы, в результате чего широкие слои населения оказались выключены из реального

политического процесса, а точнее – просто не успели в него включиться. Сегодня перед Россией очень остро стоит вопрос нахождения новых точек опоры для политической системы, заявленные модернизационные процессы не могут базироваться ни на чисто либеральной, плюралистической модели, ни на принципе бюрократического корпоративизма. Необходим тот самый третий путь, который мог бы совместить принципы рыночной экономики с социал-демократической доктриной.

Другими словами, необходимо совместить умеренное вмешательство государства в экономические вопросы с рыночными механизмами. На практике это означает следующее:

1) Нельзя допускать дальнейшего перераспределения ресурсов в пользу крупного бизнеса, так как именно это, в конечном счете, ведет к деградации системы представительства интересов, дезинтеграции широких социальных слоев, усилению социального неравенства и системной коррупции. Господство крупного бизнеса держится исключительно на его аффилиации с интересами чиновничества, что формирует т.н. «железные треугольники лоббизма», когда доступ к центру принятия решений имеют лишь привилегированные группы интересов. Необходимо создание независимых и, главное, поддерживаемых ведущими политическими силами, ассоциаций малого и среднего бизнеса, наподобие американской Администрации малого бизнеса – «коллективного лоббиста и юриста» малого бизнеса, имеющего значительное влияние в Конгрессе. Это должно привести к усилению данного социально-экономического слоя, а, следовательно, к перераспределению сил в системе трипартизма.

С другой стороны, подобный шаг неизбежно запустит процесс децентрализации целых отраслей экономики. Спустя несколько лет с начала процесса образования госкорпораций, многие эксперты признают, что подобная форма хозяйствования не приводит к кардинальным изменениям. В то время как нефтегазовая отрасль прогрессирует, инфраструктура топливно-энергетического комплекса деградирует, в кризисном состоянии находится система воздушного транспорта, в рамках госкорпораций появляются частные монополии (например, в портах Дальнего Востока и Новороссийска, к тому же близко аффилированные с местной властью), происходит стагнация военно-промышленного комплекса, где относительно устойчиво чувствуют себя лишь предприятия, ориентированные на экспорт. Логика создания госкорпораций заключалась в снижении административной нагрузки и коррупции, но в реальности они повлекли за собой значительное увеличение расходов, повышение рисков, снижение экономической прозрачности. Частный сектор развивать необходимо, однако для этого нужны более эффективные инструменты, нежели чрезмерно бюрократизированные госкорпорации. Необходимы те самые посредники, действующие параллельно прямым контактам, выполняющие функцию медиации между бизнесом и государством. При этом очевидно, что больший допуск к данному взаимодействию малого и среднего бизнеса позволит создать гораздо более прочную и устойчивую экономическую инфраструктуру.

2) Та же логика касается и развития профсоюзного движения – на смену чрезмерно бюрократизированным профсоюзным конгломератам должны придти более мобильные структуры, способные ориентироваться в быстро меняющихся экономических условиях. Но чтобы говорить о централизации, либо децентрализации российского профсоюзного движения, необходимо сначала создать такие профсоюзы, которые адекватно отвечали бы вызовам времени. Очевидно, что старая модель трипартизма, существовав-

шая во многих странах Европы после Второй Мировой войны, постепенно утрачивает былые формы. Это связано опять же с видоизменением мировой рыночной системы. Например, в Австрии классическая неокорпоративистская модель, продержавшаяся в стране более полувека, начала распадаться с начала 2000-х гг. и сейчас австрийское профсоюзное движение переживает период децентрализации. Изначально, это процесс был спровоцирован развитием финансовых и промышленных групп, которые нарушили тонкий баланс сил в трехстороннем партнерстве и профсоюзные лидеры стали занимать различные позиции по одним и тем же вопросам. В конечном счете, государство приняло сторону бизнеса, начав в конце 1990-х гг. процесс передачи большинства государственных и в основном убыточных предприятий в частные руки, что должно было способствовать реструктуризации капитала и улучшению экономического климата в стране [17; 245-59].

Из примера Австрии следует, что профсоюзное движение находится в прямой взаимосвязи с колебаниями между либеральными и социал-демократическими принципами. Чем больше свободы дается частному капиталу, тем больше вероятность децентрализации профсоюзов, чем выше структурная роль государства в экономике, тем сильнее и централизованнее профсоюзное движение. Тем не менее, применительно к современной России, какой-либо четкости по выбору пути развития нет. Выходит, что после оглашенного Путиным 10 лет назад принципа «равноудаленности олигархов от власти», государство обладает ключевым влиянием в экономике, но при этом взаимодействует с представителями крупного бизнеса. В результате мы получаем модель чрезмерной централизации профсоюзов, что выливается в отсутствие профсоюзной консолидации и в то, что данные группы интересов имеют минимальный уровень легитимности с начала 1990-х гг.

Таким образом, для того, чтобы создать новую модель социального партнерства, которая послужила бы реальным базисом для развития гражданского общества и модернизационных процессов, государству необходимо выработать четкую систему баланса сил. Причем выработать ее на нескольких уровнях – идеологическом, нормативном и институциональном. С точки зрения идеологии необходимо разработать четкую доктрину, которая отвечала бы реальному уровню развития политической и экономической культуры страны. Мы не стараемся дать универсального ответа на вопрос, какой должна быть эта идеология, однако очевидно, что страны умеренного социал-демократического спектра в Европе дают много пищи для размышлений. Есть множество оснований считать, что только движение в сторону умеренного социализма способно нивелировать последствия радикального либерализма и чрезмерной централизации власти. С нормативной точки зрения речь идет о создании целых отраслей законодательства, посвященных правовому регулированию взаимодействия бизнеса и групп интересов. В том числе это касается и профсоюзного движения. Наконец, с институциональной точки зрения нужно стремиться к обновлению и созданию новых элементов организационной структуры гражданского общества, которые позволили бы перевести трехстороннее взаимодействие на уровень реального политического процесса с вовлечением в него широкой общественности.

Литература

1. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. №5.
2. Необходимость и направления развития господдержки среднего бизнеса в России // Интернет-портал общероссийской общественной ор-

- ганизации «Деловая Россия». 15.12.2009 / <http://www.deloros.ru/main.php?mid=22&doc=19101>
3. Коптюбенко Д. Три года со скидкой // РБК Daily. 25.08.2010 / <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/25/>
 4. Почему начинают заниматься малым бизнесом // База данных ФОМ. 2004 / <http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/of0427/of042706>
 5. Бизнес умирает медленно, но верно // Фонд деловая перспектива. 2007 / http://www.ofdp.ru/news/_news261207at085012/full.shtml
 6. Чепуренко А. Народ не хочет работать на государство // Особая буква. 04.06.2010 / <http://www.specletter.com/ekonomika/2010-06-04/narodne-hochet-rabotat-na-gosudarstvo.html>
 7. Бутрин Д., Нетреба П., Николаева Д. Олигархи в России еще посидят // Коммерсантъ. №4302. 12.01.2010.
 8. Грозовский Б. В тени российской экономики // Forbes. 06.09.2010. / <http://www.forbes.ru/ekonomika-opinion/finansy/55507-tenevaya-rossiya>
 9. Сатаров Г.А., Римский В.Л., Головщинский К.И., Пархоменко С.А. Антикоррупционный гид для малого и среднего бизнеса (Первая попытка). М., 2004.
 10. Номоконов В.А. Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней. Владивосток, 2004.
 11. Сергеев А.И. Своеобразие российского трипартизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №99.
 12. Координационный совет РСПП в ЦФО подписал Трехстороннее соглашение и принял участие в работе Совета при полномочном представителе Президента РФ в Центральном федеральном округе // Официальный сайт РСПП. 09.12.2010 / <http://рспп.рф/news/view/385>
 13. Забастовочная стабильность // Ё-Власть. №48 (802). 08.12.2008.
 14. Глубина протеста // Ведомости. 29.01.2008 / <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2008/01/29/140581>
 15. Роль профсоюзов в современной России. Опрос ВЦИОМ. 2009 г. / <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/10827.html>
 16. Олег Шеин: Стихийная сила, с которой сложно договариваться, никому не нужна // Накануне. 12.02.2010 / <http://www.nakanune.ru/articles/14492>
 17. Blaschke S. Austria: Corporatist Unionism in Crisis // Phelan C. Trade union revitalisation: trends and prospects in 34 countries. Oxford, 2007.

Когай Е.А. Политическая культура и гражданская активность: региональный аспект

Когай Евгения Анатольевна - доктор философских наук, профессор, Зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета, член Общественной палаты Курской области. kogay@kursknet.ru

Статья представляет результаты социологического исследования, посвященного проблемам гражданской активности и политической культуры населения Курской области. Автор фокусирует внимание на том факте, что жители региона в целом принимают демократические преобразования в стране, вместе с тем не спешат проявлять собственную гражданскую активность в решении экономических и политических проблем.

Ключевые слова: социокультурные трансформации, гражданское общество, активность, политическая культура, Курская область

Kogay E.A. The political culture and the civil activity: the region's aspect

The article presents the results of the sociological researches of the problems of the civil activity and political culture of the Kursk region's population. The author focuses the attention of the fact that the region's inhabitants accept the democratic transformations in our state in whole, but they are not quick to manifest their own civil activity in the decision of economic and political problems.

Key words: sociocultural transformations, civil society, activity, political culture, Kursk region

Два десятилетия население России живет в условиях экономических, социокультурных и политических трансформаций. Соответственно представляется важным обратиться к вопросу о том, насколько изменилось само общество под их влиянием. Есть ли смысл говорить сегодня о серьезных продвижениях в сторону построения гражданского общества в нашей стране? Насколько важны сегодня для жителей страны и ее регионов ценности гражданского общества? Готовы ли они активно заявлять о себе этом обществе? Каков уровень политической культуры населения страны?

Отмечу, что обозначенные вопросы стали предметом специального регионального полевого исследования на тему «Гражданская активность и

политическая культура населения региона», проведенного в марте-апреле 2010 г. сотрудниками научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в рамках подготовки ежегодного доклада Общественной палаты региона «О состоянии гражданского общества в Курской области» [1].

При проведении исследования его организаторы исходили из твердого убеждения в том, что демократические преобразования, которые происходят на постсоветском пространстве, могут привести к позитивным результатам лишь при условии активного участия общества, которое должно вызревать в качестве гражданского общества [2; 10-24]. И понятно, что гражданская активность (или пассивность) во многом зависит также от экономических, психологических и ситуативных факторов, а также от той социально-политической атмосферы, которая складывается сегодня в России и её регионах.

Социологические исследования, проводимые ВЦИОМ, ФОМ, «Горбачев-фондом», ЦИСИ Института философии РАН, проявляют постепенную переориентацию российских граждан на новые ценности в экономической, политической и культурной сферах. Об этом, в частности, свидетельствует показатель высокого уровня «социального оптимизма», на который не оказал существенного влияния даже финансово-экономический кризис, а также довольно устойчивые показатели удовлетворенности жизнью. Вместе с тем в сфере политической жизни большинство граждан страны предпочитают оставаться в позиции «наблюдателя», проявляют явное нежелание активного участия в социально-политических процессах. Тем самым потенциал гражданского саморазвития общества остается нереализованным.

Однако современные исследователи совершенно справедливо заявляют о необходимости осуществления трансформации стратегических установок властных структур: на место поощрения пассивности приходит подталкивание к участию в управлении, одобрение молчания сменяется призывами высказываться [3; 57]. Все более очевидной становится необходимость выстраивания каналов обратной связи между органами власти и общественностью. Соответственно есть основания предполагать, что обращение к проблемам диагностики состояния общественной активности населения российских регионов способно наметить те индикаторы, на которых следует акцентировать внимание при разработке и реализации стратегий социально-экономической политики регионов, в осуществлении проектов развития самоуправления.

Обратимся к результатам регионального исследования. В ходе его проведения было опрошено 1000 респондентов в 47 населенных пунктах Курской области. Выборочная совокупность формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов. Ошибка выборки по одному контролируемому признаку не превышала 3%. На этапе сбора социологической информации использовался метод формализованного (стандартизированного) интервью. При анализе данных применялись частотные распределения. Следует отметить, что перед нашими глазами предстала амбивалентная картина, что результаты полевых исследований наводят на серьезные размышления. Обратимся лишь к некоторым из полученных результатов.

Прежде всего, исследование показало, что более 73% респондентов довольно отчетливо продемонстрировали интерес к вопросам политической жизни. Это довольно высокий показатель, что неудивительно. Последние 20 лет российское население живет в условиях перманентных социально-

политических и экономических трансформаций. Соответственно, с политическими процессами жители региона связывают изменения в своей собственной жизни. Вместе с тем данный показатель подвергает сомнению утвердившийся стереотип об аполитичности россиян. Лишь каждый четвертый (26,3%) обнаружил индифферентное отношение к политике, высказал убеждение в том, что события политической жизни его непосредственно не касаются.

Одним из ключевых вопросов проведенного исследования был вопрос о признании необходимости утверждения в России демократии и гражданского общества: «Нужны ли России демократическая система и развитое гражданское общество?». Здесь, как и на предыдущий вопрос, были получены довольно весомые показатели, указывающие на востребованность демократических норм в современной жизни. Так, более трех четвертей респондентов (75,3%) указали на необходимость утверждения в России демократической системы и развитого гражданского общества, при этом лишь один из десяти (10,6%) высказал позицию о ненужности утверждения в стране демократической системы.

Вместе с тем распределение ответов на вопрос о степени влияния народа на власть и политические решения фактически проиллюстрировало характеристику русской власти как моносубъекта русской истории, данную Ю.С. Пивоваровым. Так, отвечая на вопрос «Способен ли, по Вашему мнению, народ повлиять на власть (политические решения)?», менее четверти респондентов (23,4%) высказали надежду на проявление такой способности. Более двух пятых опрошенных (42,6%) сочли свою способность влияния на управленческие решения довольно ограниченной, а практически каждый третий респондент (30%) высказал твердую убежденность в неспособности влияния граждан России на политические решения. Я полагаю, что данная установка не оставляет оптимистических надежд на активное вовлечение жителей региона, как впрочем, и всей страны, в процесс принятия важных политических решений. В этом плане следует согласиться с утверждением Ю.С. Пивоварова о том, что важнейшей характеристикой *русской власти* является её дистанционный, внеположенный обществу характер. «На Западе, – справедливо отмечает он, – власть есть продукт и следствие гражданского общества, складывающегося в XVIII-XIX веке. В России Власть – предпосылка общества...» [4; 28-29]. Созреет ли данное общество в качестве гражданского?.. – вопрос довольно непростой, так как преодолеть дистанцию между Властью и обществом зачастую оказывается практически невозможно.

Тем не менее, жители области заявили о разнообразных формах своего личного участия в политической жизни страны и региона. Среди форм участия доминирует такая форма, как голосование во время выборов (72,3%), на втором месте стоит вовлечение в решение проблем благоустройства территории (32,1%), на третьем – участие в разнообразных массовых мероприятиях (21,9%). Заметим, что о личном участии в деятельности общественных организаций сообщили не более 8% опрошенных, – на сегодняшний день, пожалуй, это и есть тот *ресурс гражданского общества* (совсем небольшой), который вовлечен в организованную общественно-политическую деятельность.

Что же побуждает людей к участию в общественной и политической жизни? Следует подчеркнуть, что ответы на данный вопрос показали, что 2/5 опрошенных не хотят смиряться с существующим положением вещей, они стремятся изменить жизнь к лучшему. Еще примерно 1/4 часть высказала

убеждение в том, что утверждение подлинной демократии невозможно без участия граждан в политической жизни страны. Более 13% ответивших отметили свой неподдельный интерес к участию в общественной и политической жизни, свыше 14% опрошенных указали, что они стремятся своим участием решить важные проблемы, отстаивать свои интересы.

На желание проявить протестные настроения, на принуждение к проявлению общественной активности указала совершенно незначительная часть опрошенных – чуть более 3%. Тем самым можно сделать вывод о том, что мотивация к участию в политических действиях населения региона по преимуществу носит конструктивный характер.

Несомненно, представляет интерес также аргументация ответов о том, почему люди не принимают участия в общественной и политической жизни. В проведенном исследовании аргументы в пользу неучастия в политической жизни высказала совсем небольшая часть опрошенных. Среди них больше всего оказалось тех, кто не проявляет к политическим процессам интереса в целом (чуть более 10%), за ними следуют те, кто не прочь проявить гражданскую активность, но для этого, как они полагают, им не предоставлялось соответствующей возможности (6,5%), а также занятые работой и учебой (5,8%). Вторая из обозначенных категорий представляет собой незадействованный потенциал гражданского общества, который можно использовать в привлечении к деятельности НКО, а также других общественных организаций и объединений. Негативное отношение к политической деятельности проявили совсем немногие – менее 3%. Примерно столько же респондентов высказали недоверие к существующим общественным организациям и политическим партиям. Тем не менее, следует обратить внимание на тех, кто фактически опустил руки, кто высказал уверенность в том, что участие в политической жизни – это безнадежное дело. Их не так уж и мало – свыше 8 % опрошенных.

Утверждение гражданского общества, несомненно, требует создания соответствующих условий. Что это за условия? Какими его видят граждане Курской области? Ответы на данный вопрос отчетливо проявляют ценностные сдвиги в политическом сознании населения региона – каждый третий опрошенный высказался в пользу активизации позиции граждан в отстаивании своих прав, в пользу проявления большей самостоятельности. Вместе с тем они продемонстрировали значительный вес патерналистических настроений – каждый третий счел нужным отметить, что органы власти должны привлекать население к решению важных общественных проблем, проявлять к нему «отеческую заботу», гарантировать социальную помощь и защиту. Следует также отметить, что примерно треть опрошенных совершенно справедливо отметила одну из важнейших черт гражданского общества – обеспечение экономических свобод – это те, кто указал на необходимость избавления людей от материальной нужды. Фактически каждый четвертый подчеркнул важность для гражданского общества проявления ответственности за происходящее и причастности к нему, а также усиления эффективности деятельности институтов гражданского общества. Наконец, практически каждый десятый отметил необходимость повышения политической культуры россиян.

Построение гражданского общества, несомненно, связано с утверждением целого круга прав и свобод. Вместе с тем в российском обществе это утверждение сталкивается с многочисленными препятствиями. Соответственно в нашем исследовании гражданам региона был задан вопрос: *«Какие из основных гражданских прав и свобод сегодня наиболее важны, и какие труднее всего реализовать таким людям, как вы?»* Далее предлагалось вы-

брать до трех вариантов ответов и всех (их было 18) возможных. Согласно результатам исследования, на первом месте по важности и сложности реализации оказалось право на охрану здоровья (50,1%), на втором – право на социальное обеспечение (40,4%), на третьем – право на жилище (35,5%). Далее идет право на труд (31,5%) и замыкает пятерку приоритетов право на защиту своих прав и свобод (20,7%). Довольно значимы также права на образование, на отдых, а также свобода от вмешательства в личную жизнь. Не вызывает затруднений в регионе реализация таких прав и свобод, как право на родной язык (0,6%), религиозные свободы и свобода совести (2,2%). Последнее согласуется с результатами ряда проведенных в регионе социологических исследований, показывающих, что уровень межэтнической и межконфессиональной толерантности в Курской области достаточно высок.

Как известно, демократическое государство в обязательном порядке осуществляет шаг в сторону от монополярности в пользу утверждения плюрализма позиций и мнений. Соответственно одним из вопросов, поставленных перед гражданами региона, был вопрос о конкуренции политических сил: «Как Вы считаете, конкуренция политических сил приносит плоды? Или лучше объединение?». Распределение ответов показало, что традиции плюрализма мнений, присущие демократическому государству, постепенно пробивают дорогу в общественном сознании наших сограждан: более половины опрошенных (52%) указали на необходимость конкуренции политических сил, и менее трети (28%) остались приверженцами идей объединения политических сил.

Ценностные трансформации коснулись также и представления о том, сколько партий должно существовать в России для повышения эффективности ее политической системы. Среди ответов явной доминантой стала позиция, отмечающая необходимость утверждения в стране *многопартийной системы*, создающей возможности осуществления реальной политической конкуренции (26,7% голосов), на втором месте оказался ответ о признании одной доминирующей в политике партии, вокруг которой располагаются более мелкие партийные объединения (20,8% голосов). Некоторая часть респондентов (17%) высказалась за утверждение модели однопартийной системы по типу КПСС, примерно такая же часть (15,9%) назвала оптимальным вариант существования двух крупных партий, сменяющих друг друга у власти по очереди. И лишь 4,3% высказали предположение о том, что в России партии не нужны. Распределение ответов на данный вопрос подчеркивает тот факт, что вопросы партийного строительства в России на сегодняшний день остаются довольно актуальными.

Политическая культура – понятие многогранное. В проведенном исследовании политическая культура рассматривалась как «совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, интегральная характеристика политического образа жизни страны, нации, социальной группы индивидов» [5; 321]. При выявлении особенностей той или иной политической культуры, как правило, акцентируют внимание на специфике системы ориентаций и установок, определяющих политическую систему, задающих образцы политического поведения.

Жителям области было предложено выбрать именно те характеристики из каждой пары позиций, которые, по их мнению, наиболее характерны для политической культуры россиян. Следует отметить, что распределение ответов на данный вопрос продемонстрировало *переходный характер* системы ценностных ориентаций в сфере политической жизни. Так, довольно

близкими в своем распределении оказались утверждения о коллективизме (43,5%) и отказе от сотрудничества (43,3%), утверждения о согласии и кооперации (38,9%) и о склонности к соперничеству, конфликтам (41,7%), высказывания об искренней вере людей в высокие идеалы и принципы (38,6%) и убеждения во всеобщем неверии в идеалы и принципы (44,7%). Вместе с тем, по ряду позиций проявилось явное доминирование одних утверждений над другими: понимание того, что *в России преобладают неумение и нежелание соблюдать законы, склонность их игнорировать* (52,7%) над законопослушностью, готовностью соблюдать законы (40,5%), *стремление к новизне* (46,7%) над консерватизмом (34,2%), *уважение людей к государственным символам* (60,9%) над пренебрежением к ним (26,2%), *традиция народовластия, демократические начала в политике* (43,4 %) над традициями авторитаризма, самодержавия (32,5%), *открытость, восприимчивость к опыту других народов* (60,9%) над неприятием чужого, иностранного (24,2%), *самостоятельность людей, опора на собственные силы* (55,0%) над ориентацией на поддержку государства (31,4%). И весьма показательна оценка населением региона степени участия россиян в политической жизни, – они убеждены, что для политической культуры россиян скорее характерны *«пассивность, равнодушие, нежелание людей участвовать в политической жизни»* (62,7%), нежели *«высокая политическая активность, интерес большинства людей к политике»* (27,6%).

Таким образом, проведенное исследование еще раз показало, что российское гражданское общество находится в стадии своего формирования и утверждения; взаимоотношения его индивидуальных представителей, социальных институтов и органов государственной и муниципальной власти еще далеки от идеала. Тем не менее, в настоящее время происходит расширение поля гражданских организаций и инициатив, осуществляется сотрудничество, идет позитивная конкуренция среди некоммерческих организаций. Соответственно возрастает интерес к изучению, осмыслению и обмену опытом социально-политических изменений между участниками гражданского общества.

Органы государственной власти и местного самоуправления по-прежнему недостаточно используют возможности ответственности для привлечения ее к совместной работе по выработке конкретных законопроектов, по обсуждению актуальных вопросов развития региона, иницируемых представителями общественных организаций, гуманитарной и технической интеллигенцией.

Исследование показало также, что у гражданского общества Курской области есть своё лицо и свои приоритеты социально-политического развития. Они опираются на уважение к государственным символам, признание традиций народовластия, демократических начал в политике, открытость, восприимчивость к опыту других народов, самостоятельность людей, опору на собственные силы. В регионе набирает ход развитие информационного пространства, высока степень толерантности населения и его готовности к конструктивному солидарному поведению. Есть надежда, что это станет надежной основой для развития гражданского общества региона, расширения

пространств его деятельности, а также усиления его эффективности и признания.

Источники:

1. См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Курской области/ Киселёв Н.М., Г.П. Огорокова, Л.А. Дрёмова, Е.А. Когай, М.Н. Сойникова. – Курск: ЮЗГУ, 2010. – 81 с.
2. См.: Карпова Н.В. Политико-культурный контекст российских реформ (Историко-социологический сравнительный анализ) // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. – М.: КДУ, 2009. – С. 10–24.
3. См.: Марков Б.В. Понятие политического. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 144 с.
4. См.: Система русской власти: диссонансы или созвучие концептов? (Материалы Круглого стола) // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2010, № 2. С. 15–115.
5. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. – СПб.: Питер, 2009. – 395 с.

Федоркин Н.С. Гражданское общество в механизме социально-политической модернизации страны

Федоркин Николай Семенович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. polit@socio.msu.ru

В статье в сравнительном контексте рассмотрены общие и особенные черты подходов к проектам модернизации страны в эпоху великих реформ 60-х годов XIX века и в современном проекте инновационной модернизации России. Особо выделена проблема гражданского общества в механизме мотивации социально-политической модернизации, как важнейшего фактора эффективности демократической модернизации. Проанализированы основные факторы формирующие «механизм торможения» инновационной модернизации современной России.

Ключевые слова: «великие реформы» 60-х годов XIX века, гражданское общество, политическая элита, политическое поведение, инновационная модернизация, государство как лидирующий агент реформ, системная коррупция, правовой нигилизм, факторы инновационной модернизации.

Fedorkin N.S. Civil society in the mechanism of the social-political modernization of the country

This article contains comparative analysis of general and specific characteristics of the approaches regarding the projects of modernization of Russia during the Great Reforms of the 1860s and during the current process of the innovative modernization. Special emphasis has been made on the role of the civil society in the motivational mechanism of the social-political modernization and also on the civil society being one of the major factors of the democratic modernization effectiveness. Article provides analysis of the main factors that form «slow-down mechanism» of the innovative modernization in contemporary Russia.

Key words: Great Reforms, civil society, political elite, political behavior, innovative modernization, government as a leading agent for reforms, systematic corruption, legal nihilism, factors of innovative modernization.

В последнее время Россия находится в состоянии перманентных реформ, осуществляемых «сверху» со всеми типичными для этого характеристиками: борьба двух тенденций в понимании путей развития страны,

либеральной и консервативной, усиление авторитарной составляющей в политическом режиме, появление в обществе и у части политической элиты идей (духа) «изоляциизма» от Запада, заметного отчуждения общества от власти, противоречивых тенденций в политическом поведении правящей элиты. В этом смысле новый заход на модернизацию страны напоминает историю почти забытых Великих реформ 60-х-70-х годов XIX века. Вспомнить же об этих реформах, как действительно *первом проекте* модернизации России, имеет самый прямой смысл.

В 2011 году исполняется 150 лет появления знаменитого «Манифеста 19 февраля 1861 года» императора Александра II, положившего начало целой эпохе реформ, затронувших фактически все стороны социально-экономической и политической жизни страны и оказавших огромное влияние на дальнейшее развитие России¹. Отмена крепостного права, реформы местного самоуправления (земская реформа и реформа городского самоуправления), системы образования (университетская, начального и среднего образования), судебная и военная реформы, существенные преобразования в финансовой системе и в промышленности в совокупности придали фундаментальность этому необычному для России реформаторскому проекту. Концепция реформ сложилась как *система* взаимосвязанных и во многом продуманных ее разработчиками реформ, призванных обновить образ России, придать ей импульс развития с целью перевода ее в класс развитых для того времени стран.

Как рождалась эта концепция реформ, кто выступал ее реальным субъектом, как относились к реформам различные социальные группы, насколько дальновидными оказались ее творцы и как реально повлияли эти реформы на последующее социально-экономическое и политическое развитие страны? И, наконец, какие уроки Великих реформ могут быть полезными для современной России, постепенно осознающей необходимость инновационной модернизации?

Великие реформы возникли не на голом месте. Они имели свою предысторию и, в конечном счете, явились следствием кризиса политического режима Николая I, возникшего, а, скорее, проявившегося, в ходе неудачной для России Крымской войны (1853-1856 гг.). Эта война подорвала международный престиж России, вскрыла ее экономическую отсталость и несостоятельность всей внутренней политики государства, опирающейся на изоляционистскую идеологию «официальной народности». На пике смены царствований (Николай I умер в 1855 г.) *общество и власть*, пожалуй, в равной мере осознавали кризисный характер сложившейся ситуации, требующей коренных преобразований николаевской социально-политической системы.

Со стороны общества это проявилось в едином порыве различных по идеологическим ориентациям сил (западники, славянофилы, радикалы) «обновиться», освободиться от пут николаевского политического режима. Это ярко проявилось в известной, стихийно возникшей, «записочной» кампании, начавшейся еще до смерти Николая I и продолжавшейся в начале нового царствования². «Гласность» и «оттепель» - столь известные для нас понятия эпохи недавней «перестройки», возникнут именно в это кризисное время. Прорвавшая запретные границы гласность обличала прогнивший политический режим, побуждала правительство к действию, предлагала различные проекты выхода страны из кризисной ситуации, обращала внимание на самые острые проблемы, формировала

ростки зарождающегося российского *гражданского общества*. В записке «О внутреннем состоянии России» (1855 г.), один из самых видных славянофилов Константин Аксаков, писал, к примеру: «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделились от народа, и стало ему чуждым. ... При потере взаимной искренности и доверенности все обняла ложь, везде обман. ... Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж – страшны». Обращаясь к императору не столько как подданный, а как *гражданин*, редкое явление не только для той эпохи, он ярко осуждал «угнетательную систему», превращающую человека в раба и формирующего из него, поэтому потенциального бунтовщика. Из цепей рабства, утверждал автор записки, куются беспощадные ножи бунта. Ожидание позитивных изменений К.Аксаков связывал с решением главных, по его мнению, проблем: отмены крепостного права, борьбы с взяточничеством, свободы общественного мнения, религиозного раскола³.

Острая критика «угнетательной системы» и со стороны западников, и со стороны славянофилов не выходила при этом за границы *либеральных требований*. Их ожидания и программы возможных реформ включали отмену крепостного права, требования свободы совести, печати, общественного мнения, открытости действий правительства, публичности и гласности судопроизводства. Они были убеждены в том, что в условиях России того времени достигнуть каких-либо положительных результатов возможно было только через действия на правительство и посредством правительства. Даже один из идеологов «официальной народности» М.Н.Погодин осознал, что «прежняя система отжила свой век», «что нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении». Теперь, в унисон с другими, он предлагал вводить гласность, отменить крепостное право, восстановить польскую конституцию и даже осуществить амнистию политическим преступникам⁴. Таким образом, стихийно возникшая *гласность*, прорвавшая брешь страха, как одно из главных механизмов властвования предшествующего политического режима, фактически артикулировала общую концепцию ожидаемых от власти реформ. А не спокойное положение в крестьянской среде и распространение слухов о возможном скором «освобождении» лишь актуализировало проблему необходимости проведения назревших реформ.

Надо отметить, что к моменту вступления на престол новый император Александр II имел большой опыт в государственном управлении. В течение 15 лет он, хотя и не являлся «соправителем», принимал участие в государственной деятельности по самым важнейшим направлениям в русле политического курса своего отца. Поэтому по духу вряд ли Александра II можно было назвать государственным деятелем либеральных убеждений. Но политический опыт, понимание им политики как искусства возможного, позволило ему чрезвычайно быстро осознать реальную ситуацию в стране, выбрать удобный с точки зрения правящей монархии оптимальный путь ее реформирования в ограниченном, но все-таки либеральном духе.

Для нового императора было понятно, что в сложившихся условиях решение крестьянского вопроса является основой «обновления» социально-политической системы страны. Но это затрагивало собственниче-

ские интересы дворянства, которое не так уж давно (Жалованная грамота Екатерины II от 1785 г.) получило *гражданские свободы*, правовое подтверждение собственности на наследственные и вновь приобретенные имения, пользование и распоряжение землей и ее богатствами. Императрица рассматривала этот нормативный акт, как начало *гражданского строя* в России. Но уже она понимала остроту проблемы освобождения крестьян, которое с необходимостью рано или поздно должно было затронуть собственные интересы дворянства. Эта опасность с непредсказуемыми последствиями могла быть еще более острой для Александра II, которому предстояло решать этот вопрос с уже легитимным собственником земли и в условиях набирающего обороты кризиса⁵. Проблема освобождения крестьян изначально предполагала быть конфликтной. В условиях гласности царь-реформатор становился потенциальным объектом критики всех мало-мальски значимых политических сил. Пойти на реформы для императора означало *сделать выбор*, проявить политическую волю и мудрость в «завоевании» общества как социальной опоры своих действий, «сформировать команду» единомышленников - труднейшая для того времени кадровая проблема, выработать эффективный механизм реформ. Не простая логика развития этого процесса на протяжении 1857-1860-х годов достаточно хорошо исследована в нашей исторической литературе⁶. В контексте рассматриваемой проблемы выделим лишь некоторые важные аспекты, которые характеризовали не только особенности нового подхода власти к решению крестьянского вопроса и других реформ, но и личность императора, как инициатора и архитектора начавшегося проекта модернизации..

Общепризнанно считать инициатором освобождения крестьян самого императора. Публично эта идея впервые прозвучала в его выступлении перед предводителями дворянства в Москве 26 марта 1856 года, в котором он в образной форме сформулировал «повестку дня». Ее смысл состоял в том, что освобождение крестьян лучше осуществить *свыше*, чем дожидаться того времени, когда оно само собой начнет *уничтожаться снизу*». Последующие переговоры министра внутренних дел с предводителями дворянства во время коронации императора в августе 1856 г. о желательности подачи дворянством адресов в адрес императора с просьбой об освобождении крестьян, свидетельствовали о том, что это выступление императора не было случайным, что выбор властью на освобождение крестьян *уже был сделан*⁷. При этом верховная власть была заинтересована в том, чтобы идея освобождения крестьян исходила «по собственному вызову» дворянства, его добровольной готовности отказаться от права на личность крепостных, что, в последствии, в лаконичной форме найдет отражение и в Манифесте 19 февраля 1861 г. Этой тактикой власть пыталась смягчить накал страстей вокруг главной реформы 60-х годов, опереться в своей реформаторской деятельности на ту незначительную часть либерально настроенного дворянства, которое поддерживало реформы, составляло *«гражданское общество»* их опоры⁸. С другой стороны этот шаг обеспечивал властям «обратную связь» с дворянством, как с «политическим сословием страны», с мнением и силой которого власть не могла не считаться.

Поэтому власть использовала *гласность*, как один из механизмов подготовки и осуществления концепции реформ. Власть

стала *во главе* стихийно прорвавшейся гласности. Это проявилось по многим направлениям. Уменьшился цензурный гнет, страна стала более открытой, стала осуществляться свободная выдача заграничных паспортов, произошла амнистия политическим заключенным – декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1831 г., было ослаблено давление на университеты, освобождались от административно-полицейского надзора тысячи людей. Предпринимались интересные шаги и в преодолении изоляции России на международном уровне. Еще до начала реформ в 1855 г. по указанию Александра II в Бельгии стало издаваться русское издание газета «Le Nord», призванная по замыслу знакомить Европу «с действительным положением России», формировать ее положительный образ и одновременно раскрывать несостоятельность ложных понятий «о нашем отечестве». Но самое главное в политике гласности состояло то, что проблема освобождения крестьян впервые в истории российских реформ или их попыток, вышла из сферы секретности, различного рода «секретных комитетов», и приобрела открытый, публичный характер. Можно с уверенностью утверждать, что ростки *гражданского общества* в России зародились именно в эту эпоху, хотя они «прорастали», в основном, в границах дворянского сословия, имевшего к этому времени гражданские права и относительную «свободу мнений».

Использование гласности как инструмента в политике реформ имело и свою обратную сторону. В созданных Губернских комитетах по подготовке освобождения крестьян резко означались консервативное большинство и либеральное меньшинство, разрабатывавшие свои проекты освобождения крестьян. Их могло оказаться около сотни. Даже простое ознакомление с этой массой проектов в условиях бюрократических проволочек и неоднозначного отношения к реформам в институтах высшей власти могло занять многие годы и привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому и здесь позиция монарха оказалась неординарной и последовательной в ускорении реформ. 4 декабря 1858 г., вопреки *мнению большинства* Главного комитета, он поддерживает позицию члена графа Я.И. Ростовцева на проведение крестьянской реформы, содержание которой предполагало образование в стране двух типов хозяйств: крупного помещичьего и мелкого крестьянского, то есть образования в стране в перспективе класса *крестьянских собственников* через выкуп ими земли у помещиков. Жесткая позиция монарха означала усиление *либеральной бюрократии*, придание реформам большего динамизма и определения направления в расширении границ *гражданского строя* в стране. Эту позицию «*вопреки мнению большинства*» Главного комитета можно рассматривать и как осознание властью возможности быть более свободной от «общественного мнения» консервативно и реакционно настроенного дворянского большинства в губернских комитетах. Власть взяла дело реформ в свои собственные руки. При этом верховная власть даже не довела до сведения общественности об изменении курса в разработке концепции реформ и принятой установки на создание единой для всей Европейской России модели освобождения крестьян.

Для разработки новой концепции освобождения крестьян 17 февраля 1859 г. император создает необычный институт - «Редакционные комиссии», как *временное* учреждение непосредственно подчинен-

ное императору и фактически не включенное в систему государственных институтов. Руководителем этого института становится близкий друг императора либерально настроенный граф Я.И.Ростовцев. Редакционным комиссиям был дан карт-бланш на разработку концепции и нормативное оснащение самого механизма реформ⁹. В силу этого *либеральные деятели* под руководством *либеральной бюрократии* в Редакционных комиссиях представляли большинство, что и обеспечило достаточно быстрое создание *механизма* проведения реформ как последовательного процесса вначале «личного освобождения» крестьян, далее через переходный период «временнообязанных отношений», с последующим выходом крестьян на «выкуп земли»¹⁰. В октябре 1860 г. этот институт был закрыт, а его наработки легли в основу основного документа реформ «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 19 февраля 1861 года».

Острота сложившегося обсуждения трудов Редакционных комиссий внутри самих комиссий, со стороны представителей губернских комитетов и на Государственном совете показала, что выбор, сделанный императором 4 декабря 1858 г., как бы к нему не относились различные исследователи этого драматического периода истории российских реформ, с политической точки зрения был оправданным. Программа Редакционных комиссий оказалась объектом критики, что и ожидалось, как слева, так и справа, так и внутри самих комиссий. При этом особенный акцент в этой критике состоял на присвоении государственной властью функций арбитра «в делах сословий, на усилении ее роли в социально-экономической сфере»¹¹. Император и на завершающем этапе обсуждения концепции реформ выдержал критический напор и *вопреки мнению большинства* уже Государственного совета поддержал концепцию *меньшинства его членов*, представленную либеральной бюрократией. Правда, в ходе обсуждения проектов концепции, она все-таки была значительно скорректирована, особенно в земельном вопросе, вследствие чего *отрезка* надельного фонда сократилась на целых 20%, что и без того повысило стоимость выкупных операций.

Принятая концепция реформ рассматривалась властью как очередной шаг в дальнейшем развитии в стране *гражданских свобод, гражданского строя*. В политической традиции России, идущей еще от Екатерины II, политические свободы и свободы гражданские резко противопоставлялись. В своей программе «либерализации» режима она стремилась укрепить законность *личной свободы* дворян, расширить их права частной собственности, как и городов, обеспечить условия для проявления частной инициативы в экономической жизни, гуманизировать уголовное право, придать религиозной терпимости законное обоснование. Предоставление гражданских свобод дворянскому сословию и другие либеральные намерения и действия, как уже отмечалось, рассматривалось Екатериной II первым шагом на пути к созданию в России полноценного *гражданского строя*. Судя по рассуждениям императрицы о том, что «не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных»¹², можно предположить, что в ее концепции формирования в стране гражданского строя была и мысль об освобождении крестьян. Иначе говоря, для Екатерины II гражданские свободы – это хороший *гражданский кодекс*, который может быть создан «сверху» и не затрагивать пока основ самодер-

жавной власти. Отсюда, кстати, и двойственное отношение императрицы к Французской революции. Признавая либеральные ценности *гражданского строя* в их локковской интерпретации - *свободу, собственность, безопасность*, она, конечно, одновременно осуждала еще одну ценность этой концепции - *право гражданина на сопротивление угнетению, насилию*¹³. Считают, что Екатерина II до конца дней своих враждебно относилась к Французской революции как к анархической тирании, отрицавшей якобы идею свободы, и даже предсказывала ее перерождение в новую форму цезаризма. Можно предположить, что в ее представлении *гражданские свободы* и формирование *гражданского общества* (если его понимать как независимое от государства образование) вполне могли быть осуществлены и в условиях абсолютистского, хотя и «просвещенного» монархического режима. По крайней мере, в ее сознании мыслей об ограничении самодержавия в России не было.

Можно по-разному оценивать эту позицию императрицы. Это можно объяснить, скажем, исторической ограниченностью ее взглядов, не пониманием того, что между *гражданскими свободами* и *политической свободой*, как системой прав гражданина на участие в управлении государством прямо либо через своих представителей, существует непосредственная связь. *Политические свободы* являются гарантией полноценного сохранения *гражданских свобод*. Об этом еще рассуждал Ж.Ж. Руссо, для которого понятие *гражданин* в политико-правовом понимании являлось интегральным центром общества¹⁴, по существу *понятием политическим*. Отсюда идеи *гражданского общества* и *правового государства* выступают гранями одного системно взаимообусловленного явления.

Но это могло быть, и, скорее всего, так и было, осознанием, что в России того времени не было реальных *гражданских сил*, «среднего рода людей», как на Западе, способных выступить субъектом формирования гражданского строя и требовать соответствующего ему *конституционного* порядка. Поэтому субъектом совершенствования общества и системы государственного управления без изменения политического строя в России в духе просветительской политической философии она считала просвещенный абсолютизм, который мог гарантировать гражданину неприкосновенность *личности, имущества и прав*. С этой точки зрения, российское дворянство первым получило *гражданские свободы* и первым же вступило поэтому на тропу *гражданского строя*. Носителем ценностей «среднего рода людей» Запада в России становилось *дворянское сословие*.

Вопрос формирования в стране *гражданского строя* и его взаимодействия с властью остро стоял и в эпоху Великих реформ. Более того, в конечном счете, он оказался центральным для понимания процесса реформ, эффективности политики их архитектора и, в определенном смысле, всей последующей политической истории российской монархии.

Концепция реформ либеральной бюрократии изначально исходила из принципа инициативной роли монарха в предстоящих преобразованиях. По верному замечанию, она была «символом веры либеральной бюрократии, ее credo, своеобразной заменой конституции, которая в данный исторический момент (выделено нами – Н.Ф.) не вхо-

дила в ее программу, делая эту программу приемлемой для монархии»¹⁵. И от императора, как архитектора и самодержавного *политического лидера реформ*, во многом зависели процесс их реализации, создание условий для формирования социальной базы их поддержки, интеграции общественных сил, осознание реальных последствий реформ при их успешном развитии, куда они могли привести и куда действительно вели.

Реформы действительно были *великими* и в целом *либеральными* по своему характеру и содержанию, то есть буржуазными по своей сути. Огромная масса крепостных крестьян получила *личную свободу* с перспективой стать после выкупа земли ее собственником. Они наделялись *гражданскими свободами*: имели право совершать сделки, владеть движимым и недвижимым имуществом, покупать землю, вести торговлю. К 1881 г. 85% крестьян вышли на выкуп земли. Изменение статуса крестьян вело к изменению местного самоуправления, системы судов и судопроизводства. На основе крестьянской общины в 1861 г. было введено волостное и сельское крестьянское самоуправление с выборными от крестьян должностных лиц. Принципы *выборности* и *всесловности* легли в основу формирования *губернских и уездных земских учреждений* (1864), позже - *городского самоуправления* (1870). Особенно глубокой была *судебная реформа*. Новая судебная система России была признана одной из лучших в Европе. Новый российский суд был бессловным, состязательным, гласным, с адвокатурой, с выборностью мирового суда, с судом присяжных, представленными различными социальными группами с большим участием крестьянства. Значительные изменения происходили в финансовой сфере, в организации промышленности, внутренней и внешней торговле. Эпоха реформ медленно и с большими трудностями формировала новую социально-экономическую систему на основе рыночных механизмов, создавая социальные лифты для горизонтальной и вертикальной мобильности, постепенно меняла социальную структуру общества.

Но одновременно, как и в ходе подготовки реформ, в процессе их реализации срабатывал *механизм торможения*. Трудности в их реализации даже обострялись, потому что сам механизм их реализации объективно оказывался в руках консервативно ориентированного большинства дворянства, осуществлявших их на местах. Лидер либеральной бюрократии Н. Милютин был абсолютно прав, связывая успех реформ не столько с самой концепцией, ее механизмом, который позволил им «бросить семя» реформ, сколько с тем, как «они будут приводиться в исполнение». Основная, крестьянская реформа, не решила, а даже усложнила решение земельного вопроса, сделав его главным вопросом всех трех русских революций. Тяжелое бремя выкупа земель дополнялось в новой системе укреплением общинного начала, ограничивающего возможность выхода крестьян из этого института. На крестьянство продолжали смотреть как на сословие, постоянно нуждающееся в опеке и покровительстве. До 1904 г. волостные суды, к примеру, могли даже приговорить члена общины не достигшего 60-летнего возраста, к «патриархальной порке», телесному наказанию¹⁶. В не равных с дворянским сословием оказывалось крестьянство и в участии формирования органов местного земского самоуправления. Выборы были цензовыми, не равными, не прямыми, не всеобщими. А сама сфера деятельности органов местного самоуправления

ограничивалась лишь хозяйственно-культурными делами¹⁷ под строгой опекой власти. Губернатор обладал полномочиями «остановить» исполнение любого постановления земских учреждений, которые, с его точки зрения, могли противоречить «законам и общегосударственным пользам». В институте местного самоуправления, пусть и в урезанной форме, действовал принцип, противоречащий сущности самодержавию как формы правления. Это противоречие постоянно давало о себе знать в противостоянии «власти» и «общества». Поэтому либеральные силы стремились оказывать давление на власть «сверху» и «снизу» с целью придать этому институту «завершенность» созданием всероссийского представительного совещательного органа власти. В разное время с этой идеей выступали министр внутренних дел П.А.Валуев, великий князь Константин Николаевич, другие представители высшей либерально настроенной бюрократии. Выражением этих надежд явилось и известное обращение к императору московского дворянства в январе 1865 года, которое просило «довершить государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих для всего государства». Уже в семидесятые годы, особенно после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., активизируется деятельность земских либералов, которые в известной «адресной кампании» 70-х годов обостряют эту проблему до выдвижения ее в качестве *программного требования* созыва в России Учредительного собрания. Выдвижение этого программного требования земцами произойдет даже на пол года раньше, чем это сделают народовольцы¹⁸. Лозунг «увенчания здания», достраивания системы представительных органов власти «снизу» до «верху», станет главным лозунгом для российских либералов вплоть до создания в стране в 1905 г. Государственной Думы.

В отличие от Екатерины II Александр II не претендовал на философское обоснование своих политических позиций. Он был прагматиком и одновременно *убежденным монархистом*, полагавшим, что российский народ еще «не созрел для подобных перемен». В «силу прирожденного чувства» русский народ, рассуждал император, видит в монархии «посланника бога, отеческого и всевластного господина», а высшие классы российского общества «не приобрели еще той степени образованности, которая необходима для представительного правления»¹⁹. В политическом поведении эта позиция императора входила в противоречие с характером одобренной им концепции либеральных реформ социально-экономической сферы страны, придавая вектору их развития с середины 60-х годов все более консервативный оттенок. В реальной политике реформ эта позиция восстанавливала против власти левую радикальную интеллигенцию, либерально бюрократию, либеральную часть дворянства, нарождающиеся силы «среднего рода людей», среднего класса. Не способствовала эта позиция и развитию и укреплению институтов *гражданского общества*²⁰. Власть царя-реформатора утрачивала социальную опору и поэтому поправление политического режима было неизбежным. Можно сожалеть о том, что на этапе реализации великих реформ их инициатор был не последователен и как политик не сумел стать во главе этого противоречивого процесса. Своим политическим поведением он стал олицетворять сложный механизм торможения реформ.

Политика есть искусство возможного. И эту *формулу мудрости* политики Александр II хорошо понимал. По крайней мере, чувство реальности положения страны в 50-60-е годы позволило ему в сложных условиях острого кризиса подчинить себе гласность и выбрать правильный путь реформ, опираясь на политическую волю и силу самодержавной власти. Но мудрость политика состоит и в том, чтобы «смириться» с тем, что нельзя *остановить* в бурном потоке социально-экономических, а, возможно, и политических изменений. И не только смириться с этим, а суметь стать во главе этого потока, почувствовать давление тенденций исторического развития, использовать исторически сложившиеся возможности, подчинить их своей воле и добиться превращения их механизмами политики в необходимость, реальность. Это практика выдающихся политиков и реформаторов, особенно эпох великих кризисов. Выбрав направление *гражданского развития* России и став на путь реализации этой концепции реформ, Александр II не сумел подняться до осознания, что содержание *гражданских реформ* с необходимостью меняет и *форму политической системы*. С учетом силы обстоятельств – объективных и субъективных, *но меняет!* Думается, что даже тогда, когда за два часа до трагических событий 1 марта 1881 г., прервавших жизнь императора, он даст согласие на обсуждение проекта так называемой «Конституции Лорис-Меликова», вряд ли это было искренним шагом самодержца. Слишком глубоко, на подсознательном уровне, в царствующем доме господствовало убеждение в богоизбранности власти императоров как посланников бога, обеспечивающих им всевластие «отеческого господина». На завершающем этапе политической истории царствующего дома это убеждение во многом станет причиной (или, по крайней мере, одной из причин) трагической гибели династии и самодержавия как формы правления. Но это говорит и о «качестве» политической мудрости, политики последних российских императоров.

Убийство Александра II 1 марта 1881 г. условно можно считать концом великих реформ. Концом, потому что новое царствование возьмет курс на контрреформы, с ориентацией на традиционные формы политического управления возрождение к этому времени подзабытой идеологии «официальной народности», пересмотр основных удачных реформ 60-х годов. Ровно через неделю после гибели Александра II, новый император Александр III, *«вопреки мнению»* большинства членов Совета Министров (9 человек), отстаивавших позицию *на продолжение реформ*, среди которого были великий князь Константин Николаевич, председатель кабинета П.А.Валуев, министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, поддержал позицию *меньшинства* (5 человек), возглавляемую К.П. Победоносцевым, которое ориентировалось на свертывание реформ, особенно резко выступая против земской и судебной реформ, свободной прессы²¹. Вместо «конституции» Россия получит сначала манифест «О незыблемости самодержавия» 29 апреля 1881 г., а затем, уже 14 августа, не менее известное «Положение о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия».

События 1 марта 1881 г. можно считать и «условным» окончанием реформ, потому что брошенное ими «семя» в 60-70-е годы дадут успешные «всходы» и конкретные результаты позднее, в 80-е и 90-е годы и в начале XX века. Вопреки желаниям царствующего дома «подморозить» страну, Россия становилась страной крупных банков, ак-

ционерных обществ, промышленных компаний, наращивающей темпы железнодорожного строительства, мелкого и среднего бизнеса, страной вступившей на путь капиталистического развития. По темпам роста промышленного производства она значительно опережала многие европейские страны, оставаясь при этом аграрной страной. Политика режима Александра III была направлена на усиление самодержавия и его социальной базы – дворянства с одновременной консервацией сложившегося положения в деревне. «Подморозка» страны «сверху» вступала в противоречие реальным процессам социально-экономического развития, изменению социальной структуры общества, в целом «духу времени».

Не изменилась эта политика и в эпоху нового и последнего императора Николая II, который ясно выразил свое credo 17 января 1895 г. перед депутациями дворянства земств и городов. В этом программном выступлении он назвал «бессмысленными мечтаниями» земств об участии их представителей «в делах внутреннего управления» и брал на себя миссию «твердо и неуклонно» охранять самодержавие, как охранял его незабвенный покойный родитель²². Надо сказать, что этого принципа политики император придерживался последовательно, а реальные изменения в политической системе были следствием завоеваний, острой борьбы набирающего силу гражданского общества против традиционной формы политического управления, которая к моменту своего крушения сумеет восстановить против себя все слои российского общества. Не удивительно, что от существующего режима отвернутся не только общественная оппозиция, подавляющая часть дворянства, армия, родственники царствующего дома (Великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович), но даже и Священный Синод, который уже на второй день после отречения императора приказал поминать в молебствиях «благочестивое Временное правительство». Но это уже отдельная тема исследования.

Вглядываясь в логику развития великих реформ и их последствий для страны нельзя не видеть некоторых очевидных уроков, которые с учетом исторических условий и особенностей нового времени могут быть учтены в современном этапе российской модернизации. За годы российских реформ выявились несовершенство демократических институтов и законодательства, правовой нигилизм, слабость гражданского общества, профессиональная некомпетентность управленческой бюрократии, хроническая системная коррупция. Даже каждый в отдельности из этих факторов может выступить, как это видно и из истории первого системного проекта модернизации России, ощутимым тормозом демократического развития страны.

Нынешний этап российской модернизации во многом, как и в прошлом, осуществляется «сверху». Это означает, что ее реальным субъектом становится политическая и правящая элита. К тому же по замыслу ее «архитекторов», в отличие от всех прошлых проектов модернизации (петровской, эпохи великих реформ, советской), ее предполагается осуществлять методами убеждения, раскрытием «творческого потенциала каждой личности», сближением «интересов личности, общества и государства»²³. В условиях накопившихся и устоявшихся за годы реформ в стране проблем бедности, правового нигилизма, всеобщего дефицита нравственности, особенно системной коррупции, отрыва власти от об-

щества, без четкого программного обеспечения поставленных целей, подключения к их решению гражданского общества ставит под сомнение возможность решения этих проблем методами убеждения. Очевидная опасность здесь состоит в том, что правящая элита, по преимуществу коррумпированная, собирается осуществлять этот проект в течении десятилетий по существу сводя его только к экономическим инновационным трансформациям. В политических кругах, даже на самом высоком уровне, все чаще прямо или косвенно обращаются к политической риторике эпохи более чем столетней давности о том, что российский народ не готов пока к демократии, к осмысленному участию в политической жизни страны. Это не только вредная, но и преступная опасность для страны, о чем также хорошо свидетельствует опыт самодержавных автократов. Очень прискорбно, что подобных взглядов придерживается даже часть творческой элиты, отдельные представители которой чуть ли не выстраиваются в очередь к власти с проектами обоснования идеологии «патриархальной порки».

Конечно, гражданское общество нельзя купить и сформировать на иностранные гранты. Именно поэтому политическая система должна создавать условия для формирования в стране гражданского общества, социальной базой которого является динамично развивающийся, самодостаточный средний класс, свободный от бюрократического произвола и поборов, открытый для инновационного мышления, с соответствующим ему сознанием, политическим поведением, типом политической культуры. Отсутствие по известным причинам этого «среднего рода людей» в эпоху великих реформ было одной из причин формирования механизма их торможения. В Европе и в США в эту социальную группу входят едва ли не две трети населения с годовым доходом от 25-30 до 100 тысяч долларов. В нашей стране по разным методикам исчисления состав среднего класса колеблется где-то в пределах 12-15 до 18-22%. При этом в его состав включается и такая специфическая и объемная социальная группа как российское чиновничество. Между тем ядром среднего класса является средний и малый бизнес, который в нашей стране, мягко говоря, плохо «встроен» в части представительства своих интересов в институтах власти и поэтому более подвержен разрушительным воздействиям со стороны бюрократии, чем, скажем, крупный или даже средний, отраслевой.

Особо следу отметить проблему дефицита нравственности у власти и, к сожалению, у общества. Но здесь не существует известной проблемы «яйца и курицы». Эту проблема породила власть, которая за годы реформ сделала все, чтобы «отфильтровать», дегуманизировать общественную жизнь страны. Хотя в годы великих реформ мы видели острейшую борьбу консервативно настроенного дворянства, выступавших за безземельное освобождение крестьян, но среди элитной части этого сословия мы можем найти примеры высокого *гражданского героизма*. В реализации механизма либеральной концепции реформ формировался институт мировых посредников. В первом волне этого института окажется более 50% представителей военной элиты и титулованной знати. При наличии в России того времени 2% титулованных дворянских родов в среде мировых посредников их окажется более 5%²⁴. Глядя на нашу элиту, это заставляет задуматься.

Проблема современной модернизации страны не сводится и не сводима только к росту экономики и ее современному технологическому оснащению. Эта проблема стратегическая для страны в борьбе за ли-

дирующие места в передовых экономиках мира. Этим определяется исключительная опасность срыва очередного этапа российской модернизации на уровень пиартехнологий или реформ косметического характера. Настоящая модернизация страны предполагает модернизацию всей социально-экономической и политической системы как единого организма. В сложившихся условиях в этом процессе лидирующая роль, безусловно, должна принадлежать государству. В общих чертах, как универсальный политический институт, оно обязано проводить политику на постепенную минимизацию своей роли в экономике с сохранением и даже усилением ее в создании *условий и среды* формирования в стране толерантного гражданского общества, обеспечивающих необратимость демократических преобразований. Этому учит и мировой опыт, и опыт не вполне удачного для страны этапа великих реформ 60-х 70-х годов позапрошлого века.

Алексеева Е.Н., Блинова М.С. Социальная адаптации мигрантов в мегаполисе: методология и методика исследования

Блинова Марина Сергеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. mblinova@yandex.ru

Алексеева Екатерина Николаевна - аспирантка кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Alekseeva.ekaterin@yandex.ru

В статье раскрываются теоретико-методологические основы социологического исследования социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе. Представлен авторский социологический подход к изучению этого процесса, а также результаты эмпирического исследования, методика которого была разработана на основе данного подхода.

Ключевые слова: внутренняя миграция, мегаполис, социальное пространство мегаполиса, социальная адаптация внутренних мигрантов, уровни социальной адаптации, стратегия социальной адаптации.

Alekseeva E.N., Blinova M.S. Social adaptation of migrants in the megalopolis: methodology and the procedure of the study

The article covers the theoretical and methodological foundations of a sociological study of social adaptation of internal migrants in megalopolis. The authors' sociological approach of studying this process is submitted, as well as the results of empirical research that based on this approach.

Keywords: internal migration, megalopolis, social space of megalopolis, social adaptation of internal migrants, levels of social adaptation, strategy of social adaptation.

Высокая интенсивность урбанизации является отличительной особенностью мира, вступившего в постиндустриальную стадию развития. Современные города, по мере превращения в мегаполисы, все активнее выступают в качестве центра культурной, экономической и политической жизни, источника технологического развития и прогресса человечества. Согласно данным ООН, в современном мире насчитывается более 90 городов с населением свыше 4 млн. человек, а к 2025 году прогнозируется увеличение их количества до 135 городов [3, 291]. Одним из основных источников роста мегаполисов является внутренняя миграция.

В России ежегодно свыше 100 тыс. человек принимают решение о переезде из провинции в мегаполис [5, 252]. Причиной тому является низкий уровень жизни в российских регионах – следствие системного кризиса, охватившего страну в 90-е годы. Сегодня негативные тенденции на рынке труда, в сфере здравоохранения, образования, социальной поддержки, спорта и досуга в регионах усугубляются мировым финансовым кризисом. Его последствия, на наш взгляд, будут достаточно болезненны для страны, по-

этому полное возрождение регионов в ближайшей перспективе вряд ли осуществимо.

На фоне общего упадка жизни в провинции «островками благополучия» оказываются крупные города и мегаполисы. Многофункциональность и инвестиционная привлекательность позволяют мегаполисам не только сохранять свой потенциал, но и использовать его для устойчивого развития. Для жителей российских регионов мегаполис сегодня становится символом безграничных возможностей самореализации, решения любых жизненных проблем, символом благополучия будущих поколений, и это побуждает их к миграционной мобильности.

Попадая в мегаполис, внутренние мигранты сталкиваются с новой для них системой статусов и ролей, норм и правил поведения, характерных городскому образу жизни. Для достижения целей миграции им необходимо сформировать определенные способы поведения и социального взаимодействия в новом социальном пространстве. В то же время внутренние мигранты, являясь представителями социокультурной среды региона выбытия и носителями уникального опыта миграции и адаптации, также оказывают воздействие на мегаполис. Возникает проблема социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе и их интеграции в принимающий социум, преодоления взаимных противоречий и конфликтов, возникающих между переселенцами и жителями мегаполиса. Ее изучение представляет особый научный интерес и важную практическую задачу. Полученное знание может быть использовано при разработке миграционной и социальной политики мегаполиса.

К сожалению, в течение долгого времени социальная адаптация внутренних мигрантов в мегаполисе оставалась на периферии социологического анализа. Основное внимание авторов сосредотачивалось преимущественно на анализе либо сущности и структуры социальной адаптации, либо механизма интеграции этнических мигрантов в новую социокультурную среду. Проблематика мегаполиса, городского образа жизни и освоения мигрантом новых моделей социального поведения, характерных именно для городской среды при этом остается практически нераскрытой. В последние годы исследователи стали уделять ей значительно больше внимания, однако в разработке данной проблемы продолжают оставаться значительные пробелы. Это приводит к определенным сложностям при разработке теоретико-методологической и методической основы исследования социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе.

Обоснование теоретико-методологического подхода и построение концептуальной модели исследования социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе предполагает в первую очередь анализ существующих в современной научной литературе подходов к изучению миграции, ее социально-экономических, культурных, этнических, социально-психологических и других аспектов, специфики различных видов миграции. В частности, можно обратиться к концепциям Ш. Глика, У. Льюиса, Э. Ли, Дж. Коулмена, Д. Массея, С. Сассен, О. Старка, Т. Файста, а также научным трудам Ж.А. Зайончковской, В.М. Моисеенко, В.И. Переведенцева, Т.Н. Юдиной.

В настоящее время большинство исследователей определяют миграцию как перемещение в пространстве, переселение. Так, по мнению Л.Л. Рыбаковского, миграция представляет собой любое пространственное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких территориальных единиц, независимо от продолжительности

сти, регулярности и целевой направленности [4, 37]. Крайним проявлением такой позиции является представление о миграции как о массовом перемещении населения в пространстве, комплексном социальном процессе, предполагающем устойчивое взаимодействие между людьми, выражающем определенную тенденцию изменения общественного положения или образа жизни больших социальных групп, условий воспроизводства и развития каждого человека как личности [11, 77]. В этой формулировке подчеркивается социальное начало миграционных процессов, которое предполагает возникновение связей, контактов между личностями или группами. Под мигрантами в таком случае понимается социальная группа, члены которой осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности. Однако, на наш взгляд, такое определение вполне некорректно, поскольку чувство принадлежности к определенной социальной группе, обладающей особой мигрантской субкультурой, характерно не для всех типов мигрантов. Так, этнические мигранты, проживающие на территории анклавов, переселение которых происходило по принципу «миграционной цепи», могут обладать определенной групповой солидарностью, в то время как добровольная внутренняя миграция может носить исключительно индивидуальный характер.

В современной социологии постепенно складывается достаточно широкое представление о миграции как процессе перемены жизненного пространства. Такой подход предоставляет большие возможности для анализа взаимосвязей индивида и локального сообщества, индивида и территории, на которой он проживает. Например, по мнению А.Хохловой, миграционное событие сопровождается потерей релевантности прежних нормативно-ролевых комплексов, способов интеракции и смысловых горизонтов. Мигрант, оказавшись в новом социальном пространстве должен через наблюдение, подражание и реинтерпретацию освоить формы поведения, общения и решения проблем, постепенно принимая эмоциональные формы выражения и символы, играющие важную роль в повседневной жизни окружающих [10, 72]. В данном подходе основной акцент делается на процессе включения в принимающую среду, следующей за миграционным событием, поэтому он может оказаться эффективным при исследовании социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе.

Обобщение теоретических подходов к анализу понятия миграция позволяет рассматривать мигрантов как субъектов миграционного перемещения, социальную группу, члены которой находятся в процессе перемены жизненного пространства посредством перемещения из одной территории в другую с целью изменения социального положения при помощи освоения новых способов социального взаимодействия. В рамках исследования внутренней миграции в мегаполисы рассматривается перемещение населения в пределах одной страны в направлении от периферии в крупный урбанизированный центр, причем характеристики последнего также требуют определения. В частности, необходимо четкое понимание сущности мегаполиса и его отличий от других форм организации городского пространства (городская агломерация, мегалополис и т.д.), динамики развития мегаполиса и изменения его численности. В данной статье под мегаполисом понимается урбанизированное пространство, представляющее собой разрастающийся за счет миграционного притока город с численностью населения свыше 4 млн. человек и являющееся центром образуемой им агломерации.

В контексте социологического исследования социальной адаптации внутренних мигрантов необходимо установить особенности мегаполиса как

уникального жизненного и социального пространства. Начало социологического изучения социального пространства мегаполиса было положено Ф. Теннисом, Г. Зиммелем, М. Вебером. В их работах город (метрополис) предстает как сложная система функциональных городских контактов, связей взаимопересекающихся сфер разделения труда, коммуникаций, денежной экономики, обмена товарами, интеллектуальных и культурных кругов [2, 50]. Мегаполис концентрирует, специализирует и диверсифицирует важнейшие политические, административные, экономические функции; его содержательными характеристиками становятся замкнутость, обособленность, отчужденность, при первом более близком соприкосновении переходящие в ненависть и борьбу.

Дальнейшее развитие социологическая теория города приобретает в работах теоретиков Чикагской школы, позднее в концепциях Д. Харвея, Д. Логана и Х. Молоча, А. Лефевра, М. Кастельса. Мегаполис начинает рассматриваться как социопространственная структура – сеть. Социальное пространство мегаполиса выступает в качестве центра локализации капитала. Оно насыщено информацией, характеризуется высокой креативностью и вместе с тем сама его организация и структура являются механизмами контроля «за деньгами, пространством и временем как пересекающимися источниками власти» [2, 51].

Сторонники постструктуралистского подхода У. Уайт, Л. Лофланд, П. Рабиноу, М. де Серто, Х.П. Бардт, А. Йанг предлагают при изучении мегаполисов сфокусировать внимание не столько на том, что содержится в городах, сколько на том, что через них проходит – на потоках (людей, информации, капитала, знаний), а также на связях и отношениях. Например, М. де Серто рассматривает социальное пространство мегаполиса через призму властных отношений и форм социального контроля, Х.П. Бардт анализирует особенности публичного и приватного городских пространств. Постструктуралистский подход существенно расширяет рамки изучения мегаполиса. Мигрант и принимающая среда теперь могут восприниматься не только в качестве субъекта действия (например, адаптации) и контекста, но и в категориях взаимовлияния и взаимоосвоения, взаимообмена социальными практиками в зависимости от личного восприятия границы между публичностью и приватностью.

Рассмотренные подходы позволяют определить социальное пространство мегаполиса как систему социальных взаимодействий, обладающую следующими характеристиками:

- высокий уровень креативности и инновационности;
- насыщенность информационными и коммуникативными потоками;
- многообразие функциональных формальных и неформальных контактов;
- поляризация публичного и приватного подпространств;
- избирательность ролевого взаимодействия;
- анонимность, замкнутость, обособленность и рациональность участников взаимодействия.

Определение особенностей социального пространства мегаполиса важно для понимания специфики условий и образа жизни, к которым внутренним мигрантам необходимо адаптироваться. Социальная активность внутренних мигрантов в мегаполисе определяется их готовностью осваивать образ жизни мегаполиса, которая в первую очередь зависит от восприятия мигрантами социального пространства мегаполиса.

Однако вернемся к анализу понятия внутренние мигранты в мегаполисе. Следует отметить, что существует ряд признаков, которые отличают данную социальную группу от других, в частности внешних мигрантов и жителей мегаполиса, и эти отличия могут быть установлены при помощи сравнительного анализа. Так, следует выделить следующие особенности внутренних мигрантов в мегаполисе:

1. Внутренние мигранты в мегаполисе обладают смешанной идентичностью и ощущают свою принадлежность к прежней, новой и мигрантской социальным общностям.

2. Внутренние мигранты в условиях мегаполиса используют накопленный опыт социального взаимодействия и привычные модели поведения, однако осознают их нерелевантность.

3. Внутренние мигранты в мегаполисе корректируют, комбинируют привычные модели поведения и осваивают новые в зависимости от личного восприятия социального пространства мегаполиса.

4. Внутренние мигранты в мегаполисе проявляют индивидуальную инновационную активность в процессе освоения образа жизни мегаполиса посредством создания новых моделей поведения на основе привычных моделей.

Определение особенностей внутренних мигрантов в мегаполисе позволяет перейти непосредственно к анализу социальной адаптации данной социальной группы. Следует отметить, что идеи, важные для изучения различных аспектов социальной адаптации мигрантов, можно почерпнуть в работах С.Н. Айзенштадта, Дж. Берри, М. Гордона, О.И. Вендиной, Г.С. Витковской, Е.А. Назаровой. В рамках данной статьи наибольший интерес для нас представляют научные подходы, в которых рассматриваются индивидуально-личностная и микрогрупповая субъектные формы социальной адаптации.

В современной социологии понятие социальной адаптации является одним из наиболее разработанных. В работах различных авторов, таких как Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, М. Вебер, Дж. Хоманс, Г. Беккер и других, в той или иной степени затрагивается вопрос социальной адаптации. В настоящий момент достаточно полно раскрыты присущие этому явлению системные качества, состав, структура, функции. В научной литературе предпринимаются попытки построения интегративной теории адаптации (Л.В. Корель).

Социологические концепции, рассматривающие механизм социальной адаптации мигрантов, можно свести к двум разновидностям: *нормативные* и *ценностно-инновационные*. Одной из наиболее интересных в рамках первого направления можно назвать теорию социального капитала (Д. Гурак, Ф. Кейсис, Г. Хьюго), согласно которой мигрант должен обладать определенными ресурсами, обеспечивающими ему эффективное вживание в принимающую среду. В качестве такого исходного капитала выступает круг лиц, образующих социальную сеть, в которой обращаются информация, деньги, материальные ресурсы, возможности трудоустройства и иные значимые блага, а также особый тип межличностных отношений в принимающей среде, основанный на определенном уровне доверия, общности статусов, происхождения и т.д.

Большинство теорий в рамках ценностно-инновационного подхода возникло и оформилось на основе концепции «культурного шока» (Г. Оберг; А. Фурнам и С. Бочнер). Согласно этой теории симптомы культурного шока проявляются, когда система символов социального окружения, посредством

которой человек ориентируется в мире, становится неадекватной в условиях новой культуры. Причины и глубина трудностей в процессе адаптации мигранта в этом случае зависят от количества и качества различий в ведущих ценностях между культурами выхода и поселения, а также степени толерантности принимающего общества к иным системам ценностей и культурным особенностям и устойчивости и гибкости индивидуальной системы ценностей и установок.

Как отмечалось ранее, проблема социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе в современной социологии остается малоизученной. Ее анализом преимущественно занимаются исследователи, специализирующиеся в области этносоциологии и социологии культуры. Центральной категорией анализа в этносоциологических исследованиях адаптации мигрантов выступает этническая идентичность, понимаемая как стратегия социального взаимодействия; в социологии культуры основное внимание сосредотачивается на процессе интеграции мигранта в новую среду, основанном на дополнительной социализации индивида, на процессе восприятия, интерпретации и структурирования мигрантом социокультурного пространства мегаполиса.

Анализ и обобщение теоретических подходов к анализу социальной адаптации различных групп мигрантов, в особенности внутренних мигрантов в мегаполисе, позволяет сформулировать определение понятия «социальная адаптация внутренних мигрантов в мегаполисе». Под социальной адаптацией внутренних мигрантов в мегаполисе понимается процесс приспособления членов данной социальной группы к социальному пространству мегаполиса посредством изменения привычных норм и моделей поведения и освоения городского образа жизни для успешного социального взаимодействия с жителями мегаполиса и изменения своего социального положения.

Ключевым компонентом социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе является адаптивная деятельность, понимаемая как совокупность практических действий, направленных на гармоничную интеграцию внутренних мигрантов в мегаполисе и социальной среды, на достижение внутренними мигрантами цели адаптации при помощи освоения образа жизни мегаполиса. Многообразие и сложность возможных типов социального взаимодействия, характерная для мегаполиса, вынуждает мигранта переосмысливать свое отношение к окружающему миру, формировать и осваивать непривычные для него модели взаимодействия. Противоречивость социального пространства большого города лишает индивида возможности сохранения прежних стереотипов поведения, поскольку они утрачивают свою релевантность и оказываются неэффективными для достижения целей адаптации. Среда мегаполиса провоцирует мигранта на индивидуальную инновационную активность, проявляющуюся в адаптации в изменяющихся условиях мегаполиса, выстраивании индивидуальной стратегии существования с социокультурном пространстве, соблюдении баланса между потребностью в самореализации и своими возможностями в городском социуме.

Можно выделить следующие стратегии социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе:

- *креативная стратегия* – направлена на создание новых моделей поведения и освоение социальных практик города, прежние практически не используются. Индивид активно осваивает образ жизни мегаполиса, в частности становится участником множества социальных сетей, отношения в которых носят дистанцированный характер;

- *мобилизационная стратегия* – связана с формированием новых моделей поведения на основе комбинирования, корректировки и использования привычных моделей поведения. Социальное взаимодействие имеет избирательный характер, индивид становится участником ограниченного количества социальных сетей, поскольку стереотипы поведения меняются лишь до определенной границы;

- *стратегия сегрегации* – связана с согласованием новых и прежних моделей поведения, ситуации использования которых четко разграничиваются. Мигрант становится участником социальных сетей двух типов: первая принадлежит оставленной социальной среде (в ней используются привычные способы поведения), вторая – принимающей социальной среде (взаимодействие в которой предполагает освоение новых моделей);

- *рутинная стратегия* – направлена на использование привычных моделей поведения ранее сложившимися способами. Под влиянием внутренних и внешних барьеров новые социальные практики не создаются и не заимствуются, адаптация ограничивается формированием ограниченного набора привычных практик. Индивид становится участником лишь тех социальных сетей, где прежние модели поведения оказываются эффективными;

- *стратегия инкапсуляции* – ориентирована на отказ от использования имеющихся ресурсов в целях социальной адаптации, поскольку отсутствует положительная мотивация на интеграцию. Индивид оказывается участником ограниченного круга закрытых социальных сетей, основанных на отношениях родства, землячества или возникших до момента переселения.

Каждая стратегия социальной адаптации внутренних мигрантов в мегаполисе реализуется на нескольких уровнях, каждый из которых предполагает определенную комбинацию средств и барьеров адаптации, использование субъектом адаптации различных компонентов своего внутреннего капитала. Эти уровни могут быть обозначены следующим образом:

- уровень достижения цели адаптации – предполагает адаптивную деятельность, направленную на самореализацию и изменение социального положения;

- социально-перцептивный уровень – предполагает оценку и изменение внутренними мигрантами в мегаполисе своих адаптивных способностей, ценностей и жизненных приоритетов на основе восприятия индивидом социального пространства мегаполиса;

- социально-экономический уровень – предполагает адаптацию к социально-экономическим отношениям в мегаполисе;

- социально-коммуникативный уровень – предполагает адаптацию к особенностям социального взаимодействия в мегаполисе и освоение образа жизни мегаполиса,

- пространственно-символический уровень - символическое конструирование индивидом пространства мегаполиса в процессе освоения новых моделей поведения

Представленный теоретико-методологический подход к изучению социальной адаптации внутренних мигрантов позволяет исследовать структуру и содержание социальной адаптации различных групп внутренних мигрантов. Например, он может быть положен в основу сравнительного анализа социальной адаптации внутренних мигрантов различных возрастных групп в мегаполисе с целью выявления их особенностей.

В 2009 году нами было проведено социологическое исследование социальной адаптации внутренних мигрантов различных возрастных групп в мегаполисе. В качестве основного метода исследования использовался метод полуструктурированного интервью, поскольку он наиболее эффективен при микросоциологическом исследовании социальной адаптации. Сценарий интервью был разработан на основе представленного выше теоретико-методологического подхода, отдельные тематические блоки сценария включали проективные методики «Чужестранец», «Образные ассоциации» и проективный вопрос.

В рамках исследования была проведена серия интервью с внутренними мигрантами из различных городов России, которые в течение 3-5 лет пребывают в г. Москва. География мест выбытия респондентов достаточно обширна: Центральный, Поволжский, Северо-Кавказский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный районы. Благодаря этому, анализ результатов исследования застрахован от смещения в сторону анализа социальной адаптации мигрантов из определенного региона России. Большинство респондентов ранее проживали в городах, численностью от 50,1 тыс. до 503,1 тыс. человек, и не имели опыта длительного проживания в Москве в прошлом.

Поскольку была поставлена задача раскрыть структуру и содержание социальной адаптации внутренних мигрантов различных возрастных групп в московском мегаполисе, было обеспечено участие в интервью внутренних мигрантов разного возраста. Анализ результатов исследования показал, что респондентов можно разделить на три группы: от 20 до 30 лет, от 31 до 40 лет, от 41 до 50 лет. Использование метода сравнительного анализа позволило нам сделать вывод о существовании сходств и отличий между данными группами.

Основной целью переезда внутренних мигрантов является трудоустройство: *«Собственно моя цель была приезда в Москву – это именно найти работу в кратчайшие сроки, по моей квалификации и чтобы по зарплате было нормально»*. Для этого используются либо дружеские связи, либо услуги агентства по трудоустройству. Мотив переезда у разных возрастных групп внутренних мигрантов различен: у мигрантов в возрасте от 20 до 30 и от 31 до 40 лет – это самореализация и возможность обеспечить себе семейное и материальное благополучие в будущем; у мигрантов в возрасте от 41 до 50 лет – обеспечение достойного существования своим детям или внукам. Вместе с тем респонденты отметили, что еще не достигли своих целей в силу разных обстоятельств: появилась новая цель, например, цель построить карьеру сменяется целью создания семьи и рождения детей (внутренние мигранты в возрасте от 20 до 30), видоизменилась прежняя цель (внутренние мигранты в возрасте от 31 до 40) или мешают внешние обстоятельства (внутренние мигранты в возрасте от 41 до 50 лет).

Намерение мигранта остаться в Москве определяется тем, что он нашел близких людей и моральную поддержку. Чтобы закрепиться в Москве внутреннему мигранту необходимо продолжить обучение, найти более высокооплачиваемую работу, купить квартиру и получить московскую прописку. Намерение покинуть Москву связано с тем, что мигранты не удовлетворены московским образом жизни и не могут достичь своих целей.

Для того чтобы определить, как изменялось представление внутренних мигрантов о Москве, использовались проективные методики. Респондентам было предложено выбрать из ряда фотографий урбанистических пейзажей столицы ту, изображение на которой в наибольшей степени отражает его восприятие Москвы. Так, до переезда Москва ассоциировалась с

открыткой из детства, где *«изображена Москва-река, так тепло, мало машин, все зелено»*, простор и огромное небо (рис.1).

Рис.1. Идеальное представление о Москве

Москва – *«это город больших возможностей, ради которых и стоит сюда приезжать»*, где сбываются мечты. За время проживания в Москве у некоторых респондентов сформировалось представление о Москве, близкое к идеальному. Они отмечали основные достопримечательности Москвы, описывали ее красоту, монументальность и величественность, отмечали необычность архитектуры: *«Тут же какие-то развалины и рядом будет какой-нибудь суперсовременный небоскреб, который подсвечивается совершенно сумасшедшими цветами»* (рис.2).

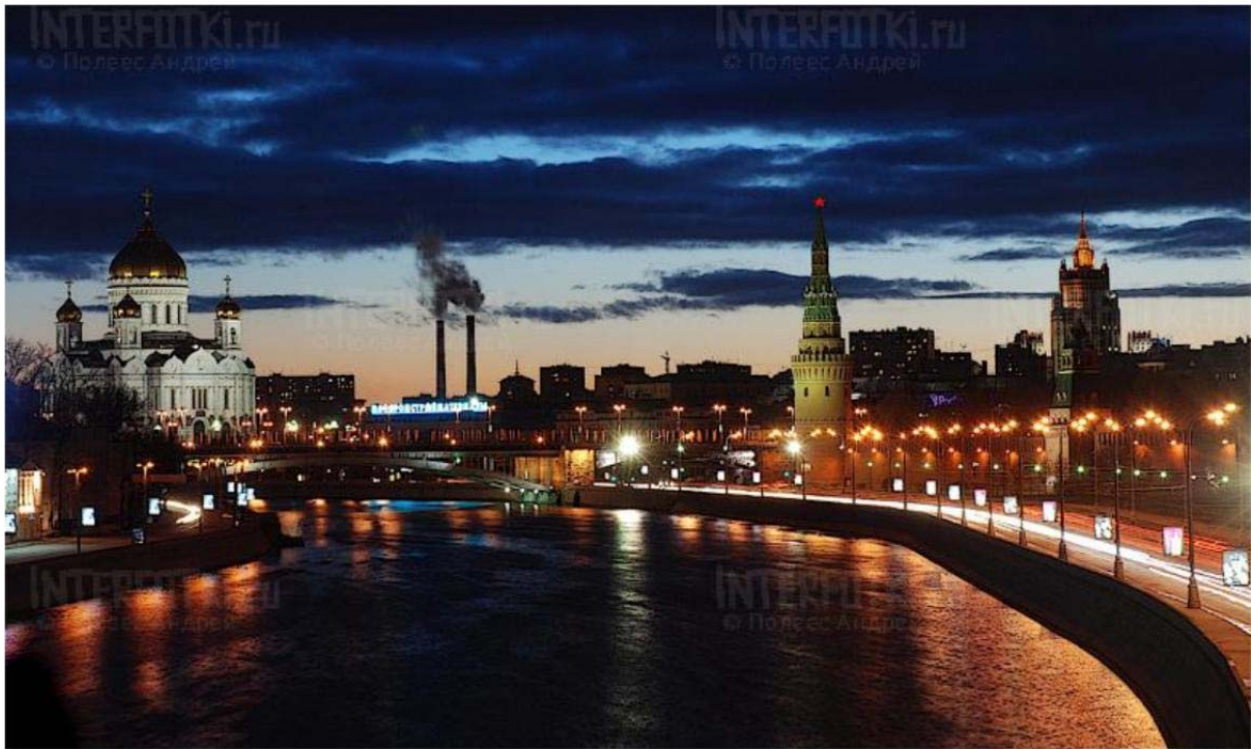

Рис.2. Представление о Москве, близкое к идеальному

Другие отмечали, что в столице достаточно редко можно встретить тихий пейзаж, это город высокого ритма и постоянной спешки (рис.3).

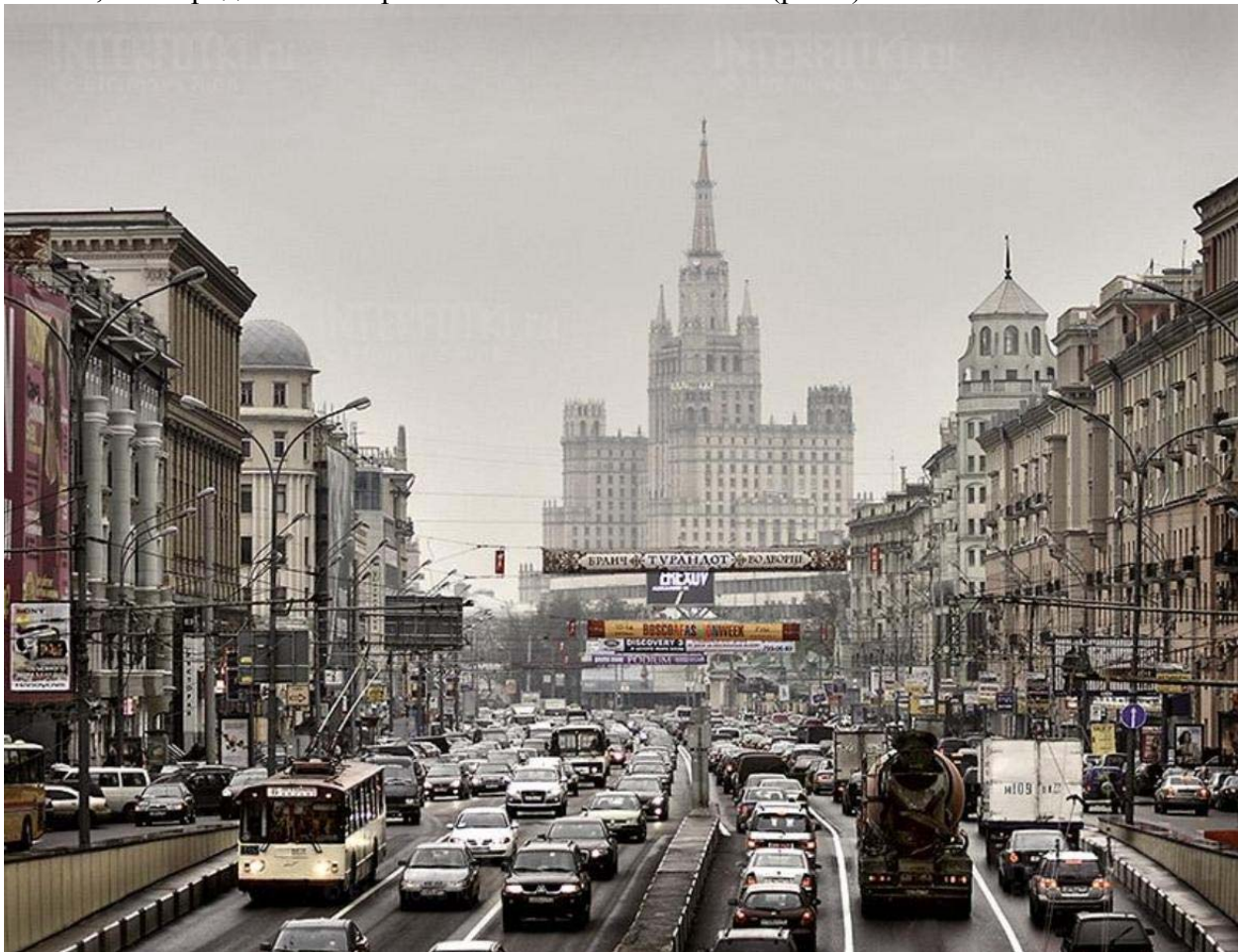

Рис.3. Москва – город высокого ритма и суеты

Также респондентами была отмечены фотографии, представленные на рис.4 и 5.

Рис. 4. Московская ностальгия

Рис.5. Москва – город одиночества, полный света и огней

Они ассоциируются с тоской по прошлому - либо по нереализованным возможностям (респонденты 20-30 лет), либо по прежней, послевоенной Москве (респонденты 41-50 лет): *«Я очень люблю ходить по старым улочкам. Мне кажется, что в этих домах они живут москвичи, которые помнят старую Москву. Такие, которые сохраняют обычаи московские. Есть в Москве своя особенность, своя изюминка, то, что нет в других городах»*. С фотографией, представленной на рис.5 связаны две ассоциации: Москва – город, в котором даже ночью светло и на улицах много людей: *«Темно вроде, огни, и людей много. У нас такого нет. У нас пусто на улицах»*; Москва – город исключительно для работы, это город одиночества: *«Темно, мало людей. Я вот добираюсь одна с работы, иду с работы»*.

С течением времени представление внутренних мигрантов в московском мегаполисе изменяется, однако мигранты всех возрастных групп выделяли одинаковые положительные и отрицательные особенности Москвы.

- положительные особенности Москвы:
 - постоянная суета и динамика;
 - большое количество возможностей самореализации;
 - разнообразие культурной жизни.
- отрицательные особенности Москвы:
 - недостатки архитектуры;
 - постоянный стресс, тревога и повышенная трудовая нагрузка;
 - Москва – это *«город, который выявляет отрицательные черты человека»*.

Вместе с тем, большинство внутренних мигрантов отмечают, что со всеми недостатками Москвы они готовы примириться из-за тех возможностей, которые есть в этом городе. Если для мигрантов в возрасте от 20 до 30 и от 31 до 40 лет московская жизнь за время пребывания в Москве становится привычной по сравнению с провинциальной жизнью, то мигранты в возрасте от 41 до 50 лет готовы выдерживать ритм и нагрузки ради работы и материального благополучия: *«Не сидеть же в той глуши, где ничего нет сейчас. Там закрыли практически все предприятия, и люди живут только тем, что сами вырастят, на это и живут. Я не поеду туда работать за копейки»* Вместе с тем, внутренние мигранты не ощущают своей принадлежности к городскому социуму и территориальной принадлежности Москве.

За время проживания в Москве у внутренних мигрантов в возрасте от 20 до 30 лет сформировались такие качества, как умение показать себя, уверенность в себе; у внутренних мигрантов в возрасте от 31 до 40 лет – настойчивость, рациональность, способность быстро принимать решения, работоспособность, жесткость; у внутренних мигрантов в возрасте от 41 до 50 лет способность не привлекать к себе лишнее внимание и быть похожими на окружающих.

Родственные связи для внутренних мигрантов в Москве имеют решающее значение. Внутренние мигранты обращались к родственникам для решения проблем, связанных с трудоустройством, поиском жилья, в первое время пребывания в Москве – для знакомства с городом. Большинство внутренних мигрантов проживают в Москве вместе с семьей, в частности

- мигрант приезжает первым, а затем к нему приезжают остальные члены семьи – характерно для внешних мигрантов в возрасте от 20 до 30 лет;

- миграционное перемещение совершается всей семьей – характерно для внешних мигрантов в возрасте от 31 до 40 лет;
- у мигранта в Москве есть родственники, готовые его принять – характерно для внешних мигрантов в возрасте от 41 до 50 лет.

Внутренние мигранты используют дружеские связи преимущественно для решения бытовых проблем, организации досуга и для получения моральной поддержки.

Внутренних мигрантов можно разделить на три группы: мигранты, которые активно создают новые связи; мигранты, круг общения которых ограничивается близкими родственниками или друзьями; мигранты, открытые новым знакомствам, но эти связи непродолжительны. Интенсивность общения внутреннего мигранта как с новым окружением, так и с прежним снижается из-за нехватки времени, усталости или материальных затрат. Прежние связи постепенно ослабевают и разрушаются, что для внутренних мигрантов достаточно болезненно.

Готовность изменить свое поведение и способы решения проблем проявляют внутренние мигранты в возрасте от 31 до 40 лет. Внутренние мигранты в возрасте от 20 до 30 лет стремятся корректировать поведение, исходя из представления о качествах, присущих новому социальному окружению. Модели поведения внутренних мигрантов в возрасте от 41 до 50 лет не изменились.

Анализ полученной информации показал, что внутренние мигранты, независимо от того, к какой возрастной группе они принадлежат, используют сходные стратегии поведения. Можно выделить следующие группы внутренних мигрантов в московском мегаполисе:

1. Внутренние мигранты, которые намерены остаться в Москве, поскольку им близок образ жизни мегаполиса. Они открыты для общения, активно создают новые знакомства, доброжелательны к окружающим. Эти мигранты изменили свое привычное поведение, некоторые моральные качества и свойства характера и освоили социальные нормы горожан. Образ Москвы позитивный, близкий к идеальному.

2. Внутренние мигранты, которые намерены остаться в Москве, поскольку нашли близких людей и моральную поддержку в этом городе. Они проявляют настороженность при создании новых знакомств, новые связи многочисленны и непродолжительны. Освоили лишь те элементы образа жизни мегаполиса, которые позволяют им эффективнее достигать намеченных целей. Для них Москва – это город высокого ритма и суеты.

3. Внутренние мигранты, которые намерены покинуть Москву, поскольку не удовлетворены московским образом жизни или не могут достичь своих целей. Они замкнуты на близком окружении, избегают новых знакомств. Вместе с тем, они изменили свое привычное поведение, некоторые моральные качества и свойства характера и отчасти освоили социальные нормы горожан. Москва для этих мигрантов ассоциируется с одиночеством и тоской по прошлому.

Таким образом, внутренние мигранты в московском мегаполисе используют креативную, мобилизационную стратегии социальной адаптации и стратегию инкапсуляции соответственно.

Подводя итоги, нужно отметить, что использование предложенных методологии и методики исследования позволило получить глубокую информацию о социальной адаптации внутренних мигрантов в московском мегаполисе, которая может быть использована в качестве научной основы при разработке программ и концепций миграционной и социальной политики

г.Москва. Выводы исследования могут быть также использованы внутренними мигрантами в качестве практических рекомендаций по изменению своего социального поведения для успешной социальной адаптации в московском мегаполисе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышева Ю.С. Социокультурная адаптация мигрантов в условиях современного мегаполиса: на примере Москвы. Дис. на соиск. уч. ст. канд.культ.н. М., 2007.
2. Дулина Н.В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006.
3. Город в процессах исторических переходов / Под. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2001.
4. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005.
5. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004.
6. Назарова Е.А. Многонациональный мегаполис в координатах миграционной политики: социологический анализ. М.: «Современная экономика и политика», 2005.
7. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности: опыт комплексного анализа. М. М.: Институт человека РАН, Независимый институт гражданского общества, 2002.
8. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). Ростов н/Д ; Таганрог : ТРТУ, 2001.
9. Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Самара: СГПУ, 2008.
10. Хохлова А.М. Стратегии освоения мигрантами культурного пространства большого города. Дис. на соиск. уч. ст. канд.соц.н. СПб., 2007.
11. Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академический проект, 2006

Масалков И.К. Групповая биографическая интервенции в форме семинаров

Масалков Игорь Константинович - кандидат философских наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. home@home.soc.msu.su

В статье рассматривается одно из возможных использований клинической социологии в российском обществе. Семинар "Семейный роман и моя социальная траектория" создан по модели "группы встреч" К. Роджерса. Обсуждаются техники проведения семинара: генограмма, социодрама, родительский проект.

Ключевые слова: клиническая социология, группы встреч, семейный роман, биографическая интервенция.

Masalkov I.K. Collective biographical intervention in the form of encounter group

The article considers one form of clinical sociology in Russian society. This seminar is a certain group associated with the encounter group created by C. Rogers. The author discusses techniques of genosociogram, sociodrama and the parent project.

Key words: clinical sociology, encounter group, family saga, biographical intervention.

Клиническая социология может рассматриваться наряду с социальной инженерией как теория и практика социальной помощи. Социальная помощь в рамках клинического подхода имеет свою специфику и предполагает социальную интервенцию - инициирование изменения личности и восприятия окружающей среды на уровне индивида или общности. Она является разновидностью социального действия и предполагает совместное обсуждение и волевые действия и может идти в разных направлениях.

Особо ценный материал для социолога - клинициста дают беседы в круговом пространстве, организованные по модели "группы встреч", предложенной психотерапевтом К. Роджерсом в 1950-е и 1960-е гг. в рамках так называемого «гуманистического» направления. Сам Роджерс не был социологом, но его работы были замечены социологами. В групповой работе, по мнению Роджерса, ее участники способны оказать друг другу более эффективную терапевтическую помощь, чем профессиональный психотерапевт, который полностью замыкает общение с пациентом на себя.

Подход по модели "группы встреч" вызывает недоумение у самих клиентов, поскольку на вопрос: «Что мы будем обсуждать?» Роджерс отвечал: «Мы должны решить это вместе». Следствием такого ответа обычно являлась длительная недоуменная пауза, однако постепенно дискуссия завязывается и набирает темп внешне незаметно. Роль психотерапевта, имеющая много черт сходства (но одновременно и отличий) с ролью модератора фокус-групп, сводится к произнесению вступительного слова и к немногочисленным лаконичным репликам, подаваемым исключительно в целях стимулирования процесса. Группа, в которой максимально представлены имеющие место позиции, служит прекрасной действующей моделью эмоциональ-

но-социальной ситуации, сложившейся на изучаемом объекте. За полтора-два часа есть возможность отследить в такой группе практически все существенные интеракции и получить незаменимый аналитический материал [7].

В 80-х гг. XX века во Франции родилась идея проведения исследования на основе клинического подхода по теме "Семейный роман и моя социальная траектория". Этот групповой семинар особого вида, где работа с личной историей каждого из участников сочетается с научным исследованием общих тенденций изменения общества в целом, во Франции чаще называют семинаром «группового исследования и импликации» [2]. Изначально на его замысел большое влияние оказало идейное наследие З. Фрейда, Ж.-П. Сартра, К. Роджерса и П. Бурдые, а методология основывается на практике групповых перекрестных рассказов о жизни и поочередном переходе от работы над собой к анализу и коллективному генерированию гипотез.

Понятие «семейный роман» обращает наше внимание на семейную историю, передающуюся из поколения в поколение, где рассказывается о событиях прошлого, о судьбах различных персонажей в семейных преданиях. При этом понимается, что между "объективной" историей и "субъективным" рассказом существует расхождение. Каждый участник группового семинара становится в этом случае и субъектом, и объектом исследования. Исследование также является вспомогательным средством обучения, развития личности и работы над собой.

За три десятилетия своего существования первоначальный проект ГИИ конкретизировался французскими коллегами в нескольких направлениях. Прежде всего, определилась коммерческо-тематическая направленность семинаров, связанная с их рыночной востребованностью. Наиболее востребованными оказались темы: «семейный роман и социальная траектория», «любовный роман и социальная траектория», «семейный роман и идеологическая траектория», «лицом к лицу со стыдом», «эмоции и жизненные истории», «семейный роман и история денег».

На семинары ГИИ, проводимые директором Лаборатории социальных изменений университета Париж–7 профессором В. Де Гольжаком и его зарубежными коллегами в разных странах записались уже тысячи человек. В России среди участников трех проведенных им семинаров были студенты социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исследователи из различных дисциплинарных областей, которых объединяет интерес к клиническим исследованиям и желание освободиться от междисциплинарных перегородок, которые часто доминируют в теории и практике наук о человеке и обществе. Мотивации участников заключается как в получении дополнительного образования, так и в личностном развитии и совершенствовании своей исследовательской практики: понять себя, чтобы усовершенствовать свою профессиональную практику и открыть новые инструменты анализа. Особенно важным становится вопрос о необходимости познания социологом - клиницистом самого себя и своего жизненного опыта. Подготовка социального терапевта представляется как процесс саморазвития и самопознания чувствующей, думающей, действующей личности.

Средства, с помощью которых мы общаемся в рамках ГИИ, влияют на сам процесс общения. В нашем случае рассказы о жизни "организуются" и стимулируются с помощью относительно структурированных и директивных заданий.

Первое упражнение для каждого участника состоит в том, чтобы рассказать об истории своего имени, о тех соображениях, по которым родители его присвоили. При этом участники семинара прибегают к рассказам об ис-

тории семьи через построение генеалогического дерева, которое содержит огромную информацию. При анализе истории семьи особое внимание должно быть уделено наследуемым характеристикам, которые могут быть сгруппированы вдоль континуума, один полюс которого образуют очевидные наследуемые связи, такие, как цвет глаз, а другой — менее четкие связи, например предрасположенность к депрессии или к голосованию за партию оппозиции. Между ними имеется бесчисленное множество вероятностных связей с такими свойствами, как телосложение, темперамент, таланты, семейные симпатии и антипатии.

При клиническом анализе жизненной траектории отдельного участника необходимо собрать информацию, по меньшей мере, о трех поколениях, если это возможно, поскольку только тогда мы сможем увидеть структуру взаимодействия определенных сил, включая скачки через поколение, т.е. продолжающееся изменение долго после того, как реальный источник уже исчез. Семья является тем исключительным местом, в котором происходит взаимное наложение биологических, психологических и социальных процессов. Внутренние конфликты в плане межличностных отношений являются также и выражением социальных противоречий, пронизывающих семью. Каждый ее член стоит перед необходимостью находить ответ на противоречивые требования современности. К примеру, на противоречие между логикой замыкания на себя, требующей, чтобы семья стремилась поддерживать свою внутреннюю систему, обеспечивая свое воспроизводство, и потребностью каждого индивида приспособливаться к эволюции общества, чтобы найти в нем свое место. Таким образом, в России в некоторых традиционных династических семьях рабочих, учителей и военных отмечается расхождение между семейными габитусами и теми габитусами, которых следовало бы добиваться ради экономического и социального поддержания семьи, в особенности, в профессиональном мире. Там, где прежде высшее образование само по себе открывало доступ к позициям руководящих работников, теперь требуется заполучить диплом и задействовать дополнительные профессиональные стратегии.

Работа с модифицированным для целей семинара генеалогическим деревом, или как его чаще называют социологи-клиницисты геносоциограммой [3] - это безопасный способ вскрыть глубинную суть личностных проблем, как бы болезненны они ни были, и принять эту - только для участника семинара очевидную - истину. Работа с ней дает уникальную возможность заново пережить личную историю, по-новому взглянуть на нее и найти связь между своим прошлым и конфликтами в настоящем, одновременно предотвращая их в будущем.

Работа в социологическом плане с геносоциограммой позволяет идентифицировать различные демографические, экономические, профессиональные, культурные и семейные характеристики. С точки зрения социальных позиций и статусов членов семьи на протяжении нескольких поколений эта работа высвечивает классовую принадлежность, феномены социального восхождения или упадка, стратегии семейных альянсов или разрывов. Наконец, она показывает воздействие экономических, политических, социальных и культурных перемен на личные судьбы, как-то, к примеру, снижение рождаемости, повышение уровня образования, развитие средних классов, отступление детской смертности, упадок религиозности и так далее.

Геносоциограмма позволяет заметить уникальность траекторий, индивидуальные отличительные свойства, места, занимаемые каждым в семей-

ной системе. Например, она достаточно быстро раскрывает нам факт существования отношений исключительности, объединяющих разные поколения. Таким образом, здесь обнаруживаются привилегированные связи мать-сын и отец-дочь, которые могут повторяться в нескольких поколениях, выявляя воспроизведение эдиповых конфликтов из одного поколения в другое.

Геносоциграмма может быть использована для выявления процесса идентификации и контридентификации, межличностных отношений, различных чувств, характеризующих взаимосвязи между членами семьи. Привлечение специалистов по психосоциогенетике поможет отслеживать повторение несчастных случаев, болезней, симптомов или отыскивать синдромы годовщин [4].

В геносоциграмме высвечиваются не только вертикальные связи, но и горизонтальные, то есть появляется возможность анализировать проблемы исторической памяти и исторического сознания определенной эпохи по соответствующим социально-демографическим группам. Здесь широкое поле для совместных усилий историков и социологов.

Опросы россиян показывают [1], что всего 5% респондентов черпают знания и представления об истории своего народа, страны из семейных преданий и архивов, т.е. 95% знаний, представлений о прошлом человек получает за пределами семьи. Историческая память, полученные только через школу, книгу или кинематограф без эмоционального личного сопереживания никогда не “заработает” должным образом. 40% опрошенных вообще ничего не могут сказать даже о своих дедушках, а в основном, как правило, историческая память сводится к хранению некоторых семейных фотографий из далекого прошлого.

При построении и анализе геносоциграммы для социолога-клинициста важны ответы на следующие вопросы:

1. Сколько поколений со стороны отца и матери можно проследить?
2. Может ли участник семинара указать на этом семейном древе даты рождения, возраст и даты смерти членов его семьи? Сколько лет было клиенту, когда умирали его предки и рождались потомки?
3. Каковы были причины смерти того или иного родственника?
4. Каковы были национальность, вероисповедание, семейное положение, образ жизни, профессия, личностные особенности членов семьи?
5. Страдал ли кто-нибудь из них психическими и соматическими заболеваниями?
6. Каковы отношения участника с разными членами семьи, в частности, с отцом и матерью, братьями и сестрами, а также с собственными детьми? Как члены семьи относятся друг к другу? Как с годами менялись эти отношения?
7. Существуют ли какие-либо семейные тайны: алкоголизм, наркомания, суициды, психические нарушения, аномальные личности, отклоняющееся поведение?

Данные генеалогических исследований являются ценнейшим и, к сожалению, пока слабо вовлеченным в социологические исследования источником, открывающим такие стороны социального и исторического бытия, до которых не достучаться с помощью большей части традиционных методов и источников.

Во втором задании участники семинара делают рисунок на тему: "Чего ждали от меня родители - кем они хотели бы меня видеть?" Самовыражение с помощью графических средств особо ценно, когда необходимо оце-

нить интеллект, процессы мышления, установки, эмоции, гармонию души и тела. Сила воображения находит все большее признание в теории и практике социо- и психотерапии. Графическое средство часто выступает "третьим элементом" - посредником во взаимодействии между участниками ГИИ и выражает углубляющиеся отношения между ними. Многие характеристики диадического и группового взаимодействия переносятся на художественный объект — рисунок или скульптуру. Именно возможностью такого переноса во многом объясняется эффективность всех видов арт-терапии.

В ходе семинара отношения и обмен ролями может происходить в музыкальной форме, в танце или в драматическом действии. Первые шаги психодрамы как метода, принадлежащего клиническому подходу и психо-социологической интервенции, следует искать в начале XX века задолго до изобретения термина "психодрама". Н.Евреинов - русский драматург, режиссер и мыслитель начала века, работавший сначала в России, а затем после революции эмигрировавший, в одной из своих пьес описал собственную идею театротерапии: некий врач нанимает профессиональных актеров, чтобы те разыгрывали с принимающими все за чистую монету пациентами истории чувств и переживаний. Эта идея, воспринятая в свое время как неприятное и опасное манипулирование, через полвека была принята в видоизмененном варианте в качестве психо- и социодрамы [5].

Фото 1. Выполнение задания «семейная скульптура»

На семинарах ГИИ идет постоянное экспериментирование с различными методиками и техниками, способствующие самопознанию: рисование, театральное действие в виде психо- и социодрамы, танцевальная телесная экспрессия. Если упражнения по рисованию и живописанию благоприятствуют выражению воображаемого, то психодрама облегчает эмоциональную экспрессию, а сама ситуация работы в группе и общие рамки семинара ограничивают риск субъективизма. Каждый участник, разумеется, повернут к самому себе, но одновременно в равной степени и к другим видениям, другим рассказам, другим интерпретациям, отличным от его собственных. Пересекающиеся жизненные истории отзываются эхом в каждом из участников - в социальных, эмоциональных и психических аспектах - регистрах.

Сам факт процесса анализа того, в чем индивид запрограммирован своей историей, не изменяет эту историю. Напротив, меняется наше отношение к истории. При обсуждении социологических и исторических размерностей личностных траекторий, как своей, так и других людей, мы можем понять как различные факторы воздействовали на нас, как они способствовали тому, чтобы в своей семье и в социуме мы заняли то или иное положение. Все это глубоко изменяет наше отношение к этому "положению" и позволяет отчетливо понять, что реальность - это одна из форм реализуемого, что все возможное не сводится к наиболее вероятному.

На социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова по окончании спецкурса «Клиническая социология» автором традиционно проводится семинар "Семейный роман и моя социальная траектория". Открывается семинар внимательным обсуждением того или иного принесенного участниками предмета, несущего в себе глубокую семейную историю.

Фото 2. Завершение семинара дружественным чаепитием, для чего студенты приносят напитки и приготовленные по семейному рецепту блюда.

Клинический подход на примере семинаров "Семейный роман и социальная траектория" позволяет проникнуть в глубинные слои социальной реальности, которая отличается диффузным и во многом бессознательным характером взаимодействия людей. Общество рассматривается не как жесткий каркас, структурирующий вокруг себя множество текущих событий, а как "текущее", изменчивое образование, созданное и постоянно воссоздаваемое в повседневном взаимодействии индивидов. Такой подход имеет не только теоретическую, но и практическую ценность, способствуя наращиванию знаний о способах изменения, преобразования реальных свойств и характеристик социальной жизни.

Клиническое позиционирование в социологии вырабатывается с огромным трудом и очень легко теряется. Оно предполагает трудоемкие этапы профессионального обучения, многоуровневые системы наблюдения за интервенционистской практикой и ее контроль. При клиническом подходе вопрос о междисциплинарности становится принципиальным, так как мы имеем дело с конкретным, а оно всегда комплексно. Специфика интересующего нас объекта - во взаимосвязи и пересечении субъективного и объективного, психического и социального. Поэтому клинический подход так удачно вписался в качественную методологию социологии.

Будущие социологи - клиницисты, а актуальность подготовки специалистов такого профиля не вызывает сомнений, вряд ли обойдутся образованием в рамках существующей университетской программы. Студенты социологических факультетов в рамках основного плана должны получать фундаментальные сведения о теории и практике психоанализа, теории личности, теории психических и социальных отклонений, о методах консультирования и терапии, а также о бесчисленных возможностях использования клинического подхода в общественной жизни и политике, в литературе и искусстве, в антропологии и философии.

Литература

1. Божков О.Б. Родословные (генеалогические) деревья как объект социологического анализа // Социологический журнал. 1998. N 3/4. С. 117–143.
2. Гольжак де В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / Пер. с фр. И. К. Масалкова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003.
3. Горянина В.А., Масалков И.К. Преображение жизненных ситуаций: эффективные психосоциальные технологии. М.: Совершенство, 1999.
4. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм / Пер. с фр. Масалкова И.К. - М.: Изд-во Института Психотерапии, 2009.
5. Эткинд А. М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб: "Медуза", 1993.
6. Bonetti M., Fraisse J., Gaulejac V.de. Que faire des histoires de famille ? ou roman familial et trajectoire sociale // Le groupe familial, n 96, juillet - septembre 1982.
7. Rogers C. Le Développement de la personne. Paris, Dunod, 1966.

Морозова Татьяна Ивановна - кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный университет. lilipon@yandex.ru

Морозова Т.И. Самоорганизация молодежи как социокультурная проблема

В статье рассматривается самоорганизация молодежи как многоуровневый и многофакторный процесс. Он включает в себя системы связей между молодежью и различными социальными институтами; упорядочивание межличностных отношений между молодыми людьми, которые носят по преимуществу неформальный характер; формирование молодежных объединений формального и неформального типов; а также саморегулирование личности конкретного молодого человека, упорядочивание его диспозиции, определение жизненной стратегии.

Ключевые слова: молодежь, самоорганизация, молодежные объединения, саморегулирование, ценностные ориентации молодежи.

Morozova T.I.

Self-organizing young people as the sociocultural problem

The self-organization of youth as multilevel and multiple-factor process is considered. This process includes the system of the connections between youth and various social institutions; regulating of informal interpersonal relations between youth; formation of the formal and informal youth associations; self-regulation of the young person, regulating of his disposition, definition of the vital strategy.

Keywords: youth, self-organization, youth associations, self-regulation, value orientation.

Социологические исследования по молодежной проблематике, проводимые в последние годы, фиксируют противоречивое состояние сознания российской молодежи. В его структуре отчетливо выражены позитивные установки на общение со сверстниками, на личное участие в каких-либо ассоциациях по интересам. Но наряду с этим российская молодежь демонстрирует крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации. Хотя часто термин «синергетика» используется как синоним слова «самоорганизация» [1, с. 6], мы рассматриваем самоорганизацию как одну из важнейших характеристик молодежного сознания и поведения. В широком значении самоорганизация молодежи представляет собой процесс упорядочивания внутренних и внешних связей молодежи, как особой социально-демографической группы, ее отдельных подструктур и личностей под влиянием изменений молодежной среды и социального окружения.

Проблема самоорганизации приобретает ярко выраженный социокультурный характер, то есть «замыкается» на специфику молодежных ценностей и смыслов, на восприятие молодыми людьми традиций и современных социальных норм. В условиях социальной трансформации возможны три варианта развития ценностных систем:

- сохранение прежней ценностной системы субъекта, даже вопреки происходящим общественным переменам. Сформированная в процессе прошлого опыта индивидуальная система ценностных ориентаций служит своеобразным фильтром для поступающей извне ценностной информации;

- расстройство индивидуальной ценностной системы. Состояние, которое означает индивидуальный ценностный вакуум, социальное отчуждение;

- развитие - такое изменение в ценностно-ориентационной системе личности, когда обогащается внутреннее содержание ценностных ориентации с помощью механизма адаптации к изменившейся социокультурной среде [2].

Проблема эволюции ценностных ориентаций молодежи России начала активно обсуждаться еще в начале 1990-х годов прошлого века [3]. Несколько позднее А.А. Козлов определил основной вектор трансформации ценностной системы молодого поколения первой половины 1990-х гг. следующим образом:

- по своим социально-политическим установкам и ориентациям современное поколение может быть охарактеризовано как в массе своей демократическое;

- по отношению к экономическим составляющим оно в основе своей является прорыночным;

- оно плюралистично по своим идейным позициям;

- по структуре и содержанию качеств, объективно необходимых для жизни, молодые россияне оказываются в более выгодном положении, нежели представители старших поколений;

- несмотря на значительные трудности, с которыми приходится встречаться молодым людям, они сохраняют высокий уровень оптимизма;

- наконец, они в массе своей видят себя в качестве граждан новой России с довольно высокими показателями российского патриотизма и этноцентричности [4, с. 10].

Безусловно, данная точка зрения не является единственной и общепризнанной. Проблема молодежных ценностей крайне сложна для понимания. Она требует системного анализа, в ходе которого должны применяться различные методологические подходы.

Исследования, проведенные Информационно-социологической группой отдела, а затем и управления по делам молодежи Белгородской области в первой половине 1990-х годов [5], а также в ряде других регионов, выявили ряд характерных тенденций в развитии молодежного сознания.

Во-первых, выдвигание на первый план ценностей индивидуалистического характера, связанных с практическим успехом и достижением личного благополучия. Обобщение этих данных позволило сделать вывод о том, что в молодежном сознании стали доминировать престижно-потребительские установки и ориентации [6, с. 12]. Их преобладание стало естественной реакцией молодежи на реализацию стратегии внедрения рыночных принципов в экономику. По данным исследований, проведенных в 1990-е гг. в Тюменской области, «в процессе социализации молодежь усвоила основной принцип рыночных отношений, какую бы сферу он не затрагивал: экономическую, политическую либо духовную: «главное - инициатива, предприимчивость и поиск нового». Уже по этим двум выборам мы можем сделать вывод, что перед нами обновленное поколение, освободившееся от контроля обычаев и норм, принятых большинством. Оно пойдет по пути поиска нового, приобретая при этом, возможно, не только положительный опыт» [7].

Во-вторых, в начале 1990-х годов стало возможным вести речь о нравственной дезориентации значительной части молодых людей, которые все чаще стали затрудняться различать в реальной жизни нравственное и

безнравственное, добро и зло, потеряли четкое представление о моральной норме. Это наглядно подтвердило социологическое исследование «Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение», проведенное в Белгородской области в 1994 г. В ходе его лишь 55,6% опрошенных молодых людей заявили, что имеют представление о том, какие действия и поступки являются нравственными. 14,9% признали, что не имеют такого представления. 28,6% - вообще затруднились ответить [8, с. 22].

При этом реально число дезориентированных молодых людей было значительно выше, так как гораздо большее число респондентов затруднилось дать моральную оценку конкретным поступкам и действиям. Так лишь 49,7% опрошенных оценили, как безнравственное, воровство, 48,3% - вымогательство; 35,6% - проституцию; 42,7% - измену друзьям [9].

В юношеской среде основными ценностнообразующими факторами стали не идеальные требования и установки, усвоенные в процессе воспитания, но жизненные обстоятельства и образцы поведения, интериоризированные в результате общения с наиболее авторитетными представителями референтных групп из числа сверстников и взрослых. В случае противоречия между ними приоритет отдавался вторым и третьим. Нравственная дезориентация молодежи имела множество предпосылок, но главными среди них были: целенаправленное разрушение традиций; тотальное утверждение квазирыночных отношений, основанных на имитации товарно-денежного обмена и пролонгирование таких отношений на все сферы жизни.

Такого рода тенденции дали основание А.С. Панарину крайне резко оценивать духовно-нравственное состояние современной молодежи: «деморализация и дезориентация молодого поколения несомненны»; «духовная атмосфера порождает активистов не созидания, а разрушения, разложения и растрепания» [10, с. 150, 389].

В-третьих, нравственная дезориентация была дополнена правовой безграмотностью, которая, безусловно, не сопоставима с невежеством в нравственной сфере, но в ряде случаев существенна. Неслучайно, по данным отмеченного нами исследования, на наличие у себя ясного представления о правовых и противоправных действиях в 1994 году указали лишь 66,3 % респондентов. 14,75 % ответили, что не имеют такового. 19,1% - затруднились ответить. Однако и в этом случае многие из ответивших затруднились дать правовую оценку конкретным правонарушениям: 1,7 % - воровству; 31,2 % - бродяжничеству; 4,26 % - вымогательству; 15,2 % - проституции [11, с. 13].

По данным масштабного исследования, проведенного В.Т. Лисовским в 1997-2001 гг. (четыре волны опросов, всероссийская выборка), около трети респондентов (за исключением 1999 г.) гипотетически допускали свое участие в криминальных группировках [12].

Существенно и то обстоятельство, что несовершенство нормативно-правовых норм, противоречивость и непоследовательность некоторых законодательных актов породили у части юношей их негативное восприятие, отказ следовать этим нормам, несмотря на достаточно хорошую осведомленность об их содержании.

В-четвертых, произошла значительная диверсификация ценностных и правовых ориентаций. Это дало основание говорить о наличии в молодежной среде различных субкультур, среди которых особую роль стала играть делинквентная субкультура, которая по своим параметрам, несомненно, принадлежала к типичным культурам аутсайдерства, но, фактически, рассматривалась значительной частью молодых людей как нормативная и наи-

более привлекательная. По данным исследований, проведенных тюменскими социологами в 1990-е гг., 70% опрошенных считали, что человек должен жить в той стране, где ему больше нравится. Авторы исследования писали: «заграница» для молодых людей более привлекательна, этим можно объяснить стремление молодых людей получить образование за рубежом или в престижных вузах нашей страны, имеющих связи с иностранными учебными заведениями. Такое образование становится для них залогом, первой ступенью к достижению своей цели - возможности состояться профессионально. Молодые люди часто не только не отождествляют себя с Родиной, «которая у человека одна», но и со своим поколением. Личную жизнь соотносят с жизнью своего поколения только 31% респондентов; остальные считают, что «для человека важна оценка своей личной жизни по собственным индивидуальным критериям» [13]. И этот вывод в значительной степени правомерен и сегодня.

В-пятых, в первой половине 1990-х годов сформировалась особая иерархия целевых установок, которая в некоторой степени сохраняет свое значение до настоящего времени. При этом произошло своеобразное разграничение индивидуальных и коллективных ценностно-целевых установок. В частности, наиболее важными жизненными целями молодежи в целом участники исследования «Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение», проведенного в Белгородской области, называли: деньги, деловую карьеру, образование, профессию. При этом в иерархии ценностей на более низких местах оказались: мир, секс, любовь, идеалы, вера. 5,0 % респондентов вообще не ответили на вопрос, 7,5 % затруднились ответить. Приоритеты своих личных целей молодые люди определили так: семейное счастье (69,7%); свобода и независимость в поступках (37,1%); богатство (32,7%) [14, с. 32].

Сравнение двух иерархий показывает, что в 1990-е годы в сознании значительной части молодежи, как уже отмечалось выше, сформировался когнитивно-ценностный диссонанс, который проявился в противоречии между личными смысложизненными ориентациями и установками, предлагаемыми нестабильным обществом в качестве универсальных норм поведения [15, с. 43]. Подобное противоречие не типично для стабильных обществ, но может рассматриваться как весьма характерный элемент кризисного социума, которым была Россия на протяжении более чем десятилетия, и, к сожалению, в значительной мере остается и в настоящее время.

Безусловно, за последние годы произошли некоторые изменения в оценках и суждениях молодежи. Однако в целом отношение молодых людей к обществу остается весьма критическим. В частности, в ходе исследования «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» (2008 г.) более четверти респондентов в Белгородской области (28,8%) заявили, что их не удовлетворяет общество, в котором они живут. А о том, что удовлетворяет, сказали менее половины (45,4%). И довольно большая часть опрошенных не смогла ответить на данный вопрос. Высокий уровень критичности в молодежной среде фиксируют и опросы, проведенные московскими социологами. Так в ходе всероссийского социологического исследования «Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и общественный аспекты» (2007 г.) выяснилось, что лишь пятая часть его участников считает социально-политическую ситуацию в стране благополучной, а более половины – неопределенной [16, с. 21].

В-шестых, ценностная система молодежи демонстрирует довольно четкое отличие от ценностей старшего поколения. Если для «родителей» большее место в системе ценностей занимали терминальные ценности, то для «детей» наиболее важны - инструментальные. Если родители ориентировались в основном на интегрирующие ценности, то дети – на дифференцирующие.

В результате этих изменений в настоящее время фиксируются такие характеристики духовного мира и общественного сознания российской молодежи, как преимущественная установка на индивидуализм, прагматизм в выборе жизненных стратегий, кризис нормативности и др. В молодежной среде нарастают процессы «атомизации» выражающиеся во все большей «замкнутости» молодых людей на самих себя, в снижении значимости коллективистских ценностей. Молодежь все меньше рассчитывает на поддержку извне, предпочитает верить в свои силы. Эта установка, рассматриваемая вне контекста проблемы самоорганизации, может быть квалифицирована как позитивное явление. Но нельзя не учитывать, что установка на собственные силы в реальной жизни нередко оборачивается более или менее сознательным дистанцированием от окружающих, недооценкой фактора помощи и поддержки с их стороны. Подобная позиция, чаще всего, формируется как результат недостаточной рефлексивности молодежного сознания, отражающегося в неспособности значительной части молодых людей к критической самооценке, к внутреннему конструктивному диалогу. Таким образом, сложившаяся в молодежной среде ситуация характеризуется более или менее ясно выраженным противоречием между объективной потребностью в восприятии мира и неспособностью к адекватной оценке самого себя, окружения и социальных контрагентов.

Недостаток саморефлексии более или менее отчетливо отражается и в иерархии молодежных ценностей. Так, по данным исследования «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» (2008 г.) [17], в жизненных планах молодых людей на доминирующих позициях – семейное счастье, карьера, богатство. В частности, семейного счастья хотят почти две трети (65,0%) опрошенных. Две пятых (41,2%) настроены на карьеру. Третья часть (33,0%) респондентов хочет богатства. Значительное количество респондентов (27,4%) называет одним из своих основных приоритетов реализацию таланта и способностей. Почти столько же (26,5%) считают для себя важным достижение свободы и независимости в решениях и поступках. Обращает на себя внимание, что карьерные устремления лишь отчасти связываются со стремлением стать профессионалом в своем деле. Если сделать карьеру хотят 41,2%, то стать квалифицированным специалистом – 18,1%. Возможно, карьера в глазах значительной части молодежи – это уже терминальная ценность, тогда как профессионализм – инструментальная. Десятая часть опрошенных (11,2%) стремится к власти. Столько же намереваются принести пользу человечеству и своей стране. Немногим меньшее количество (10,2%) хочет славы. Незначительная доля респондентов (5,8%) и к ним, вероятно, следует прибавить тех, кто не смог дать определенный ответ (2,5%), то есть в общих масштабах их может быть достаточно много, не определила для себя какие-либо позитивные цели и хотят лишь того, чтобы их не трогали (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Чего бы вы хотели добиться в жизни?»

Варианты ответов	
------------------	--

	абс	%
Семейного счастья	455	65.00%
Сделать карьеру	289	41.29%
Богатства	231	33.00%
Иметь возможность реализовать свой талант и способности	192	27.43%
Быть свободным и независимым в своих решениях и поступках	186	26.57%
Стать квалифицированным специалистом	127	18.14%
Принести пользу человечеству и своей стране	79	11.29%
Власти	79	11.29%
Славы	72	10.29%
Покоя и возможности ни во что не вмешиваться	41	5.86%
Затрудняюсь ответить	15	2.14%
Не ответили	3	0.43%
Всего	700	100%

Очевидно, что единственная коллективистская ценность в приведенном перечне («принести пользу человечеству и своей стране») получила поддержку лишь 11,2% респондентов. Все остальные ценности, указанные в лучшем случае, практически, таким же («власть», «слава») или значительно большим числом участников опроса, носят индивидуалистский характер. И, по сути своей, они изначально не заключают в себе самоорганизующего потенциала. Безусловно, вполне реальной представляется самоорганизация молодых людей, ориентирующихся на карьеру, семейное счастье или свободу. Но обычно это ведет к позитивным следствиям только в том случае, если объединяются люди, способные к саморегуляции, отчетливо сознающие степень своей свободы и меру ответственности. В данной связи следует подчеркнуть, что для большинства современных молодых людей нехарактерна способность к саморегуляции, к самоуправлению. Их поведенческие реакции чаще всего спонтанны, жизненные цели неопределенны, или, по меньшей мере, рационально не мотивированы. Если исходить из классификации М. Вебера, то такое поведение следует определить либо как аффективное, либо как ценностно-рациональное. И если на ценностно-рациональной, идеологической основе еще возможно и реально объединение, то аффективное поведение может вести к формированию толпы или же маргинальных неформальных объединений, первоначально выступающих как следствие спонтанной и преимущественно деструктивной реакции на социальные реалии (скинхеды, панки и т.п.). Однако последние, просуществовав сравнительно недолгое время, обычно становятся объектами манипуляции различных общественно-политических сил, как это имеет место с различными группами спортивных фанатов, и инкорпорируются в управляемые модели социума.

Идеологически же ориентированные объединения молодых людей также маловероятны в современной России в силу дискредитации идеологий. Сегодня они мыслятся, скорее, как теоретическая возможность, чем как реальность, подлежащая изучению и анализу.

Разумеется, подобная общая оценка не означает, что молодые люди абсолютно едины в своих ценностных ориентациях. Исследования показывают, что жизненные ценности и установки неодинаково выражены в различных группах респондентов, что дополнительно дезинтегрирует молодежную среду по гендерному, возрастному, поселенческому признакам. Так, для мужчин и женщин актуализированы различия, прежде всего, в интенсивности выборов такой ценности, как семейное счастье и, в меньшей степени, богатство, власть, карьера. По данным нашего исследования, если семейное счастье является доминантой для 74,4% молодых женщин, то доля мужчин, отметивших соответствующий вариант ответа, составляет 55,4% (на 18,9 п.п. меньше). Стать богатыми очень хотят 29,5% женщин и 36,1% мужчин (на 6,5% больше). Достичь власти – 7,6% женщин и 15,0% мужчин (на 7,3% больше). Сделать карьеру – и этот результат оказался несколько неожиданным – 45,1% женщин и 37,2% мужчин (на 7,8% меньше). Остальные различия в ценностных ориентациях находятся фактически в пределах статистической погрешности.

Анализ ценностно-мотивационной системы молодежи показывает, что в жизненных устремлениях молодежи семейное счастье обладает безусловным приоритетом. Это позитивная ценность, но ценность, объективно обладающая и атомизационным потенциалом. Настроенность исключительно на семейное счастье, не сочетающаяся с иными жизненными планами, не способствует формированию и развитию долговременных коммуникативных стратегий, без которых невозможна восходящая социальная мобильность в профессиональной, общественно-политической и др. сферах.

Атомизации способствует и то, что у части молодежи сформировано завышенное представление о собственных жизненных перспективах, о своих возможностях. Так, четыре пятых респондентов (82,7%) считает, что им удастся реализовать свои планы. Однако в безусловности этого убеждено уже гораздо меньшее количество – 27,7%.

Это свидетельствует о том, что собственное будущее уже не так безоговорочно признается успешным и безоблачным. Молодые люди понимают, что на этом пути могут возникнуть препятствия, которые нужно преодолевать. Предварительно можно констатировать, что уже хотя бы в такой форме – признания возможных неудач и ограничений – в сознании молодежи присутствует определенная рефлексия. Но представляется, что она носит крайне ограниченный характер.

Ответы респондентов на вопрос о факторах жизненного успеха позволяют четко определить наиболее приоритетные из них в сознании молодежи. Прежде всего, знания, целеустремленность и связи. Эти три определения с большим отрывом доминируют над иными факторами жизненного успеха. Молодые люди не считают, что для достижения успеха нужно постоянно подчиняться требованиям окружения, но и нестандартность мышления и поступков (склонность к инновациям) также имеет небольшую ценность. Таким образом, понимание средств и факторов жизненного успеха молодежью достаточно реалистично и, в то же время, неоригинально в том смысле, что вполне соответствует шаблону, сформировавшемуся в последние 10-15 лет. Общественная активность, как указано выше, не рассматривается подавляющим большинством респондентов в качестве фактора жизненного успеха. Между тем, этот канал мобильности может быть при определенных условиях очень эффективен хотя бы для приобретения связей и знакомств, на которые так уповают респонденты. Недооценка социальной активности как фактора достижения жизненных целей, на наш взгляд, является еще од-

ним подтверждением недостаточной рефлексивности молодежного сознания, проявляющейся, в частности, в узости восприятия социальной реальности.

Очевидно и то, что в ходе общественной активности вполне могли бы формироваться предпосылки для самоорганизации молодых людей. Но, поскольку эта активность минимальна, надеяться на такой вариант развития событий было бы в современных условиях иллюзией.

Вера «в самого себя», как показало исследование «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии», существенно превалирует в сознании молодежи над верой в иные достойные ее объекты, что подтверждает значимость для молодежи индивидуалистических практик и ориентаций (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Во что Вы верите?»

Варианты ответов	Количество	
	абс	%
В самого себя	409	58.43%
В удачу	103	14.71%
В Бога	151	21.57%
В других людей	16	2.29%
В силу	19	2.71%
В торжество справедливости	22	3.14%
В светлое будущее	71	10.14%
Ни во что не верю	53	7.57%
Не ответили	3	0.43%
Всего	700	100%

Подобная самоуверенность, на наш взгляд, не меньше, чем характер ценностей, стимулирует тенденцию к автономизации молодых людей. И данная тенденция, несомненно, порождала бы серию конфликтов и коллизий при условии дистанцирования от окружающих. Однако этого в действительности не происходит. Конфликты в молодежной среде, хотя и имеют место, но не представляют собой системного явления. Не типичны они и для взаимоотношений современной российской молодежи со старшими поколениями. В значительной мере это объясняется спецификой молодежных рефлексивных практик. Доминирование в среде молодежи конформистских моделей поведения при недостаточной осмысленности реальной противоречивости социальных интересов в определенной степени стабилизирует социальную ситуацию как на макро-, так и на микроуровне. Однако отсутствие явного, открытого конфликта и напряженности далеко не всегда свидетельствует о том, что этот конфликт не является подавленным, латентным либо отсроченным. И в ряде случаев явный конфликт может быть предпочтительней скрытого, так как последний, создавая видимость социальной стабильности, зачастую приводит к деформации общественного и личного сознания.

Примечания:

1. Буланичев В.А., Серков Л.А. Синергетическое моделирование образовательных процессов. М., 2007.

2. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации (поколенный подход) // www.i-u.ru/biblio/archive/gavriluk%5Fdynamika/.
3. См.: Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции. М., 1994.
4. Козлов А.А. Молодежь – лидирующая группа общества // Человек и общество: тенденции социальных изменений. СПб. - Мн. - Ростов-на-Дону: Санкт-Петербургский госуниверситет, 1997. Вып. 2. Ч. 1. С.10.
5. В их числе исследования: «Проблемы организации социальных служб для молодежи Белгородской области» (общий объем выборки 800 респондентов); «Молодежь и власть» (объем выборки 1000 респондентов); «Перспективы развития социальных служб для молодежи Белгородской области» (объем выборки 4010 респондентов); «Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение» (объем выборки 1000 респондентов); «Социальные и психологические факторы правонарушений в молодежной среде» (объем выборки 2000 респондентов); «Молодежь России» (объем выборки 500 респондентов).
6. Социальный облик молодежи Красноярского края // Молодежная политика. Информационный бюллетень. 1996. №107-108.
7. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации (поколенный подход) // www.i-u.ru/biblio/archive/gavriluk%5Fdynamika/
8. См.: Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение. Белгород, 1994.
9. Там же. С. 22.
10. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
11. См.: Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение. Белгород, 1994.
12. Лисовский В.Т. Социальные изменения в молодежной среде // www.orenburg.ru/culture/credo/01_2002/4.html.
13. . Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации (поколенный подход) // www.i-u.ru/biblio/archive/gavriluk%5Fdynamika/
14. Положение молодежи в Белгородской области: 1996-1997 годы. Доклад главе администрации Белгородской области. Белгород, 1997.
15. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи в пограничном регионе: проблемы диагностики и регулирования. Белгород, 2007.
16. Гегель Л.А., Зубков В.И., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты (отчет о всероссийском социологическом исследовании). М., 2008.
17. Исследование проведено кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета в Белгородской области среди молодежи в возрасте 14-29 лет. Выборка составила 700 респондентов.

Сутужко В.В. Социальная норма и социальный статус как основания оценивания

Сутужко Валерий Валериевич - кандидат философских наук, доцент, Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, г. Саратов. vavasut@mail.ru

Социальные нормы и социальные статусы участвуют в образовании критерия оценивания и входят в его структуру. Определение оценочных критериев, эквивалентов, процесс выбора между различными социальными позициями, социальными нормами, влияние социальных стереотипов на формирование социальных оценок являются одной из важнейших проблем современной психологии, социологии и философии.

Ключевые слова: оценка, самооценка, социальная оценка, оценивание, оценочная деятельность, социальная норма, социальный статус, система общественных отношений.

Sutuzhko V.V.

The social norm and the social status as the bases of estimation

Social norms and social statuses participate in formation of criterion of estimation and enter into its structure. Definition of estimated criteria, equivalents, choice process between various social positions, social norms, influence of social stereotypes on formation of social estimations are one of the major problems of modern psychology, sociology and philosophy.

Keywords: estimatee, a self-estimatee, a social estimatee, estimation, estimated activity, social norm, the social status, system of public relations.

Вначале определим основные понятия с учетом того, что оценочная деятельность является компонентом системы общественных отношений. Думается, что имеет смысл развести понятия «общая оценка» и «социальная оценка». Оценивание в общем виде – это психический акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта. Процесс социального оценивания – определение соответствия какого-либо социального события (явления, факта) определенным социальным критериям, которые выдвигает общество или сам человек, исходя из своего социального опыта. Общая оценка содержательно наиболее широкое понятие, так как ее предмет имеет общую значимость для всех людей (здесь нет предела в рамках объективной исторической практики допустимого распространения значений). Социальная оценка связана с определением социальной значимости объекта, и ее предмет имеет значение для конкретной социальной среды, группы, класса, страты, этноса, общества (здесь всегда есть предел допустимого распространения значений, ограниченный конкретными социальными обстоятельствами).

Вместе с тем, любая оценка феноменологически представляется социальной оценкой вследствие того, что ее осуществляет общественный

человек, но понятийное отделение общей оценки и социальной оценки представляется весьма продуктивным. Объектом социальной оценки в отличие от общей оценки (субъект-объектного отношения) выступает субъект или субъект-субъектное отношение. При социальном оценивании отношение субъекта к объекту с точки зрения его значимости специфично именно в связи с содержанием этого объекта. Объектом такого субъектного отношения является все разнообразие субъектов и межсубъектных отношений⁶⁶. В ряду социальных оценок отдельного упоминания заслуживает общественная оценка (объект оценивания – общество), выражаемая в общественном (массовом) мнении. В социальной философии, вероятно в силу ригидности традиционных названий, для характеристики общественной оценки до сих пор применяется термин «общественное мнение», в котором по сути лишь выражается результат общественного оценивания.

В любом субъектном отношении содержится хотя бы элементарный оценочный акт (аспект). Это отношение к различным объектам (к людям, предметам, событиям и так далее) содержит оценку их значимости для данного субъекта. В такой (оценочной) функции отношение субъекта к другим людям (субъектам) содержит истоки морали и науки о ней этики, изучающие межличностные (субъектно-субъектные) взаимоотношения⁶⁷. В контексте этого следует понимать, что оценивание других людей основывается на этических критериях. Но и всякая оценка – производное от социальных ценностей, проявляющихся в общественных отношениях. Человек формирует свой мир под влиянием оценок других, значимых для него, людей. Вследствие этого социальные оценки являются основанием и регулятором для индивидуальной оценки. Также социальные оценки зависят и от общественных отношений. На это указывает то, что формирует социальную оценку в системе общественных отношений: социальная направленность, социальные установки, статусы, престиж, обыденное массовое сознание, идеология и другое. Социальная оценка – во многом результат усвоения системы штампов и шаблонов массового сознания, зачастую она является продуктом мифологизированного сознания и стереотипизации мышления.

В системе общественных отношений точкой отсчета при формировании социальной оценки является социальная норма, которая служит главным критерием, образцом для подражания, определенным мерилем ценности того или иного социального объекта. При соответствии социальной норме объект получает положительную социальную оценку. Более того, социализация личности считается успешной только при усвоении человеком социальных норм своего социального окружения, общества, в котором он живет⁶⁸. Понятие «норма» в широком смысле слова обозначает правило или руководящее начало. Для определения социальной нормы необходимо выделить данную группу норм из всей нормативной совокупности, сформулировать ее специфические, отличные от других норм, особенности. Если речь

⁶⁶ Сутужко В.В. Природа, сущность и функции социальной оценки // Социальная политика и социология. 2007, № 4.

⁶⁷ См.: Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избранные труды. – М., 2002.

⁶⁸ Сидоренко Н.И. Социальные нормы и регуляция человеческой деятельности: Автореф. дис...д. филос. наук. – М., 1997. – С. 15-16.

идет об изучении социальных взаимодействий индивидов, то, вероятно, социальными нормами будут являться те, которые выполняют функции регулирования этих взаимодействий, а шире – отношений человека и общества. При этом специфика социальных норм будет заключаться не только в том, что они регулируют социальное поведение людей, но и в том, что они требуют действий определенного типа, выражая должное в реализации индивидуальных и общественных интересов. Для формирования социальной оценки социальные нормы важны как своеобразная шкала оценивания. В случае совпадения с существующей социальной нормой объект оценивания получает высокую положительную социальную оценку. В обратном случае – объект расценивается как нежелательный, негативный или даже угрожающий комфортному существованию, благополучию других людей.

Одним из важнейших признаков социальной нормы является ее императивность (повелительность), которая выражается в том, что социальное поведение, не соответствующее ей, обязательно вызывает негативную социальную оценку. По мнению Т. Парсонса, социальный порядок осуществляется через процесс социализации, в ходе которого социальные нормы и ценности приобретают качество внутренней принудительной силы⁶⁹. Норма является императивным выражением ценности, определенной системой правил, которые направлены на ее воспроизводство. Социальные нормы как элемент общественного сознания несут прескриптивную информацию, включая в себя различные виды предписаний, которые в совокупности образуют сферу должного. Этими предписаниями и руководствуется субъект, вынося свою оценку тем или иным социальным событиям, явлениям или другим членам общества. Адекватность социальных оценок выражается в её соответствии социальным нормам. В этом смысле диалектический характер социальной оценки не в последнюю очередь обусловлен природой социальных норм, которой присуще и объективное, и субъективное начало.

Объективный характер социальных норм определяется следующими обстоятельствами. Социальные нормы, исторически сами создаваемые в ходе социального оценивания, возникают из объективной потребности социальных систем в саморегуляции, поддержании стабильности и порядка. Норма неотделима от отношений обмена, характер которых также детерминирован способом производства и распределения. Поэтому материально-духовное благо, выступающее объектом обменных операций, задано существующими экономическими и социально-культурными условиями. Вместе с тем в социальной норме неизменно присутствуют субъективные качества, поскольку потребность общества в поддержании устойчивости осознается субъектами: индивидами, социальными группами (в том числе общественной элитой – нормозадающей группой), стратами, классами и другими. Результатом такого осознания является стремлением взять под защиту одну группу норм, «перекрыть» действие других, приспособить определенные нормативные системы к наиболее оптимальному обслуживанию конкретных социальных интересов. Такое субъективное оценивание социальной значимости объективных социальных норм играет чрезвычайно важную роль в установлении в обществе ценностных эталонов и стандартов, «в усилении воздействия социальных норм на сознание и поведение людей»⁷⁰. Относительно синтеза объективного и субъективного в социальной норме существ-

⁶⁹ Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997. – С. 45.

⁷⁰ Андреевкова Н.В. Проблемы социализации личности: Социальные исследования. – М., 1970. – С. 303.

вуют различные точки зрения. Одна из них состоит в констатации объективной природы социальной нормы, возникающей в повторяющихся общественных отношениях и выражающей их внутренние закономерные связи. Социальная норма выводится из деятельности людей и отмечается, что деятельность «нормативна», изначально «нормы» присутствуют в той или иной степени на всех ее этапах⁷¹. Другая точка зрения заключается в том, что социальная норма есть элемент общественного и индивидуального сознания, продукт специализированной идеологической деятельности различных субъектов нормотворчества⁷².

Однако, прежде всего, социальная норма – результат давления устойчивых стереотипов. Доказательством истинности такого тезиса служат глубокие различия систем социальных норм и оценок не только в различных типах общества, но и в разных этнических группах. Поэтому в общественной жизни формирование оценок, обусловленное социальными нормами, как правило, происходит в результате стереотипизации. Нашу критериальную систему во многом определяет, тот факт, кто мы, где родились, с кем общаемся, наш материальный достаток, в общем, положение в системе общественных отношений, или социальный статус⁷³. Социальный статус – совокупность прав и обязанностей, социальных ожиданий, форм и объемов материального и морального вознаграждения, устойчивых нормативных форм поведения личности. Социальный статус формируется на основе закона, административных актов, обычаев, морали, религии, общественного мнения и тому подобного. Социальный статус – позиция в социальной структуре, по которой индивид в соответствии «с предписываемым или достигаемым критерием оценивается с точки зрения престижа или знатности»⁷⁴.

Как видим, социальная оценка формируется относительно социального статуса субъекта и им же во многом и определяется. Эта оценка будет как субъективной, так и объективной, поскольку самооценка тесно связана с внешней социальной оценкой, которую индивид получает в соответствии со своим местоположением в общественной иерархии. В теории социологии отмечается «субъективное» (индивидуальное ощущение престижа) и «объективное» (социально-правовое положение индивида) измерения статуса. Некоторые авторы считают, что социальный статус – это положение личности, занимаемое в обществе в соответствии с возрастом, полом, происхождением, профессией, семейным положением. Наиболее общим является определение П.А. Сорокина, в котором статусом называется позиция человека в обществе с определенными правами и обязанностями. В большей или меньшей степени феномен социального статуса в контексте социального оценивания исследовали П. Бергер, Ю.Л. Качанов, Л.Н. Короткова, Т. Лукман, Н.А. Шматко и другие.

Социальная оценка поведения индивида определяется престижностью его статусной позиции и соответствием его поведения предписанной

⁷¹ Боголюбов Л.Н., Лазебникова А.Ю. Человек и общество. – М., 1997. – С. 130.

⁷² Сидоренко Н.И. Социальные нормы и регуляция человеческой деятельности. Автореф. дис...д. филос. наук. – М., 1997. – С. 20.

⁷³ Кочетков В.В. Социальный статус и уровень интеллекта. – М., 1999. – С. 102.

⁷⁴ Littlejohn J. Social Stratification, an introduction. – L., 1972. – P. 48.

модели. Для общественного мнения более приемлемым является ведущий себя в соответствие со своим статусом мусорщик, чем эпатажирующий своим поведением адвокат. Однако, говоря о роли социальной оценки в системе общественных отношений, не следует забывать о двойственности оценивания «внешкальных» социальных позиций («Что позволено Юпитеру – то не позволено быку»). То, что прощается в социальной оценке знаменитой модели – не прощается домохозяйке. В обществе существует целая «каста неприкасаемых». В основном это известные люди, представители искусства, спорта, науки (элита общества), в эту категорию входило и существующее до сих пор дворянство (в большей мере аристократия). Социальный статус во многом определяет формирование социальной оценки главным образом потому, что является ресурсом, открывающим для человека возможности влиять на общество и получать посредством этого ресурса привилегированные позиции в системе власти и распределении материальных благ. Социальный статус определяется многочисленными показателями, которые задаются типом социокультурной системы. В современных обществах особенно важны такие критерии, как престиж профессии, уровень дохода, продолжительность и качество образования, объем властных полномочий, размер собственности.

Другими словами, социальные статусы находятся в соподчиненности друг другу, а значит, соотношение их, как правило, выражается в понятиях «выше/ниже». Социальные статусы не равны друг другу и отражают неравенство людей, поэтому и по-разному оцениваются. Во-вторых, понятие социального статуса всегда относительно. Понятие социального статуса неприменимо ни к одному человеку, пока он находится один, сам по себе, вне связи с другими людьми. Для того чтобы это понятие обрело смысл, требуются, по меньшей мере, два человека, индивидуальный статус одного из которых неизбежно будет отличаться от индивидуального статуса другого. Различные социальные позиции, занимаемые индивидом, могут быть интегрированы в обобщенный социальный статус, который, конечно, нечто большее, чем простая сумма частных статусов. Социальный статус человека выражается также социальной дистанцией между участниками общения. Социальная дистанция динамична, изменение дистанции, как правило, является прерогативой вышестоящего участника коммуникации. Дистанционный план социального статуса выражается в «погашении» индивидуальных характеристик человека, занимающего определенную социальную позицию, и в актуализации отношений неравноправия между участниками общения. Существуют различные показатели дистанцированности: территория, ритуалы, церемониальное поведение, объяснение очевидных истин, намеренно грубое или провокационное поведение и другое. Дистанционный аспект социального статуса выражается также в субъективной оценке своего социального статуса и социального статуса партнера. Человек фактически может занимать позицию вышестоящего, но относиться к партнеру как к равному, либо фактически быть нижестоящим, однако вести себя так, будто его социальный статус весьма высок.

Социальная дистанция проявляется в двух формах. Во-первых, это дистанция между статусными позициями в одномерной плоскости социального пространства (например, политического, административного, экономического, символического). Эту тему наиболее полно разрабатывали А.И. Кравченко, С.М. Липсет, Р.К. Мертон, Г.В. Осипов и другие. Здесь измерение дистанции возможно лишь с помощью категории власти (в каждой плоскости своего вида: административной, политической, экономической и

другой), исходя из социальной оценки того, кто стоит выше, кто над кем имеет власть, то есть в состоянии навязать свою волю. Для занятия места в этой иерархии неважно, насколько счастлив человек и как много он чего-то потребляет. Имущество, деньги и прочее превращаются в фактор управления социальными отношениями, который регулирует социальную дистанцию. Общественные отношения становятся личным капиталом. Объективная социальная дистанция поддерживается с помощью инструментов власти: чем выше кресло, тем больше на пути к нему стоит референтов, секретарей, телохранителей. Человек, имеющий власть, регулирует социальную дистанцию в одностороннем порядке, решая, кому открывать двери, а кого не пускать и к подъезду.

Во-вторых, социальная дистанция характеризует существующие личностные отношения (А. Гастев, В.И. Ильин, Ф. Тейлор). Эта форма социальной дистанции связана с первой, но отнюдь не жестко, так как она определяется системами ценностей, которые разделяют сопоставляемые люди (здесь в качестве единицы социального оценивания выступает индивид, занимающий несколько статусных позиций). Каждый индивид регулирует дистанцию с другим (индивидом) на обоюдной основе: начальник решает, допускать или не допускать работника на прием, однако работник сам решает, идти на прием по личному вопросу или не идти. На желание сократить социальную дистанцию влияет не само место во властной иерархии, а его престижность. «Власть» и «престиж» коррелируют друг с другом, но не столь сильно, как это кажется обладателям высоких должностей.

Иначе говоря, в общественных отношениях пересекаются социальные оценки и самооценки. Отметим, что в самооценке своего социального статуса на первый план выдвигается чувство принадлежности к определенному слою общества. Усвоенные характеристики социального статуса (образование, профессия, экономический уровень жизни) не меняют социальную оценку людей с низким социальным статусом по независимым характеристикам (раса, национальность, возраст): немец-врач, как для немцев, так и для людей остальных национальностей – прежде всего немец. Оценочно-нормативный формат социального статуса раскрывается в понятиях привилегий, престижа и уважения. Социальное равенство или неравенство складываются в процессе социального оценивания результатов сравнения статусных позиций, являющихся в первую очередь частями единого целого, которые находятся в непосредственном взаимодействии. Универсальным фактом общественной жизни является распределение различных социальных вознаграждений среди людей, занимающих различное общественное положение. Эти социальные вознаграждения сводятся к трем типам (власть, богатство, престиж) и проявляются тремя способами (непосредственное потребление, символическое потребление, обмен).

Оценочный аспект социального статуса выражается и в таком понятии, как уважение (авторитет, репутация, реноме, респект), которое часто связывают с престижем, честью, славой, достоинством, совестью человека. Высокая оценка личности определяется характеристиками социального права на уважение (родом занятий, богатством и его типом, доходом и способом его получения, стилем жизни, уровнем образования, политической или корпоративной властью, близостью к лицам или позициям, пользующимся политической или корпоративной властью, родственными отношениями, представительскими функциями от имени своего сообщества по отношению к внешним сообществам, владением «объективными свидетельствами» уважения, такими как титул или ранг). Наиболее высоко оцениваются в обще-

стве те занятия или должности, которые связаны с властью над телом и духом людей. Богатство заслуживает уважения только в том случае, если оно связано с определенным стилем жизни.

Стиль жизни вызывает уважение в силу того, что он является наиболее разработанной системой проявления символических ценностей общества. Так, например, еще недавно само умение читать автоматически повышало социальную оценку индивидуума в глазах окружающих. На определенной стадии образовательного насыщения общества этот социальный статус оценочно нейтрализуется. Становится социально важным не наличие образования, а степень образованности. Социальный статус позволяет человеку формировать оценку своего положения в обществе, сравнивая положение своей социальной группы с соответствующим положением других групп и свое собственное положение внутри группы с положением других в этой группе (причем его интересы могут противоречить интересам, как других, так и группы в целом). Результатом социального оценивания общественной значимости того или иного статуса, закрепленной в культуре, социальных отношениях и в общественном мнении, является престиж. Престиж – социально-психологическая категория: индивид или социальная группа могут пользоваться им до тех пор, пока их показатели престижа признаются другими людьми, желающими выразить им почтение. Следовательно, различия в социальном оценивании индивидуальных статусных позиций связаны с индивидуально-социальным осознанием значимости ранжирования по престижу. Поэтому престиж, как и социальный статус в системе общественных отношений во многом определяются результатами социального оценивания.

В заключение подведем некоторые итоги. Оценивание в системе общественных отношений является мощным регулятором социального поведения и функционирования человека. Оценка реализуется во многих формах деятельности субъекта, в ходе осуществления которых он познает и преобразует окружающий мир и самого себя. С помощью социального оценивания выбираются не только те объекты, которые значимы для отдельной личности, но и необходимы обществу.

С оценкой взаимосвязаны такие гносеологические категории, как цель и идеал, имеющие огромное значение для созидательного общественного строительства и развития морали (идеалы, цели, нормы, социальные задачи участвуют в образовании оценочного критерия и входят в структуру оценки).

Однако «точкой опоры» для формирования социально-оценочного суждения является ценность. Оценивание позволяет решать проблему выбора ценностей (соотношения между ценностями индивида и общества), являющуюся издавна камнем преткновения в различных философских, социальных и психологических концепциях. Поэтому определение оценочных критериев, эквивалентов, процесс выбора между различными социальными позициями, социальными установками, влияние социальных стереотипов на формирование социальной оценки является одной из важнейших задач современной социальной философии и социологии, имеющих как теоретическую, так и практическую ценность. Познав механизмы формирования общественной, социальной оценки и самооценки можно прогнозировать поведение человека, его реакцию на различные ситуации, разрешать социальные и личностные конфликты. Применяя социально-оценочную концепцию, можно точнее моделировать формы и методы управления общественными отношениями.

Таким образом, оценка в системе общественных отношений, форми-

руясь преимущественно в виде социальной оценки, является критерием социального мировоззрения, влияет на выбор социальных ценностей, участвует в принятии решений, организации социального управления и служит своеобразной нормой общественного развития.

Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи

Шевченко Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета. sheviren@yandex.ru

Внимание автора привлекли малоизученные проблемы: роль отчима в семье, его отношения с женой и детьми жены от первого брака. Предпринята попытка выявить факторы, влияющие на качество внутрисемейных связей и распределение ролей в повторной семье. В основу статьи положено исследование, проведенное под руководством автора.

Ключевые слова: внутрисемейные отношения, отчим, пасынок, падчерица, повторный брак.

Shevchenko I.O. Step-father in the structure of the contemporary Russian family

The author describes little-studied problems, such as social stepfather's role in family, interconnectivity of his relations with his wife and her children, taken up from her first marriage. The factors which have an influence on specific character of within-family relations and role-making process are exposed. The author's own survey results became the basis of this article.

Key words: within-family relations, stepfather, stepchild, repeated marriage.

Количество разводов в России в целом по стране составляет 70% от заключаемых браков, в 60% семей разводящихся супругов есть дети. Количество повторных браков составляет примерно 30% от общего числа регистрируемых браков^{lxviii}. В скольких повторных браках у супругов есть дети, статистических данных нет, но и так понятно, что проблема повторных (иногда их называют сводными) семей существует. Российские социологи практически не обращались к данной тематике. Исключение составляет небольшое исследование Т.А. Гурко^{lxix}. Данные зарубежных исследователей весьма противоречивы. Один из аспектов этой проблемы – как складываются отношения отчимов как с собственной женой, так и с её детьми от предыдущего брака. Образ отчима в обыденном сознании обычно не радужный (впрочем, мачехе «досталось» куда больше). Действительно ли все это так грустно? Ведь отчимов становится всё больше.

Весной-осенью 2010 г. под руководством автора было проведено исследование «Отчим в структуре современной российской семьи». Методом глубинного интервью опрашивались отчиму и их жены, в том числе бывшие (т.е. ныне разведенные) супруги. Мужья и жены интервьюировались отдельно, то есть не слышали ответов своих «половин» и не знали ответов друг друга. Такая «секретность» получаемой информации способствует большей откровенности респондентов. Были случаи, когда респондент, отвечая, просил: «Только мужу (жене) не говорите». Любопытно, что при этом временами информация или её оценка супругами выдавалась схожая. Супруги со-

стояли как в зарегистрированном, так и гражданском браке. В основном, гражданский брак предшествовал официальному. Исключение составляли случаи, когда гражданский союз распался совсем (бывшие супруги также входили в состав респондентов).

В опросе методом глубинного интервью участвовали следующие группы респондентов:

– отчимы, у которых есть свои дети от предыдущего брака и есть общие с нынешней женой дети;

– отчимы, у которых нет своих детей от предыдущего брака, но есть общие с нынешней женой дети;

– отчимы, у которых нет своих детей от предыдущего брака и нет общих детей с нынешней женой, то есть в наличии только дети жены.

Наибольшая сложность в проведении исследования состояла в поиске респондентов и их мотивации к откровенным ответам; особенно это относится к мужчинам. Исследование проводилось в Москве и Ярославской области. Всего опрошено 20 семей (в том числе представители распавшихся официальных и гражданских союзов).

Следует отметить также, что в выборку, скорее всего, не попали откровенно неблагополучные семьи: представители таких семей просто отказывались от интервью. Поэтому у нас есть только косвенная информация о ситуациях в таких семьях. Это практически неизбежное, сложно преодолеваемое смещение выборки в исследованиях, где используется глубинное интервью. Вероятно, чтобы получить достаточно полную информацию об этой группе семей, необходимо использовать другие методики, а также привлекать данные психологов, социальных работников, правоохранительных органов.

В качестве дополнительного источника информации использовались данные исследования «Отец в моей жизни», проведенного автором в 2009-2010 гг. Молодым людям (18-25 лет) предлагалось написать эссе на заданную тему с просьбой осветить определенные вопросы, касающиеся роли отца в их жизни^{lxx}. Среди респондентов были и такие, кто писал об отчимах. Эти данные носят иллюстративный характер.

По результатам нашего исследования мы установили, что женщина является важным звеном в формировании хороших отношений между отчимом и ее ребенком. От поведения женщины, от ее отношения к мужчине в значительной степени зависит благоприятный фон в семье. «Я вообще считаю, что в семье мир и покой – это заслуга женщины, да...»^{lxxi}.

Если мать доверяет мужчине, соответственно, позволяет ему вмешиваться в воспитание ребенка, то отношения между отчимом и её ребенком складываются более близкие. В обратном случае мужчина «отстраняется» от воспитания. Отметим также, что и желание мужчины участвовать или не участвовать в воспитании ребенка жены также играет свою роль.

Судя по ответам респондентов, для обоих полов предпочтительнее, чтобы жена имела скрытую власть, а муж доминировал внешне. Для мужчин важно оставаться главным в семье, но при этом они не прочь подчиняться женщинам, при условии, что это подчинение не будет явным. При этом большинство отвечавших отмечало, что практически все проблемы обсуждаются ими совместно. Таким образом, и в этом исследовании подтверждается очень заметная тенденция к эгалитарным отношениям в семье.

Важно также, чтобы муж был готов взять на себя ответственность за новую семью, и не только за жену, но и за её ребенка. Для женщины чрезвычайно важно, как складывается взаимодействие ребенка и нового мужа.

Большинство респонденток прямо говорили, что отношение мужчины к её ребенку (детям) определило их совместное будущее или его отсутствие: «Мое мнение, нужно сразу смотреть, как вот этот мужчина относится к детям...и если это меня бы устроило, допустим, вот мне нравились эти отношения, что он тянулся к ним, что они бы к нему тянулись, может быть, я бы и продолжала с ним жить или может даже оформили отношения и действительно у нас была бы полноценная семья, но если я этого не вижу сразу.. – то есть, я оцениваю сразу по отношению к детям – значит, отношения дальнейшие строить нет смысла»^{lxxii}. Это подтверждают и мужчины: «Для жены было важно, чтобы я нашел общий язык с её ребенком. Она так мне и сказала: «Найдешь общий язык с Дашей – значит, у нас есть будущее»^{lxxiii}.

Относительно взаимоотношений детей с отчимами, мы выяснили, что возраст детей на момент знакомства является существенным условием формирования их отношений. Чем старше ребенок, тем сложнее их взаимодействие. Но если отчим не любит детей (ребенка) или не хочет идти на контакт с ребенком, не желая себя обременять себя лишними заботами, отношения не складываются и с малышом: такое поведение порождает отторжение со стороны детей, поскольку дети все прекрасно чувствуют, хотя и не всегда могут выразить это словами. Если же они изначально не чувствуют отчужденности нового мужчины матери, они сами готовы идти на сближение. В свою очередь, это стимулирует и отчимов: несколько респондентов именно после первого шага детей пошли с ними на контакт. Вот что говорил респондент: «Да, в принципе, никаких сложностей не было [в отношениях с ребенком], даже, наверное, это больше его заслуга, чем моя. Потому что он все время бегаёт за мной, я понял это. Ну у него, естественно, нарастающая любовь ко мне шла более прогрессивно, чем у меня к нему, но, соответственно, это так и должно быть, потому что у ребенка генетически заложена любовь к маме, так как мама любит папу, соответственно, любовь и к нему передается... Но чем больше тебя любят, тем ты соответственно, больше любишь»^{lxxiv}.

Маленькие дети часто воспринимают «заменителя отца» как родного человека, с ними легче наладить контакт, они быстро забывают, что имеют дело с «чужим дядей». Дети старшего возраста, даже подростки, отличающиеся особой ершистостью, при условии правильного поведения взрослого, принимают ситуацию как должную, признавая право матери на личную жизнь. Они скорее будут воспринимать отчима как старшего, возможно авторитетного взрослого, а не как отца.

Влияет ли наличие собственных детей у мужчины на его поведение по отношению к ребенку жены в новой семье? Как минимум, это означает присутствие некоторого опыта общения и взаимодействия с детьми вообще. Тем не менее, однозначной зависимости выявить не удалось. Можно попытаться сгруппировать респондентов: 1-я группа – те, у кого есть собственный ребенок, воспринимающие ребенка жены как «чужого»; даже при желании мужчины наладить отношения, пасынок (падчерица) остаются для него таковыми. Видимо, это те мужчины, про кого психологи говорят, что они способны по-настоящему любить только того, кто им полностью принадлежит, своеобразные «собственники». 2-я группа мужчин - способны принять и любить и своего, родного по крови ребенка, и ребенка жены. Иногда такие отцы, если их лишили возможности часто (или вообще) видеть своего ребенка, воспринимают пасынка (падчерицу) как «замену» родного. Кстати, представители первой группы на такую «замену» не способны. 3-я группа, увы, лишена отцовских чувств начисто. Насколько много мужчин принад-

лежат к той или иной группе, качественными методами выявить невозможно.

Особенности отношений, связанные с гендерной принадлежностью ребенка, практически не проявились в исследовании. Большинство респондентов мужчин (преимущественно активно участвующих в воспитании) указывало на то, что есть некоторые тонкости (примерно тоже самое говорят любящие отцы), но более важными оказывались психологические особенности ребенка: контактен-замкнут, общителен-закрыт и т.п.

Также в своем исследовании мы выяснили, что дети не являются обузой для взрослых в 9 из 10 случаев. «Когда мужчина выбирает женщину... он ведь выбирает женщину, а не ребенка, так ведь? И отношения изначально строятся не с ребенком, а с женщиной. Если у него с женщиной все хорошо, мне кажется, и с ребенком. То есть если он уважает эту женщину, согласен с ней жить, то ребенок никоим образом помехи не может создать в данной ситуации. Если со второй половиной все хорошо, никаких нет точек расхождения, то ребенок никакого значения здесь не может играть. Абсолютно»^{lxxv}.

Более того, многие говорили, что, напротив, присутствие ребенка сблизило взрослых, поскольку «жизнь семьи крутилась вокруг него». Любопытен вывод одного из респондентов, что при наличии ребенка отношения становятся полноценными и более разнообразными: «Сейчас (через 7 лет) скажу, что [без ребенка] было бы хуже. Не знаю, дошли бы наши с Наташей отношения до какой-либо точки вообще. Мне удобно, что он есть, не надо ежесекундно общаться с ней, ну и вообще когда три человека – бывают паузы (двое вместе, третий переключается на «отдых», на себя). Я в гостях – они вместе... 3 пары отношений – полнее и легче, а всё время вместе вдвоём – утомляет»^{lxxvi}.

И только если отношения не заладились изначально (т.е. не сложились отношения между взрослыми), респонденты предполагают, что ребенок в какой-то мере мешает. Проблема ревности ребенка, конечно, возникает, но она снимается в повседневном общении. Таким образом, для большинства взрослых (и женщин, и мужчин), ребенок – это проверка чувств и прочности отношений взрослых, а также то, что укрепляет взаимоотношения между мужчиной и женщиной: «Вы знаете, как всегда, все встречи и все знакомства, нас, наверное, сдерживал ребенок больше. Мы бы, может, и не построили в свое время семью, если бы не было Егора. Он нас связал. Заставил где-то уступать, где-то смягчать что-то. То есть, Егор как-то создал семью»^{lxxvii}.

Обычно в таком духе высказываются отчимы, у которых сложились хорошие отношения с детьми жены (пускай, возможно, и не сразу), а также их жены. Чаще всего они также говорят, что их взаимодействие с пасынком или падчерицей сродни взаимодействию отцов и детей, родных по крови. А вот если что-то не сложилось, и контакты с ребенком скорее дружеские, чем «отцовские», или семья вообще распалась, то ребенок превращается в «объект, усложняющий жизнь»^{lxxviii}. Выявилась также интересная закономерность: если в семье сложились хорошие отношения, в ней обычно появляется ещё и общий ребенок, даже если старшие дети (как мужа, так и жены) уже взрослые.

По итогам исследования мы можем утверждать, что в повторных семьях наличие отчима необязательно негативно сказывается на ребенке. Порой в первобрачных семьях ребенок испытывает больший стресс от общения с постоянно конфликтующими родителями или пьющим и агрессивным отцом. Супруги не разводятся, якобы в интересах ребенка, не понимая,

что тем самым разрушают психику ребенку, трансформируя его представления о благополучной семье, что впоследствии экстраполируется на другие поколения. Таким образом, получается, что лучше хороший отчим, чем плохой отец. При определенных обстоятельствах отчим вполне способен заменить ребенку родного отца «Отец, это тот, кто воспитывает, а не биологический»^{lxxxix}. Этот вывод подтверждается мнением самих детей: «Мы стараемся всегда поддерживать друг друга... Ко мне папа относится также, как и к остальным членам нашей семьи... Во многом, мой взгляд на жизнь воспитал во мне папа... Я писал о своем отчине, хотя с двух лет зову его папой. Да, по бумагам он мне не отец, но бумаги для нас ничего не значат, куда важнее наша дружба и любовь: он любит меня как родного сына, а я его – как самого родного отца»^{lxxx}.

Отметим также, что отчимы, которых младшее поколение воспринимает как отцов (пусть и не называет папой), не отстраняются от детей жены, а участвуют в их воспитании совместно с ней. Видимо, это очень значимый фактор, влияющий на степень близости ребенка и взрослого. Кстати, следует подчеркнуть, что большинство респондентов-женщин указывали, что растить ребенка с мужем легче в материальном плане: то есть отчимы не жалели денег на неродных детей. Но этого, оказывается, недостаточно: для развития позитивного фона в семье необходимо взаимодействие всех взрослых и детей. Совместные занятия также укрепляют отношения.

Немаловажно, что формальное (юридическое) усыновление-удочерение не связано с возникновением отцовско-сыновних (отцовско-дочерних) связей: в большинстве семей официальное оформление усыновления отсутствовало. Зачастую не заключался и официальный брак. Многие пары задумывались о государственной регистрации только перед рождением общего ребенка, а до этого события порой проходило немало лет. Так вот, наличие или отсутствие зарегистрированного брака также само по себе практически никак не влияло на взаимодействие отцов и детей. Возможно, это связано с тем, что женщины, имея сына или дочку, изначально «применяли» возможные контакты с учетом интересов детей.

Наличие собственного отца, как выясняется, играет роль только в случае активного участия родного отца в жизни ребенка. В этом случае отчиму, при самом благоприятном раскладе, уготована роль старшего авторитетного друга. Опять же, и это зависит от реакции отчима на выпад ребенка, который неизбежно пытается сравнивать двух мужчин: «Поначалу он говорил: «Мой папа самый лучший (лучше всех играет в... у него самая лучшая...))». Я ничего не имел против. Это у него через год-другой прошло. Сейчас у нас отношения близкие, тёплые, как родные»^{lxxxxi}. Но женщины обычно – и их большинство – склонны вытеснять родных отцов из жизни их детей, потому что они «мешают» им строить новую семью. Справедливости ради скажем, что и отцы далеко не всегда рвутся общаться с детьми после развода.^{lxxxii} В любом случае, конечно, наличие ещё одного участника отношений, пуская и косвенно, накладывает отпечаток и на взаимодействие отчима и ребенка. Как вариант – мужчина отстраняется от воспитания, поскольку есть родной отец, «вот он пусть и воспитывает». Чаще всего это лишь внешний повод, оправдывающий нежелание заниматься ребенком.

В задачу исследования не входило выяснение, насколько влияют на отношения в сводной семье позиция родного отца ребенка и родственников бывшего мужа. Тем не менее, часть респондентов указывала, что такое влияние, безусловно, существует. Как, впрочем, и влияние родственников

матери. Однозначно, ребенка, особенно маленького, можно соответствующе настроить – как в «плюс», так и в «минус».

Отдельным вопросом является, как складываются отношения пасынков (падчериц) и общих детей супругов в повторной семье. Прослеживается отчетливая закономерность: сложились теплые или хотя бы дружеско-нейтральные отношения с отчимом – и братья-сестры ощущают себя родными. Остался отчим чужим человеком для приемного сына или дочери – и братско-сестринских отношений тоже практически нет.

Отношения детей с отчимами могут не складываться по разным причинам. Первое – это не генетическая связь, и то, что прощается родному отцу, не прощается отчиму. Но при длительном совместном проживании и сложившихся теплых отношениях данная проблема становится несущественной, люди как бы «забывают», что не являются родными по крови. Кроме того, мешает отсутствие социальных норм (в том числе устоявшихся обыденных), регулирующих повторные браки. Каждая семья устанавливает их сама, а представления мужа и жены о «правильных» отношениях часто отличаются. Наконец, в повторном браке, где есть дети от первого, пара вынуждена преодолевать бытующий в обществе стереотип, что по-настоящему можно любить только родного ребенка. Как указано выше, это не всегда так, а вот опровергать соответствующий обывательский предрассудок зачастую приходится.

Итак, можно определить некоторые факторы, которые являются определяющими в построении отношений отчимов с другими членами семьи (женой и её детьми). Такими факторами являются:

- возраст ребенка жены на момент знакомства с отчимом;
- стремление мужчины наладить взаимоотношения с ребенком жены, завоевать его расположение и любовь;
- поведение матери, которая может позволять или запрещать воспитывать своего ребенка и вообще является «проводником» отношений, её позитивный настрой чрезвычайно важен, возможно, является одним из определяющих факторов;
- важно, кто в такой семье является главным, на ком лежит ответственность по обеспечению и координированию членов семьи, а также – умеют ли взрослые договариваться по спорным вопросам как жизни семьи в целом, так и воспитания детей;
- самый же существенный фактор, который и определяет все всю суть семейной жизни – это отношения мужа и жены друг к другу, основанные на любви, симпатии, уважении и доверии. Это платформа, основание любой семьи, и ребенок любого возраста способен это понять (пускай и на интуитивном уровне) и оценить, соответственно будут складываться и его отношения с отчимом.

В заключение необходимо отметить, что исследование проводилось качественными методами, позволило выявить проблемы и некоторые тенденции, которые, разумеется, требуют подтверждения на большой выборке.

Примечания:

Статья основана на анализе опубликованной в открытом доступе в Интернете базы данных международного Европейского социального исследования, в третьем (2006 г.) и четвертом (2008 г.) раундах которого приняла участие и Российская Федерация. На основе анализа анкет 4949 российских респондентов автор пришел к выводу о том, что высокая ценность личной

свободы может быть одним из факторов разводов и сожительства без регистрации брака, особенно для женщин.

Ключевые слова: семья, безразводный брак, послеразводный брак, брачный статус, ценность личной свободы

Синельников А.Б. Семья и ценности личной свободы¹

Синельников Александр Борисович - кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. e-mail: sinelka@mail.ru

Sinelnikov A.B.

Family and values individual freedom.

The article is based on Internet free database of 3-rd and 4-th rounds of international European Social Survey (4949 respondents from Russian Federation in 2006 and 2008). The author make a conclusion that high values of individual freedom for respondents may be one of factors of divorce and cohabitation without legal marriage, especially for women.

Keywords: family, marriage without divorce, post-divorce remarriage, marital status, values of individual freedom

Введение

Настоящая статья написана на основании данных Европейского социального исследования (ESS - European Social Survey). ESS – это академический проект, целью которого является попытка описать и объяснить взаимосвязь между изменениями, которые сегодня происходят в социальных институтах Европы, и установками, верованиями и ценностями, а также поведением различных групп населения. Инфраструктура проекта финансируется Европейским научным фондом, а конкретная реализация обеспечивается научными фондами и институтами в каждой из стран-участниц. Россия приняла участие в исследовании в 2006 г. (3-й раунд проекта) и в 2008 г. (4-й раунд). Подробная информация об этом исследовании на английском языке находится на сайте: www.europeansocialsurvey.org. В Российской Федерации исследование проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (www.cessi.ru). С анкетой на русском языке можно познакомиться на сайте www.ess-ru.ru. Координатор проекта от российской стороны – А.В. Андреевкова. База данных Европейского социального исследования на английском языке размещена в Интернете в открытом доступе на сайте: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview> с возможностью построения таблиц и анализа данных в программе SPSS в режиме он-лайн. На основании анализа данных ESS был издан аналитический доклад [2], вышла в свет научная монография [3], а также опубликованы некоторые статьи, посвященные семейной жизни и удовлетворенности жизнью в целом [4, 5], социализации молодежи [6, 7], социальному неравенству [8, 9], религиозности [10], отношения населения к системе здравоохранения [11] и некоторым другим сторонам жизни россиян и европейцев.

Общее число респондентов 3-го и 4-го раундов ESS в нашей стране – 4949 человек. Столь большая и репрезентативная выборка позволяет строить комбинационные таблицы по сочетанию двух, трех и даже четырех параметров и детально анализировать связь между ценностью личной свободы с точки зрения респондентов, с одной стороны, и их брачно-семейным статусом, с другой.

В анкете ESS, которая заполнялась интервьюерами со слов респондентов, есть группа вопросов «human values» - «человеческие ценности». Один из них относится к ценности личной свободы. На русском языке он сформулирован следующим образом:

«Сейчас я прочитаю Вам краткие описания некоторых людей. Пожалуйста, послушайте каждое описание и скажите мне, насколько каждый из этих людей похож или не похож на Вас?»

Для него важно самому принимать решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других.

Варианты ответа:

Очень похож на меня

В значительной степени похож на меня

Немного похож на меня

Совсем чуть-чуть похож на меня

Не похож на меня

Совсем не похож на меня

Затрудняюсь ответить

В данной статье показателем ориентации на личную свободу считается доля респондентов, выбравших первые два варианта ответа: «*Очень похож на меня*» и «*В значительной степени похож на меня*». Так как взвешивание данных с помощью дизайн-весов, характеризующих повышенные или пониженные шансы каждого из респондентов попасть в выборку, меняет величину показателя ценности личной свободы не более, чем на 1%, и при этом затрудняет оценку статистической достоверности различий между группами респондентов по этому показателю [12], в статье используются прямые, невзвешенные данные. Это позволяет применять t-критерий Стьюдента для достоверности различий.

Ценность личной свободы для мужчин и женщин разных возрастов

60% российских участников Европейского социального исследования считают себя очень (или в значительной степени) похожими на человека, для которого важно самому принимать решения о том, что и как делать, и которому нравится быть свободным и не зависеть от других.

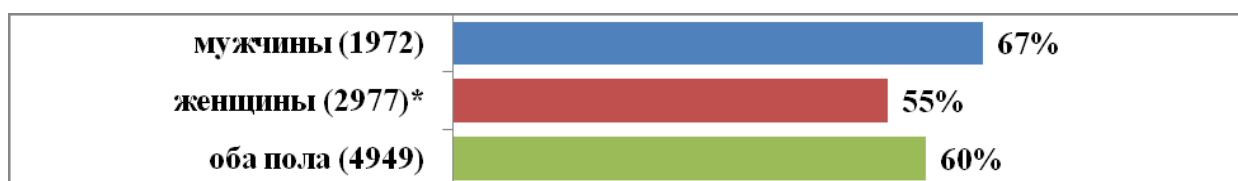

Рис. 1. Ценность личной свободы у мужчин и женщин (Доля респондентов, считающих себя очень (или в значительной степени) похожими на человека, для которого важно самому принимать решения о том, что и как делать, и которому нравится быть свободным и не зависеть от других (% к числу респондентов соответствующего пола).

(Примечание: На этом и последующих рисунках в скобках вслед за названием категории респондентов указана их численность в выборке).

*отличие показателя для женщин от показателя для мужчин статистически значимо ($t > 2$).

Мужчины придерживаются этого мнения значительно чаще, чем женщины (67% против 55%). Статистическая значимость различия по полу не вызывает никаких сомнений. Эти различия имеют место в каждой возрастной группе.

70% мужчин и 63% женщин в возрасте до 30 лет высоко ценят личную свободу. Разница между этими показателями в данной возрастной группе относительно невелика (7%), но статистически вполне достоверна. В возрастах старше 30 лет гендерные различия также существенны и даже более заметны (11-12%).

После 45 лет у мужчин и после 30 лет у женщин ценность личной свободы снижается по сравнению с более молодыми возрастами. У мужчин до 30 лет данный показатель равен 70%, в 30-44 года – 72%, в 45-59 лет – 67%, в 60 лет и старше – 56%. У женщин соответственно – 63%, 60%, 56% и 45%.

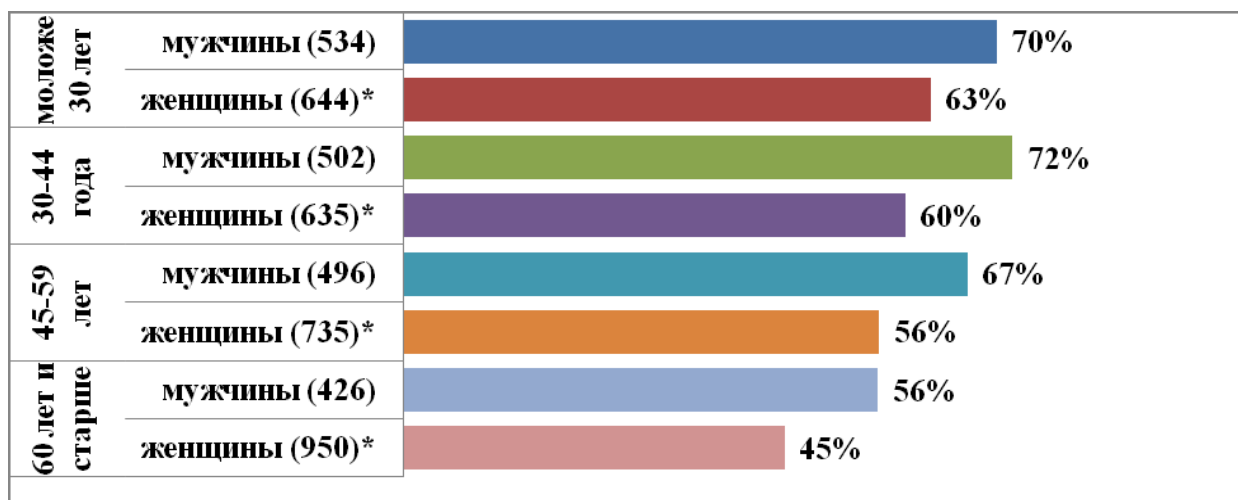

Рис. 2. Ценность личной свободы у мужчин и женщин по возрастным группам (в % к числу респондентов соответствующего пола и возраста).

*отличие показателя для женщин от показателя для мужчин того же возраста статистически достоверно ($t > 2$).

Влияние семейного положения на мнения о личной свободе

Как среди мужчин, так и среди женщин мнения о личной свободе и независимости зависят от брачного статуса. Среди женатых мужчин высоко ценят личную свободу 67%, а среди разведенных и разошедшихся мужчин – 71%. Правда, разница между ними невелика и статистически не существенна ($t < 2$). Соответствующие показатели для замужних женщин составляют 50%, а для разведенных и разошедшихся женщин – 65%, т.е. примерно столько же, сколько для женатых мужчин. Разница между этими двумя группами женщин довольно велика (15%) и статистически вполне достоверна.

Однако, как среди мужчин, так и среди женщин разведенные ценят личную свободу выше, чем состоящие в браке. Жизнь после развода связана со многими трудностями, но сам развод дает возможность, как мужчинам, так и женщинам самостоятельно принимать решения, независимо от мнения другого супруга. Правда, такой свободой пользуются и те, кто никогда не состоял в официальном браке. Но при этом мужчины, которые никогда не были женаты, оценивают личную свободу примерно так же (68%), как и женатые (67%).

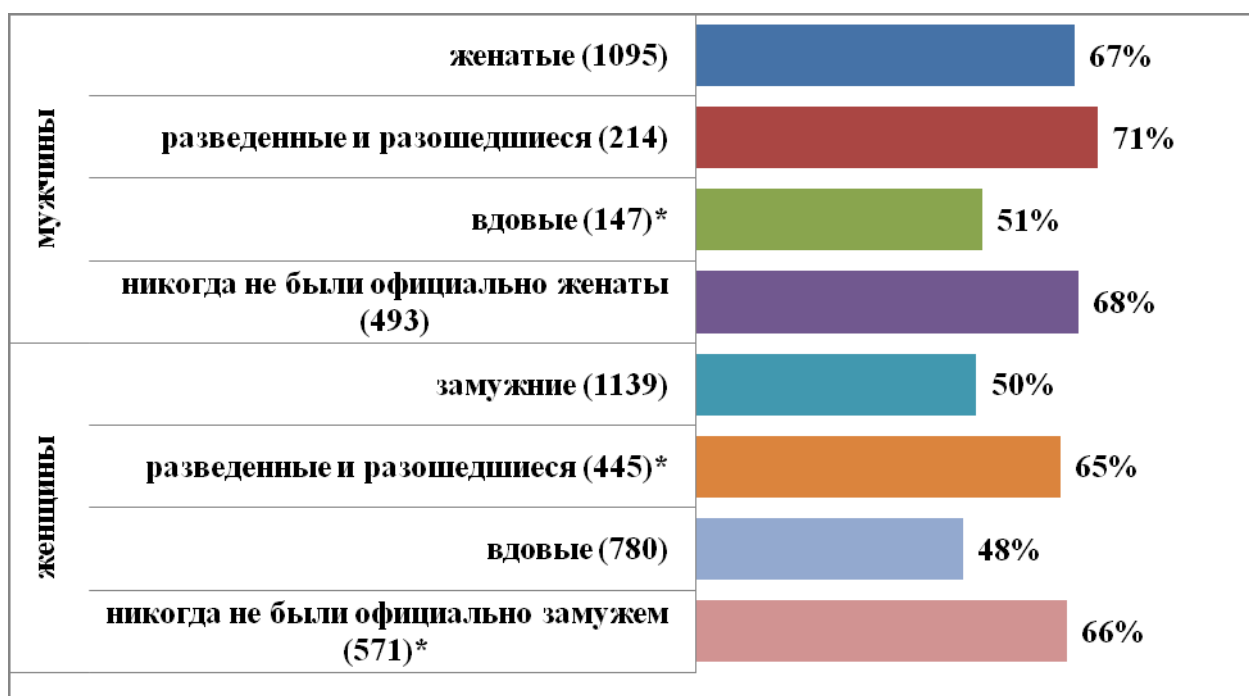

Рис. 3. Ценность личной свободы у мужчин и женщин в зависимости от брачного состояния (в % к числу лиц данного пола и официального брачного состояния).

*отличие показателя по данной группе от показателя для состоящих в браке лиц того же пола и возраста статистически достоверно ($t > 2$).

Женщины, которые никогда не были замужем, как это не удивительно, по показателю ценности личной свободы (66%) очень близки к разведенным (65%) и на 16% больше ценят свою независимость, чем замужние. С точки зрения статистической достоверности, это весьма существенная разница.

Ниже всего ценят личную свободу вдовцы (51%) и вдовы (48%). Вдовство – это единственный вариант семейного положения, который люди себе не выбирают. Конечно, смерть одного из супругов делает другого супруга более свободным, но кому нужна такая свобода?

Интересно, что показатель ценности личной свободы для вдов (48%) лишь на 2% ниже, чем у замужних женщин (50%). В то же время разница между соответствующими показателями для вдовцов (51%) и для женатых мужчин (67%) довольно велика – 16% и статистически достоверна. После смерти жен мужчины тяжело переносят одиночество. Многие из них понимают, что семья дороже свободы. Вдовы не чувствуют себя столь одинокими, как вдовцы, поскольку по-прежнему заботятся о детях и внуках и не сожалеют о том, что эти семейные обязанности ограничивают их личную свободу.

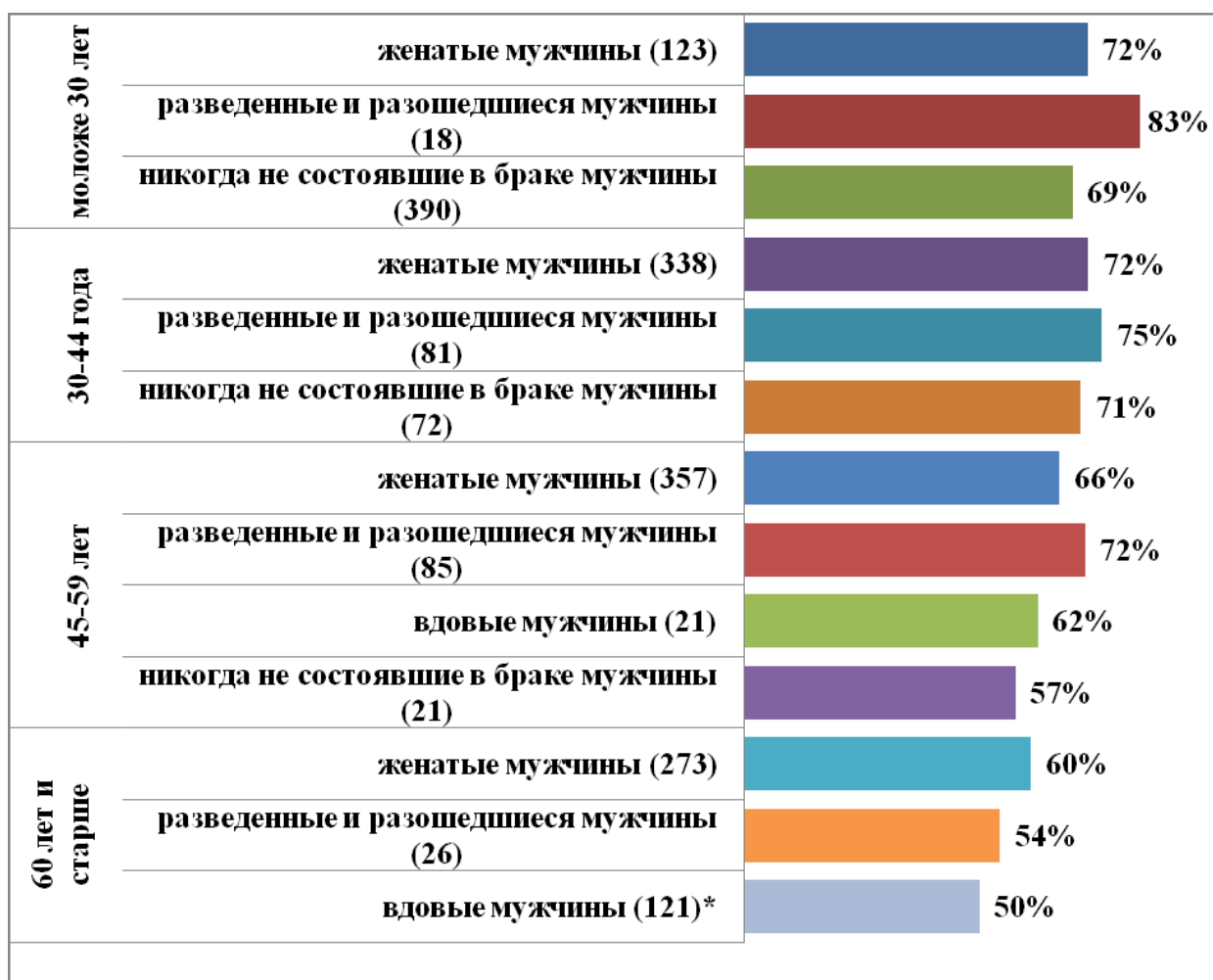

Рис. 4. Ценность личной свободы у мужчин в зависимости от возраста и брачного состояния (в % к числу лиц данного возраста и официального брачного состояния).

*отличие показателя по данной группе от показателя для женатых мужчин того же возраста статистически достоверно ($t > 2$).

Показатели для вдовцов моложе 45 лет и для никогда не состоявших в браке мужчин старше 60 лет не приводятся из-за крайней малочисленности мужчин с данным брачным статусом в соответствующих возрастных группах.

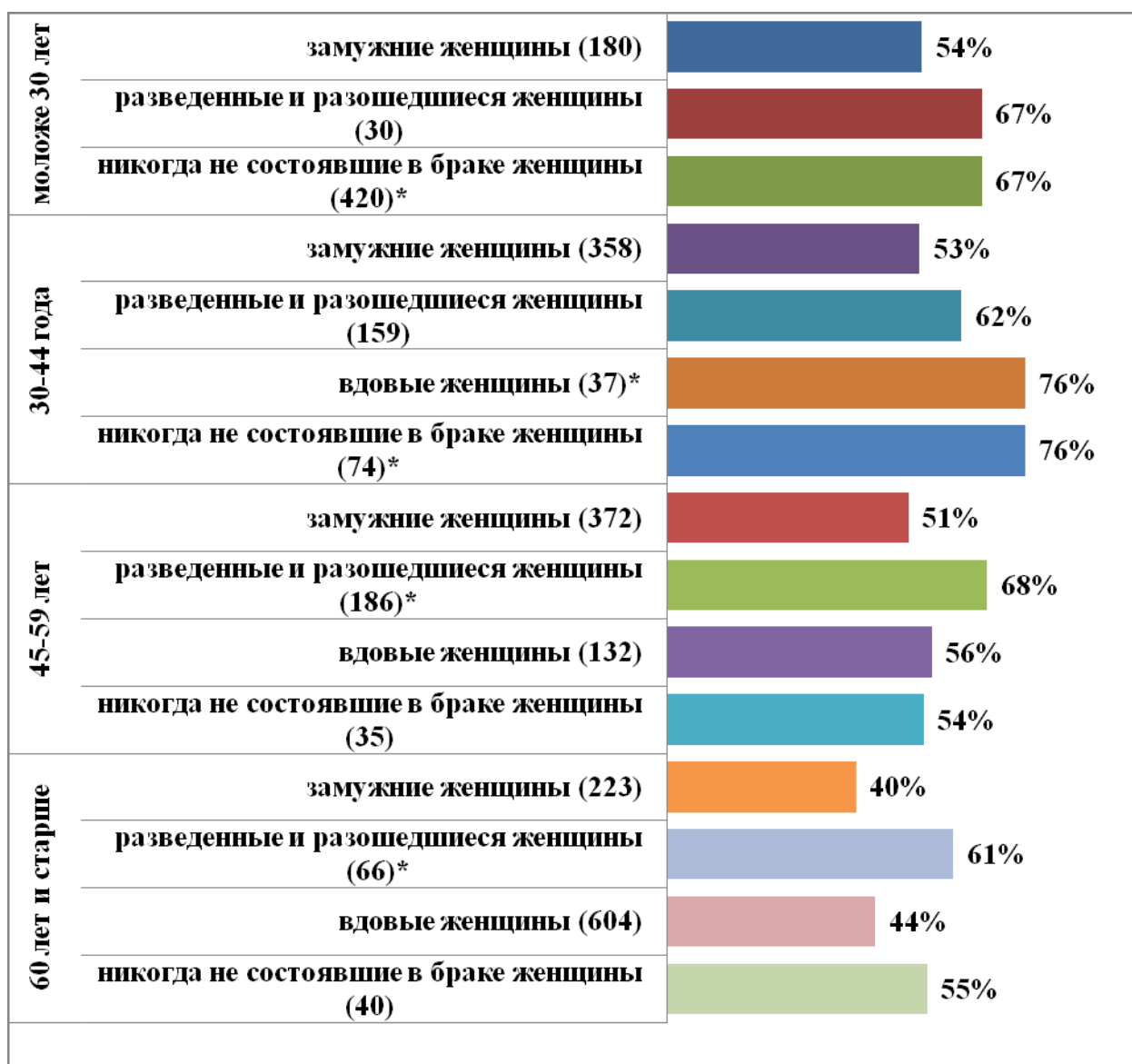

Рис. 5. Ценность личной свободы у женщин в зависимости от возраста и брачного состояния (в % к числу лиц данного возраста и официального брачного состояния).

*отличие показателя по данной группе от показателя для замужних женщин того же возраста статистически достоверно ($t > 2$).

Влияние опыта развода и повторного брака на ценность личной свободы.

На ценность личной свободы влияет опыт респондентов в отношении разводов и повторных браков. 67% мужчин, состоящих в браке и не имеющих опыта развода, высоко ценят личную свободу. Это статистически существенно ниже ($t > 2$) соответствующего показателя для мужчин, состоящих в послеразводном браке (77%). Однако у разведенных мужчин, не вступивших в повторный брак, данный показатель несколько (на 4%) меньше, чем у создавших новую семью. Он составляет 73% и лишь на 6% выше, чем у состоящих в безразводном браке (67%). Эти два различия статистически незначимы.

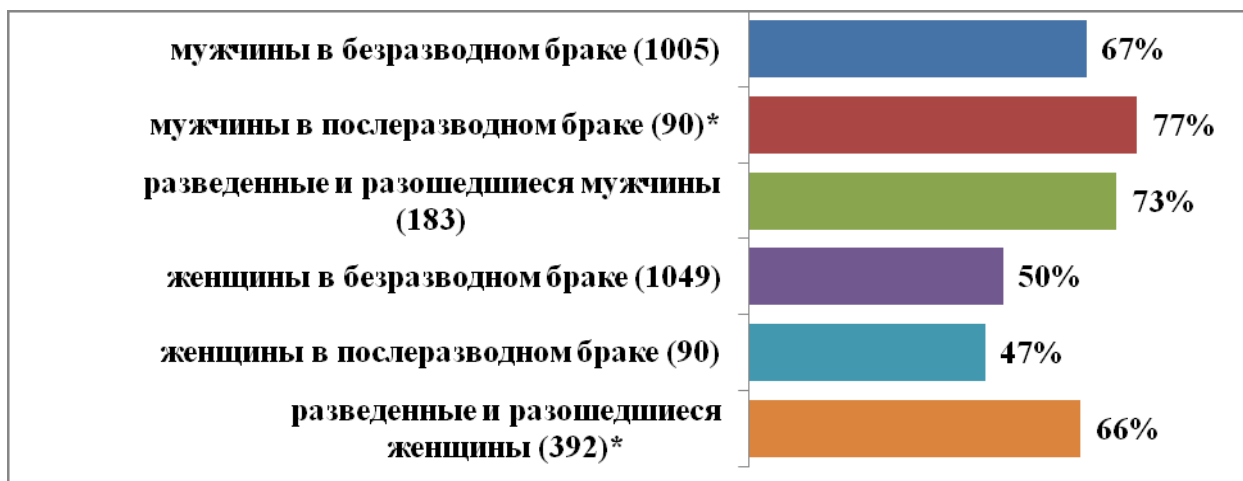

Рис. 6. Ценность личной свободы в зависимости от опыта брака и развода.

*отличие показателя по данной группе от показателя для живущих в безразводном браке лиц того же пола статистически достоверно ($t > 2$).

Женщины, состоящие в послеразводном браке, ценят личную свободу даже ниже, чем замужние дамы, которые в прошлом не развелись (47% против 50%). Правда, разница между этими группами очень мала (3%) и статистически незначима. Однако показатель для третьей группы, то есть, для разведенных и разошедшихся женщин, которые не вступили в повторный брак, составляет 66%, что на 16% больше, чем для «безразводных» и на 19% больше, чем для «послеразводных» замужних женщин. Статистическая значимость этих различий бесспорна.

Рис. 7. Ценность личной свободы для мужчин в зависимости от возраста и опыта брака и развода.

Примечание: данные для мужчин до 30 лет, состоящих в послеразводном браке, не приводятся из-за крайней малочисленности этой группы (4 человека).

У мужчин 30-44 лет и 45-59 лет показатели личной свободы для состоящих в послеразводном браке несколько выше, чем для состоящих в безразводном браке. Однако эти различия невелики и статистически незначимы. Во всех возрастах до 60 лет эти показатели для разведенных и разошедшихся также выше, чем для состоящих в безразводном браке, но и эти раз-

личия весьма малы и не выдерживают проверку на статистическую существенность.

Только после 60 лет эта общая тенденция нарушается: показатель для разведенных и разошедшихся на 5% меньше, чем для состоящих в безразводном браке, а показатель для состоящих в послеразводном браке на 19% выше, чем для состоящих в безразводном браке и на 24% больше, чем для разведенных и разошедшихся. Однако, с учетом численности соответствующих групп респондентов старше 60 лет, ни одно из различий между ними по данному показателю не является статистически достоверным. Это же относится и ко всем другим возрастным группам.

Совершенно другая ситуация имеет место у женщин.

Рис. 8. Ценность личной свободы для женщин в зависимости от возраста и опыта брака и развода.

Примечание: данные для женщин до 30 лет, состоящих в послеразводном браке, не приводятся из-за крайней малочисленности этой группы (7 человек).

*отличие показателя по данной группе от показателя для живущих в безразводном браке лиц того же пола и возраста статистически достоверно ($t > 2$).

В возрастах от 30 до 44 и от 45 до 59 лет различия в ценности личной свободы между женщинами, состоящими в безразводном и в послеразводном браке невелики и статистически несущественны. После 60 лет это различие становится более заметным, но остается статистически незначимым.

У разведенных и разошедшихся женщин показатели выше, чем у состоящих в безразводном браке: в возрастах до 30 лет – на 13%, от 30 до 44 лет – на 8%, в 45-49 лет – на 16%, в 60 лет и старше – на 22%. Для двух последних возрастных интервалов различия являются статистически достоверными.

Можно сделать вывод, что для женщин стремление к личной свободе является не только причиной развода, но также и препятствием к повторному замужеству.

«Гражданские браки» и ценность личной свободы.

В настоящее время широко распространены так называемые «гражданские браки», то есть, сожительства без официальной регистрации супружеских отношений. Популярность этого вида отношений специалисты (да и неспециалисты) объясняют по-разному.

Одни люди считают гражданский брак пробным браком, то есть, подготовительным этапом на пути к законному браку. Через этот этап, по их мнению, проходят многие пары, которые просто хотят проверить свои чувства и убедиться в том, что могут жить вместе. Другие полагают, что отказ от регистрации брака связан с опасением потери жилья и другой ценной собственности в случае развода. Среди российских респондентов ESS, живущих вместе в одном домохозяйстве с партнерами, которые не являются их законными мужьями и женами, 35% мужчин и 25% женщин либо официально разведены, либо живут отдельно от бывших супругов, но еще не получили формального развода.

Однако, помимо вышеуказанных факторов отказа от регистрации фактических брачных отношений, значение имеет и сама по себе ценность личной свободы в глазах респондентов. Среди мужчин, живущих вместе с законными женами, 66% высоко ценят личную свободу, а среди неженатых мужчин, живущих вместе с партнершами, с которыми они не зарегистрированы, – 68%. Разница между этими двумя показателями невелика и статистически незначима. Однако у женщин соответствующее различие гораздо заметнее. 53% женщин, живущих вместе с законными мужьями, придают большое значение своей личной свободе и независимости. А среди незамужних женщин, живущих вместе с партнерами, с которыми они не зарегистрированы данный показатель составляет 67%. Различия между этими показателями статистически достоверно.

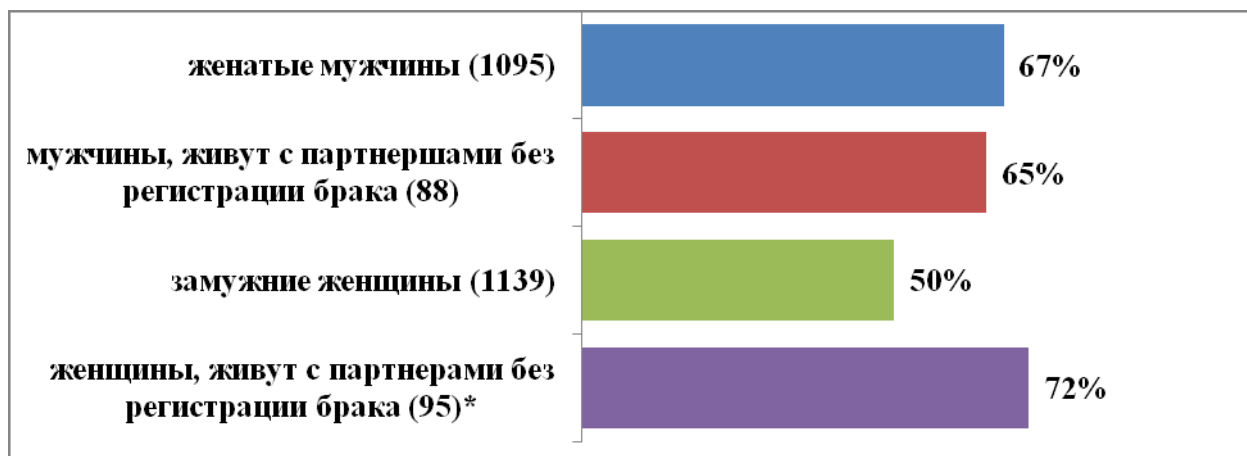

Рис. 9. Ценность личной свободы в зависимости от пола и состояния в зарегистрированном или незарегистрированном браке.

*отличие показателя для живущих с партнерами (партнершами) без регистрации от показателя для состоящих в официальном браке лиц того же пола статистически достоверно ($t > 2$).

Пропорция между числом состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке по данным ESS оказалась довольно близкой к соответствующей пропорции по данным переписи 2002 г. Правда, С.В. Захаров утверждает, что сама перепись дает заниженное представление о числе незарегистрированных браков, и на основании данных исследования «Родители и дети» приводит более высокие оценки распространенности незарегистрированных браков [13].

Расхождения между данными из разных источников объясняются главным образом различиями формулировок вопросов, основанных на той или иной дефиниции понятия «незарегистрированный брак». При расширительной трактовке этого понятия некоторые авторы могут считать незарегистрированным браком любую продолжительную сексуальную связь даже без совместного проживания партнеров, без ведения ими общего бюджета и хозяйства. Хотя основой семьи всегда считался брак [14], но при такой трактовке понятия «брак» оно отделяется от понятия «семья», поскольку партнеры не связаны отношениями единой общесемейной деятельности, а сексуальная жизнь не относится к специфическим функциям семьи [15], так как вполне возможна и вне брака. Но в анкете ESS нет вопроса о таких связях и незарегистрированный брак можно определить лишь по критерию проживания обоих партнеров в одном домохозяйстве.

Даже при совместном проживании партнеров остается дискуссионным вопрос о том, можно ли считать их связь новой разновидностью брака или эта форма отношений альтернативна к браку по определению [16, 17], поскольку она не предполагает взаимных обязательств, неизбежных в супружеских отношениях. Вероятно, многие люди не хотят регистрировать брак именно потому, что желают сохранить личную свободу. Анализ данных ESS подтверждает это предположение, но, как это ни странно, только для женщин.

Среди официально женатых мужчин высоко ценят личную свободу 67%, а среди мужчин, живущих с партнершами, с которыми они не состоят в зарегистрированном браке, даже несколько меньше – 65%. Правда, эта разница очень мала (2%) и статистически незначима. Но теоретически можно было бы ожидать гораздо большего различия, причем противоположной направленности.

Такое различие действительно наблюдается, однако лишь для женщин. Среди женщин, состоящих в официальном браке, высоко ценят личную свободу 50%, а среди женщин, состоящих в «гражданском» браке, – 72%, то есть, на 22% больше. Статистическая значимость столь заметного различия не может быть поставлена под вопрос. Этот показатель у женщин даже выше на 7% соответствующей цифры для мужчин, состоящих в «гражданском» браке (65%), но, с учетом численности респондентов с данным брачным статусом, такое различие не выдерживает проверку на статистическую значимость по t-критерию Стьюдента.

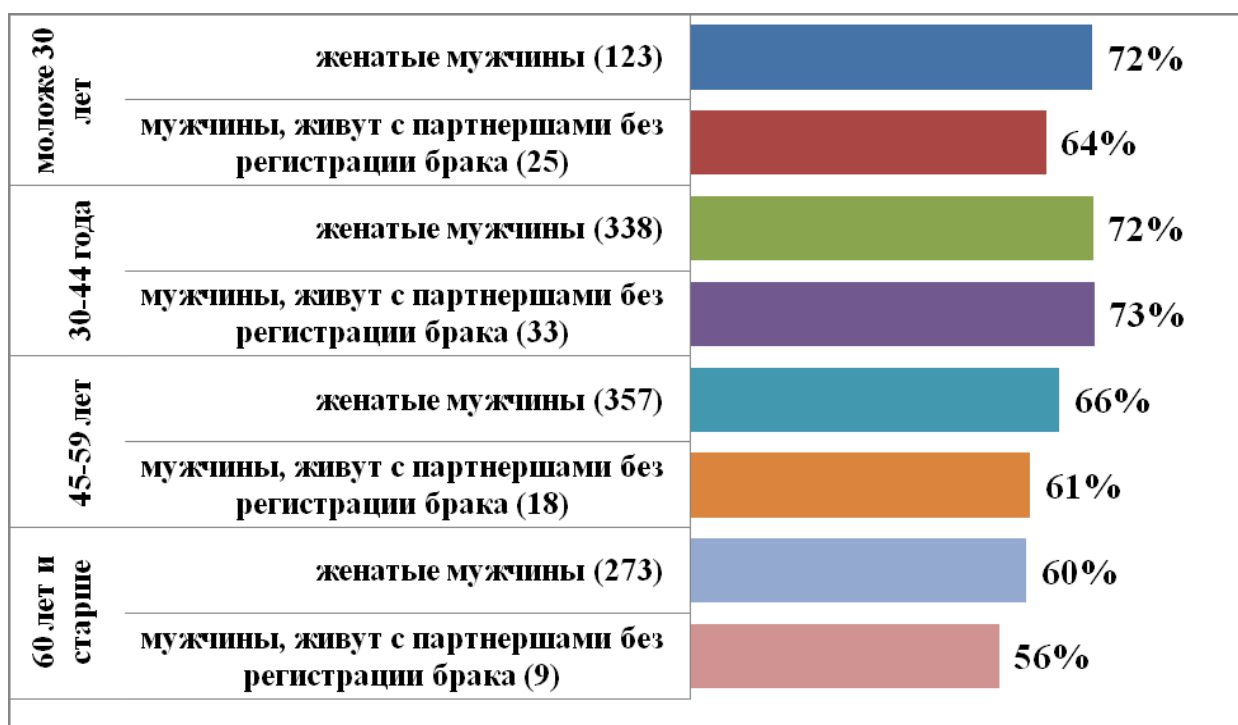

Рис. 10. Ценность личной свободы для мужчин в зависимости от возраста и состояния в зарегистрированном или незарегистрированном браке.

Ни в одной из возрастных групп мужчин не наблюдается значительных и статистически достоверных различий показателей ценности личной свободы между состоящими в зарегистрированном и в незарегистрированном браке. Однако у женщин эти различия более заметны. В возрастах до 30 лет у состоящих в «гражданском» браке показатель на 16% больше, чем у официально замужних женщин, от 30 до 44 лет – на 15% больше, от 45 до 59 лет – на 25% больше, причем последнее различие статистически существенно. Еще больше различие у женщин старше 60 лет. Оно достигает 35% и формально статистически достоверно ($t > 2$), но его не следует принимать всерьез, поскольку лишь 8 респонденток этого возраста живут с партнерами без регистрации брака. У мужчин этого возраста гражданские браки тоже крайне редки (9 случаев).

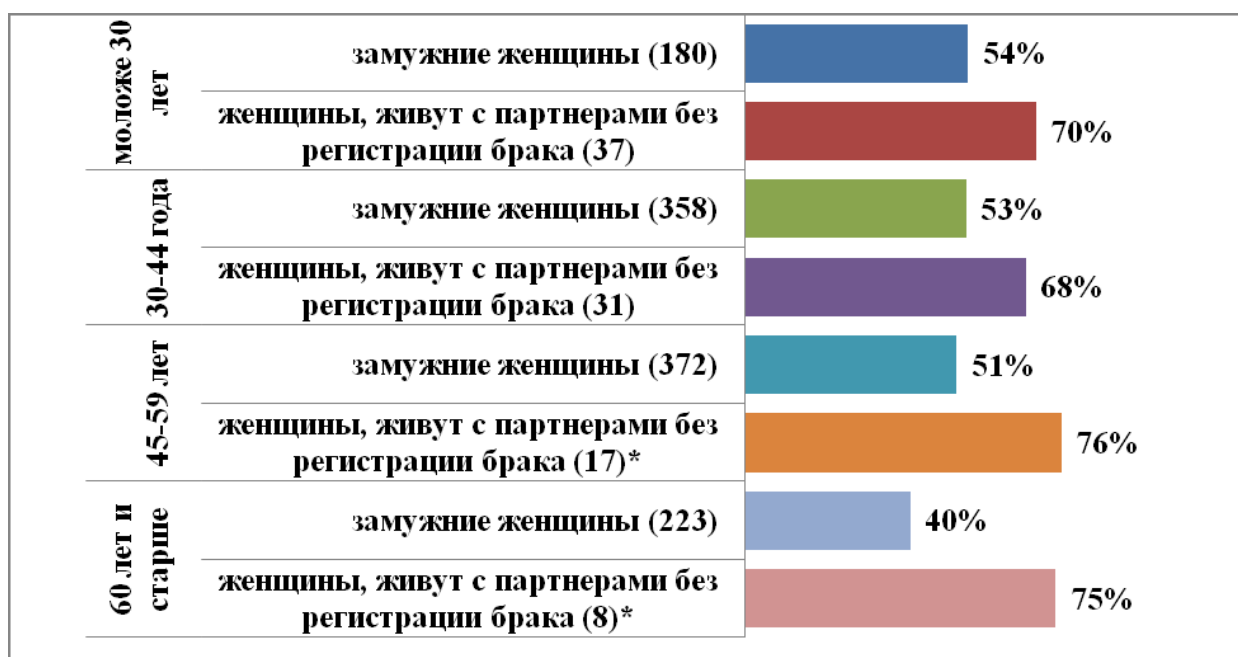

Рис. 11. Ценность личной свободы для женщин в зависимости от возраста и состояния в зарегистрированном или незарегистрированном браке.

*отличие показателя по данной группе от показателя для замужних женщин того же возраста статистически достоверно ($t > 2$).

Широко распространено мнение о том, что в сожительствующих парах именно мужчины отказываются от регистрации брака, опасаясь потерять личную свободу, в то время как женщины настаивают на узаконивании отношений. Однако приведенные выше данные показывают, что ценность личной свободы сильнее влияет на отказ от брака со стороны самих женщин. Вероятно, они, еще больше, чем мужчины, хотят избежать обязанностей, связанных с законным браком, например, ведения домашнего хозяйства или обременительных отношений с родителями мужа. По-видимому, мужчины отказываются регистрировать брак по другим причинам, например, из опасения потерять жилплощадь после развода.

Выводы:

Анализ данных показал, что мужчины ценят личную свободу больше, чем женщины (67% против 55%). Это различие сформировалось главным образом за счет респондентов, у которых личная свобода ограничена самим фактом пребывания в законном браке, (67% у женатых мужчин и 50% у замужних женщин). Гендерные различия у вдовых, разведенных и разошедшихся невелики, и статистически не значимы. Женщины, никогда не состоявшие ни в законном, ни в «гражданском браке» либо живущие в незарегистрированном браке, ценят личную свободу примерно так же, как и мужчины с тем же брачным статусом. Однако после регистрации брака у женщин ценность личной свободы снижается, а у мужчин этого не происходит. В случае развода мужчины начинают ценить личную свободу даже несколько выше, чем прежде. Тем не менее, это не мешает им вступать в повторный брак, хотя и после этого ценность личной свободы в их глазах не снижается.

Что же касается женщин, то высокая ценность личной свободы, с одной стороны, подталкивает многих из них к разводу, а с другой стороны, удерживает от повторного брака. Однако в глазах тех разведенных женщин, которые вновь вышли замуж, ценность личной свободы вновь заметно

уменьшается и становится почти такой же, как для женщин, состоящих в первом браке.

По-видимому, мужчины и женщины по-разному рассматривают ограничение личной свободы после вступления в зарегистрированный брак. Для мужчин, это, прежде всего, моральное ограничение. Многие из них неохотно воспринимают необходимость согласовывать с женой каждый свой поступок, а также выслушивать ее критические замечания в свой адрес по всякому поводу, а то и вовсе без повода. Однако попреки и «пиление», обычно воспринимаются мужчиной как особенности поведения своей жены, а не как проблема брачной жизни вообще. «Пиление» может подтолкнуть его к разводу, но страх перед повторением этой ситуации скорее вызывает осторожность в выборе новой супруги, чем принципиальный отказ от вступления в повторный брак.

Женщины обычно воспринимают уменьшение степени личной свободы как физическое ограничение, то есть, как резкое сокращение свободного времени из-за необходимости заниматься домашним хозяйством и уходом за детьми. Замужние женщины могут быть недовольны ограничением своей свободы, но все же, значительно чаще, чем их мужья, мирятся с этим положением дел, считая его естественным и неизбежным. Женщины, которые не согласны терпеть такую ситуацию, нередко возвращают себе свободу путем развода. Если плюсы свободы перевешиваются минусами одиночества, то те из них, которые не хотят оставаться одни, вновь выходят замуж, жертвуя своей свободой ради семейной жизни. Другие женщины ценят свою свободу более высоко и, в отличие от мужчин, понимают, что она будет резко ограничена в любом браке. То, что среди всех женщин, имеющих опыт развода, лишь 19% состояли на момент опроса в новом зарегистрированном браке [18], объясняется не только наличием детей у большинства из них и демографическим дефицитом женихов на российском брачном рынке, но также и тем, что многие из этих женщин дорожат своей личной свободой, вновь обретенной путем развода, и не стремятся к повторному законному замужеству.

Ссылки:

1 Работа выполнена по проекту РГНФ №10-03-00243а «Социокультурные модели семей в контексте демографической политики: особенности репродуктивного и социализационного поведения».

2 Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте. Россия и 25 стран Европы. Аналитический доклад. М.: Институт сравнительных социальных исследований, март 2008 г.

3 Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под общей редакцией А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009.

4 Антонов А.И., Лебедь О.Л., Соколов А.А. Семья, брак и удовлетворенностью жизнью в России и в Европе // Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / отв. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ. 2009. С. 207-244.

5 Соколов А.А. Семья – установки, выбор действий, последствия в России и в Европе // Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / отв. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ. 2009. С. 244-292.

6 Захаров С.В. Когда девушка становится взрослой // Демоскоп Weekly. 17-30 августа 2009. Электронная версия бюллетеня "Население и общество". № 385 - 386. (Институт демографии Государственного университета - Высшей школы экономики)

URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0385/tema01.php>

(Дата обращения 23.12.2010).

7 Синельников А.Б. Критерии социальной зрелости в России и европейских странах// Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. № 1-2. 2009. С. 80-100.

8 Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 1) // Мониторинг общественного мнения. №2(96) март-апрель 2010. с. 40-56.

URL:

http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2%2896%29_4_Belyaeva.pdf

(Дата обращения 23.12.2010)

9 Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. №3(97) май-июнь 2010. с. 47-60.

URL:

http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97_1/2010_3%2897%29_3_Belyaeva.pdf

(Дата обращения 23.12.2010)

10 Кофанова Е.Н., Мчедлова М.М. Религиозность россиян и европейцев. // Мониторинг общественного мнения. №2(96) март-апрель 2010. с. 201-230.

URL:

http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96/10-96_2010_Kofanova.pdf

(Дата обращения 23.12.2010)

11 Синельников А.Б. Влияние демографического статуса и семейного положения на общественное мнение о системе здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. № 1(17) 2011. <http://vestnik.mednet.ru/content/view/256/30/> (дата обращения 8.05.2011)

12 Ростовцев П.С. Перестановочный критерий для анализа взвешенной выборки // Социология: 4М. № 15 (2002). С. 135-157.

13 Захаров С.В. Расширяющиеся границы брака. // Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН. №99. (Июнь 2006).

14 По данным исследования «Религия, семья, дети», проведенного кафедрой социологии семьи и демографии в 2003-2006 гг. и охватившего 1085 респондентов, у 93% из них семейный образ жизни в большой или в очень большой степени ассоциируется с наличием законного супруга (Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М.: КДУ, 2009. С. 58.)

15 Социология семьи: Учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. –М.: Инфра-М., 2005. С. 44-46.

16 Вовк, Е. Незарегистрированные интимные союзы: "разновидности" брака или "альтернативы" ему? (Часть 1). [База данных ФОМ](http://bd.fom.ru/report/cat/az/e/vovk/gur050103) [Фонда "Общественное мнение"]. <http://bd.fom.ru/report/cat/az/e/vovk/gur050103>

17 Вовк Е. Смыслы и значения незарегистрированных отношений: разновидности брака или альтернативы ему? (Часть 2) [База данных ФОМ](http://bd.fom.ru/report/cat/az/e/vovk/gur05020). <http://bd.fom.ru/report/cat/az/e/vovk/gur05020>

18 Если сравнить число состоящих в послеразводном браке с суммарной численностью лиц той же категории плюс разведенные, то окажется, что лишь 33% мужчин и 19% женщин с опытом развода к моменту опроса создали (и сохранили) новые законные семьи. С учетом разведенных, живущих в одном домохозяйстве вместе с партнерами и партнершами без регистрации брака, эти показатели несколько выше (41% у мужчин и 21% у женщин), однако сам факт отказа от регистрации брака указывает на неуверенность в его прочности.

Ссылки:

i См.: Galtung, Fredrik (2006). "Measuring the Immeasurable: Boundaries and Functions of (Macro) Corruption Indices," in *Measuring Corruption*, Charles Sampford, Arthur Shacklock, Carmel Connors, and Fredrik Galtung, Eds. (Ashgate): 101-130. The author, a former Transparency International researcher and pioneer in the development of the Bribe Payers Index (BPI), addresses several criticisms of the Corruption Perceptions Index (CPI). He argues that the CPI should be radically revised and complemented by additional indicators.

Sik, Endre (2002). "The Bad, the Worse and the Worst: Guesstimating the Level of Corruption," in *Political Corruption in Transition: A Skeptic's Handbook*, Stephen Kotkin and Andras Sajo, Eds. (Budapest: Central European University Press): 91-113 и др.

ii США - четвертое место в мире по территории 9 522 057 км²; третье место по численности населения - 309 млн. чел.; ВВП на душу населения - 43 800 \$ (2006 г.), 47 000 \$ (2008г.). Чад - территория - 1 284 000 км², население - 11 100 000 чел., ВВП на душу населения в 2009 году — 1,6 тыс. долл.

iii См.: <http://www.transparency.org/>

iv См.: Корнаи Я. Честность и доверие в переходной экономике // *Вопросы экономики*, 2003, №9. С.4 -17.

v См.: Олейник А.Н. Издержки и перспективы реформ в России (институциональный подход). Истоки. Выпуск 3. М., 1998. С.124-165.

vi См.: Корнаи Я. Указ. соч.С.4 -17.

vii См. там же. С.8.

viii См. там же. С.7 – 8.

ix По мнению Я. Корнаи, на *горизонтальном уровне* реализуются многочисленные взаимодействия частных экономических агентов (физических и юридических лиц), которые находятся по отношению друг к другу в качестве продавцов и покупателей благ и услуг, то есть агентов контрактных отношений.

x См.: Корнаи Я. Указ. соч.. С.8.

xi См. там же.

xii См. там же.

xiii См. там же.

xiv См.: Олейник А. Указ. соч.С.124-165.

xv См.: Гимпельсон В. Частный сектор в России: занятость и оплата труда // *МЭ и МО*, 1997, №2. С. 82.

xvi См.: Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточно-европейского капитализма // *Вопросы экономики*, 1994, №7.

xvii См.: Олейник А. Указ. соч. С. 128-132.

xviii См. там же.

xix См. там же.

xx См. там же.

xxi При построении нормативной модели современного общества Л. Болтански и Л. Тевено исходят из выделения семи автономных сфер, или соглашений: рыночного (*convention marchande*), коммунитарного (*convention domestique*), гражданского (*convention civique*), индустриального (*convention industrielle*), общественного мнения (*convention de l'opinion publique*), экологического (*convention écologique*) и соглашения творческой деятельности (*convention d'inspiration*). См.: Олейник А. Указ. соч. С.132.

xxii См.: Олейник А. Указ. соч. С. 136.

xxiii См. там же.

xxiv См. там же. С. 136;145.

xxv См. там же. С. 136.

xxvi См. там же. С.138.

xxvii См. там же. С.139-140.

xxviii См. там же. С.140-142.

xxix См., например: Source: U.S. Department of Justice, Federal Prosecutions of Corrupt Public Officials, 1970-2006. <http://www.census.gov/compendia/statab/>; FINANCIAL CRIMES REPORT TO THE PUBLIC FISCAL YEAR 2001-2009 FBI Gov. is an official site of the U.S. Federal Government, U.S. Department of Justice. <http://www.fbi.gov/homeimag/banner06/seal.gif>; Korruption Bundeslagebild 2000-2009. Pressefreie Kurzfassung. www.bka.de и др.

xxx См.: Олейник А. Указ. соч. С. 136.

xxxi См.: Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук / Институциональная экономика. М.,2005. С.88.

xxxii См. там же С. 89.

xxxiii См. там же.

xxxiv См. там же. С.89-90.

xxxv Программа экономики соглашений (ЭС) нацелена на переосмысление трех сюжетов, которые в экономической мысли противопоставлялись друг другу на протяжении последних полутора веков: характеристика агента и его мотивов; варианты координации действий и роль ценностей и общих благ. Стандартная теория построена на основе четкого разделения вопросов рациональности и координации. Каждый из этих вопросов рассматривался вне всякой связи с другим: первый – в рамках теории общего равновесия, второй – в рамках теории принятия решений. В свою очередь, оба указанных сюжета никак не связывались с третьим, касающимся ценностных суждений и нормативных оценок. Напротив, подход ЭС нацелен на увязывание между собой всех трех указанных сюжетов. Если мы соглашаемся с тем, что координация действий требует усилий, а не осуществляется автоматически согласно законам природы, то отсюда следует преимущественно интерпретативный, а не только калькулятивный характер рациональности человеческого поведения. Чтобы скоординировать свои действия с окружающими, человек должен применить те или иные конвенциональные рамки, позволяющие ему понять действия и намерения других людей. Понимание рамок требует не только когнитивных, но и оценочных усилий. От формы оценки зависит направление и фокус избирательного понимания человека. Именно здесь рельефнее проявляется роль в осуществлении координации коллективных ценностей и общих благ, которые ни в коем случае

нельзя сводить к личностным предпочтениям. Коллективные ценности и общие блага обеспечивают рамки для наиболее приемлемых соглашений. Здесь же следует упомянуть и о языке как важнейшем компоненте социальной среды. В этом контексте ЭС стремиться к достижению интеграции, в равной мере касающейся экономических, социальных, и политических наук. Речь идет об их симметричном сближении, а не об экспансии одних наук за счет других. См.: Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук... С. 76-77.

xxxvi См.: Коркюф Ф. Новые социологии. Спб., 2002. С.157.

xxxvii См.: Олейник А. Указ. соч. С. 145.

xxxviii См.: "Финансовые Известия" от 31.07.2003 г.

<http://fin.izvestia.ru/articles/61/article608785/?hyperrealurl=http%253A%252F%252Fwww.finiz.ru%252Feconomic%252Farticle608785>

xxxix См. там же.

xl См. там же.

xli См.: DW | 31.08.2009. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4615400,00.html>

xlii См.: DW | 06.05.2010. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5541463,00.html>;

xliii См.: DW | 08.06.2010. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5660745,00.html>

xliv См.: Крупнейшие бизнес-скандалы США нашего времени. Washington ProFile, 2002. <http://www.washprofile.org/ru/node/2426>; Крупнейшие бизнес-скандалы США нашего времени. Washington ProFile, 2003. <http://www.washprofile.org/ru/node/1482>

xlv См.: Source: U.S. Department of Justice, Federal Prosecutions of Corrupt Public Officials, 1970-2006. <http://www.census.gov/compendia/statab/>

xlvi См. Там же.

xlvii См. Там же.

xlviii См.: KORRUPTION. Bundeslagebild 2000-2009. Pressefreie. Bundeskriminalamt. www.bka.de

xlix См. Там же.

i См. Там же.

ii См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии : В редакции от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г. /Ассоциация юридический центр ; Пер. с нем. Н. С. Рачковой ; Науч. ред., вст. ст. Д. А. Шестакова ; Предисл. Г.-Г. Йешека. - СПб. :Юридический центр Пресс, 2003. Приводятся только названия статей УК ФРГ. <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733>

iii См. Там же.

iiii См.: Korruption Bundeslagebild 2000-2009. Pressefreie Kurzfassung. www.bka.de

lv См. Там же.

lv См. Там же.

lvi См. Там же.

lvii См. напр.: Алексеева А. Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различения// Социальная реальность. 2008. №7.С. 96.

lviii Именно недоверие послужило глубинным основанием для событий, имевших место в декабре 2010 г. в Москве на Манежной площади (прим. автора).

^{lix} Калькова Л. В. Концепция современности Энтони Гидденса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. — М.: РАН ИНИОН, 1994. №2. С.42.

^{lx} Рязанцев И.П. Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян.- М.: Академический Проект. Гаудеамус. 2006.- С. 30.

^{lxi} Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) в г. ВОЛОГДА создан в сентябре 2010 года на базе Вологодского научно-координационного центра центрального экономико-математического института РАН (ВНКЦ ЦЭМИ РАН).

^{lxii} Данные официального сайта правительства Вологодской области: URL <http://www.vologda-oblstat.ru> (дата обращения (01.11.2010)

^{lxiii} Шабунова А.А., Гулин К.А., Окулова Н.А., Соловьева Т.С. Социокультурные аспекты развития территории. // Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. С.66-76.

^{lxiv} По данным опроса общественного мнения жителей 10 регионов СЗФО, проведенного в октябре 2010 г.

^{lxv} См. Балабанова Е.Г. Средний класс как объект исследований российских социологов // Общественные науки и современность.2008.№1; Симонян Р.Х. Средний класс современной России: миф или реальность? // Общественные науки и современность.2008. №1.

^{lxvi} См. Ярошенко С. «Новая « бедность в России после социализма // Laboratorium. 2010.№2.

^{lxvii} Ф. Фукуяма. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. С. 162.

¹ К «Манифесту» примыкало около двадцати законодательных актов, в которых детализировались принципы и условия выхода крестьян из крепостнической зависимости, замена прав помещиков на крестьян, опирающихся на «предание, обычай и добрую волю помещика» на *правовые отношения*, превращавшие бывшего крепостного в «свободного сельского обывателя». Это был сложный, трудный, противоречивый, но конкретный по своим целям шаг в направлении уничтожения вотчинной власти помещика и постепенного приобщения огромной массы крестьянства к *гражданской жизни*.0020

² Среди этой рукописной литературы можно отметить записки К.Д. Кавелина, А.И. Кошелева, К.С.Аксакова, П.А.Валуева, Б.Н.Чичерина, Ю.Ф.Самарина. Огромную роль в формировании общественного мнения в России играли зарубежные издания А.И.Герцена, которыми интересовались и лица императорского дома.

³ См.: Русь. 1881, №27. С. 17-19.

⁴ См.: Погодин М.П.. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874, С.217-218 и др.

⁵ На момент реформ в России, не считая Польши, Финляндии и Кавказа было около 23 миллионов крепостных крестьян, 26 миллионов – государственных крестьян, 4 миллиона горожан, 1 миллион дворян и 650 тысяч духовных лиц. Юридический статус государственных и крепостных крестьян был различным. Начиная с 1801 года государственные крестьяне, в отличие от крепостных, могли приобретать в собственность землю, заключать договоры, выбирать род занятий – заниматься земледелием или ремеслом и др. Но и у этой огромной массы крестьян юридический статус не был достаточно гарантирован. Запутанность «крестьянского вопроса» в России была одной из трудностей, которая осознавалась и в эпоху либерального императора Александра 1, и в эпоху «императора-будочника» Николая 1, который, кстати, не в меньшей степени, чем его предшественники, занимался крестьянским вопросом. С 1826 по 1855 год им было издано 108 указов касающихся тех или иных проблем связанных с крестьянским вопросом, в том числе и защиты крестьян от помещиков. Существует мнение, что на смертном одре Николай 1 взял с будущего императора обещание найти решение вопроса освобождения крестьян. См: Леонов В.В. История либерализма в России 1762-1914. М., 1995. С.154-155; 140; 179.

⁶ См., например: Великие реформы в России 1856-1874 / Под ред. Л.Г.Захаровой, Б.Эклофа, Дж.Бушнелла. М., 1992.

⁷ Хотя реально начало реформ надо считать с открытия очередного Секретного комитета в 1857 году, затем переименованного в Главный комитет (1858г.), и появления известного первого рескрипта от 20 ноября 1857 года виленскому генерал-губернатору В.И.Назимову.

⁸ В продолжение этой политики в европейских губерниях России в течение 1858-1859гг. были созданы дворянские губернские комитеты по разработке проектов освобождения крестьян. Было открыто 46 губернских комитетов и 2 комиссии, в которых принимали участие около полутора тысяч человек. В работе этих комитетов сразу определились различные позиции в подходах к вопросу об освобождении крестьян – консервативное большинство, ориентировавшееся на обезземеливание крестьянства, и либеральное меньшинство, ориентировавшееся на выкуп крестьянами наделов, отмена вотчиной власти помещика, обеспечение системой других реформ условий, которые закладывали бы основы формирования в России *гражданского строя, правового государства*.

⁹ В либерализации взглядов графа Я.И.Ростовцева просматриваются и мотивы личного характера. В стремлении избавиться от обвинения в измене друзьям-декабристам, многие из которых после политической амнистии принимали активное участие в освобождении крестьян работая в губернских комитетах. См. подробнее: Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861-1874 (К вопросу о выборе пути развития) / Великие реформы в России 1856-1874. М., 1992, С.32.

¹⁰ В состав этой либеральной когорты входили Ю.Ф. Самарин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, братья Н.А. Милютин и Д.А. Милютин, К.Д. Кавелин, В.А.Черкасский, Н.Х. Бунге, М.Х. Рейтерн и др. Либеральная бюрократия концентрировалась вокруг Русского географического общества, созданного в 1845 году под председательством великого князя Константина Николаевича. Само общество находилось при Министерстве внутренних дел и по существу в нынешних понятиях политической социологии может быть определено лоббистской группировкой зарождающегося российского либерализма. Структура института Редакционных комиссии включала в себя административный, юридический и экономический отделы. Позднее будет создана еще одна комиссия – финансовая. После смерти в 1860 году Я.И.Ростовцева император назначит председателем Главного комитета великого князя Константина Николаевича, обеспечив, таким образом, сохранение либеральной направленности реформ.

¹¹ С м.: Захарова Л.Г. Указ.соч. С.37.

¹² Цит. по: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762-1914. М., 1995. С.35.

¹³ Эти права или ценности были отражены во Всеобщей декларации прав человека и гражданина 1789 года. Екатерина была не только знакома с Декларацией, но и лично обсуждала ее с пятнадцатилетним Александром, будущим императором Александром 1.

¹⁴ С м.: Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С.161-162.

¹⁵ С м.: Захарова Л.Г. Указ. соч. С.36.

¹⁶ В 1898 году Витте обратился к царю с просьбой об отмене этого права волостного суда, потому что «розги... оскорбляют в человеке Бога» и противоречат общему правовому сознанию и общим правовым нормам. С м.: Леонтович В.В. Указ. Соч. С.214-215.

¹⁷ Земство было учреждено в 34 губерниях Европейской России. В последующем его откроют еще в 9 губерниях. К 1917 году земские учреждения будут действовать в 43 губерниях. В сферу земства входило содержание местных путей сообщения, организация народного образования, медицинской помощи, местной торговли и промышленности, народного продоволь-

ствия. С ним связано в России появление статистики, развития народных промыслов, мелкого предпринимательства, культуры аграрного сектора страны. Земство формировало среду зарождающегося в пореформенный период элементов *гражданского общества*, которая вызовет к жизни движение земского либерализма.

¹⁸ Конец 70-х годов характеризовался активизацией и самоорганизацией сил земского либерализма. Это отдельная и большая тема, которая выходит за границы данной статьи. Отметим только, что первый съезд земцев состоялся в Москве 1 апреля 1879 года. Председателем съезда выступал известный русский ученый, профессор М.М.Ковалевский.

¹⁹ С м.: Захарова Л.Г. Указ. соч. С.41.

²⁰ Помимо институтов местного самоуправления, находящихся под опекой государства, в структуру зарождающегося гражданского общества того времени можно включать Вольное экономическое общество, Географическое общество, сельскохозяйственные и различные рода предпринимательские общества, сберегательные и ссудные кассы, научные общества, профессиональные группы, публичные библиотеки и издательства благотворительные организации и фонды и т.д. Сюда же необходимо включать целую серию различных радикальных организаций 60-70-годов претендующих на роль «партий», в том числе и самоорганизующиеся группы земских либералов и др. В целом эти структуры скорее правильно называть элементами протогражданского общества, либо группами интересов и лоббистскими группировками.

²¹ Подробный ход обсуждения этого вопроса С м.: Леонтович В.В. Указ. соч. С.321-326.

²² С м.: Правительственный вестник, 18(30) января. 1895. №14. С.1.

²³ Медведев Д. Россия, вперед! // <http://www.gaseta.ru/comments>

²⁴ С м. более подробно: Великие реформы в России 1856-1874. М., 1992. С. 176 и др.

^{lxxviii} Демографическая ситуация в России на 1 декабря 2010 года // Демография.ру. [Электронный ресурс]. –

URL:http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=1855;

Браки и разводы // Демография.ру. [Электронный ресурс]. – URL:http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=164;

Статистика браков и разводов в России за 2000-2009 гг. [Электронный ресурс]. –

URL:http://www.svadba-online.ru/zags/statistika_brakov_i_razvodov_v_rossii_po_2009_god_news.html.

^{lxxix} Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 84-89.

^{lxxx} По результатам исследования написана статья, которая готовится к печати в «Вестнике РГГУ» 2011 года.

^{lxxxi} Интервью 6, С.1. Мужчина, 44 года, бизнесмен, хозяин ресторана. Сын жены и свой сын от первого брака, общих детей пока нет.

^{lxxxii} Интервью 3, С. 4. Женщина, врач - педиатр, 50 лет, образование высшее. Двое взрослых детей, второй гражданский брак распался.

^{lxxxiii} Интервью 12, С. 9. Мужчина, 60 лет, пенсионер, образование среднее специальное. Двое взрослых родных детей и падчерица.

^{lxxxiv} Интервью 6, С.1. Мужчина, бизнесмен, хозяин ресторана, 44 года. Сын жены и свой сын от первого брака, общих детей пока нет.

^{lxxxv} Интервью 4, С. 3. Мужчина, врач-терапевт, 55 лет, образование высшее. Свой ребенок от первого брака, падчерица и общий ребенок со второй женой.

^{lxxxvi} Интервью 14, С. 2-3. Мужчина, 43 года, предприниматель, образование высшее. Сын жены, своих детей нет.

^{lxxvii} Интервью 10, С.2. Женщина, 40 лет, медсестра, образование среднее специальное. Сын жены, общих детей нет.

^{lxxviii} Интервью 2, С. 2. Мужчина, 35 лет, рабочий, образование среднее. Сын жены, общая дочь.

^{lxxix} Интервью .5, С.3. Мужчина, 43 года, таксист, образование среднее специальное. Двое детей жены, один общий ребенок.

^{lxxx} Эссе, С. 2. Юноша, 19 лет. В семье ещё двое младших братьев, общих детей его матери и отчима.

^{lxxxii} Интервью 14, С. 1. Мужчина, 43 года, предприниматель, образование высшее. Сын жены, своих детей нет.

^{lxxxii} См.: Валетас М.-Ф и Прокофьевой Л. Отцы и дети после развода. [Электронный ресурс].–

URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/009/tema01.php>; Гурко Т.А. Участие отдельно проживающих отцов в жизни детей после развода // Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 211-237.